

Антон Болдаков

Золото келе

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Антон Болдаков

Золото келе

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70368634
SelfPub; 2024*

Аннотация

1959 год. СССР. На северной территории "Плутония", занимающейся добычей разработкой месторождений с полезными ископаемыми, предназначенными для космической программы, происходит необычное пришествие – таинственная гибель группы археологов. Обстоятельства гибели очень загадочны и непонятны. Прибывшая на место происшествия следователь легендарного Биоинститута СССР, начинает своё собственное расследование. Однако никто даже предположить не мог, что в ходе расследования придётся столкнуться с ожившими мифами Севера...

Антон Болдаков

Золото келе

Посвящается тем, кто оставил раны в моей душе и сердце.

Прошлое, мелькнет и только время

Сердца боль мою, сотрёт...

Твои слова – кинжалом раяя

В моей душе оставят шрамы...

Оставят шрамы – навсегда...

Человек не подозревает, какие ужасы делят мир вместе с ним. Человеку неведомо о том, кто обитает в темноте. Человек не знает о таящихся в глубинах лесов «громовиках» и их кошмарных Ледяных Отцах.

Человек не ведает о суккубах.

Человек не знает о баксбакуаланксивахикеле, что таятся среди леса и льда. Человек не ведает о тех, кто живёт в глубинах Океана и чащобах лесов...

Человек не знает многого...

В том числе того, насколько он не интересен ночным ужасам, ибо самый страшный ужас это то, что таится в его душе...».

1959 год. СССР.

– Интересно... Знаешь, я с тобой согласен... Странно всё это выглядит. Не стану спорить. Знаешь, что я скажу? Так и быть, уж помогу чем смогу – отправлю к тебе своего специалиста. Но уж ты, прошу тебя, со своей стороны окажи ему хорошее доверие и помощь, лады? Хорошо, товарищ главный инженер – ждите уже этим утром моего помощника. И помните – только он может помочь вам. Не обижайте уж... Ладно, потом свяжемся....

Илья Муромцев, осторожно и аккуратно, положил трубку на рычаги и несколько секунд смотрел на телефонный аппарат глубоко задумавшись.

Затем Илья поморщился, и, сделав глубокий вдох, повернул рычаг управления, вделанный в подлокотник кресла и, неторопливо объехав стол, подкатился к окну и посмотрел на огромное зелёное море тайги, уходящее до горизонта.

Сам Илья выглядел очень странно – обычный человек средних лет, в инвалидном кресле. Вот только его лицо было каким-то странным – человек, посмотрев на Илью, как правило, быстро забывал его внешность и не мог толком описать её, не говоря о том, что бы составить словестный портрет или фоторобот.

Немного помолчав, Илья нажал на кнопку вызова секретарши.

– Полина, вызови ко мне Елену Сиротину...

Затем он покрутил рукоять управления своего кресла, по-

догнал его к шкафу и, очень осторожно, встал из него. Ноги Богатырёва подрагивали – он ступал очень осторожно, словно шёл не по ковру, а по тонкому льду. Руками он двигал тоже с хорошо видимым напряжением – какое часто можно встретить у людей, которые долгое время лежали с переломами рук и после снятия гипса с трудом учились шевелить отвыкшими от работы пальцами.

Во время Великой Отечественной Войны Илья, тогда ещё обычный военный врач Биоинститута, был заброшен в Германию, дабы проверить слухи о наличии у Третьего Рейха редчайшего и во многом уникального бактериологического оружия, известного под кодовым названием «чёрный яд». Откуда его вывезли немцы в самый разгар Великой Отечественной, было неясно – до этого «чёрный яд», по сведениям СССР был только в распоряжении США.

«Чёрный яд» относился Биоинститутом к оружию класса «ультра» – стопроцентная смертность для любого биологического объекта, включая грибы и растения, и при этом способность заражения, как у дизентерии или тифа...

Илья, к своему удивлению, выяснил, что в Германии, в секретном объекте, находилось, как выяснилось, девять человек, что заразились «чёрным ядом», но... не умерли. Точнее умерли, но не совсем – «чёрный яд», эта загадочная зараза, привезённая немцами из Антарктиды, оказалась с неприятными сюрпризами...

В ходе миссии, Илья сам заразился «чёрным ядом» –

но ухитрился выжить, став, как потом выяснилось, одним из немногих людей во всём мире, что, будучи заражённым «чёрным ядом» – выжил.

Однако заражение всё же сказалось на его теле – будучи крепким и здоровым человеком, Илья почти полностью лишился своих двигательных функций. Его тело стало очень неповоротливым, а реакции – замедленными. Причём всё это происходило очень постепенно – за много лет.

Вот почему Илья некоторое время передвигался с тросточкой, потом на костылях, а не так давно, года два назад, был вынужден раскатывать в инвалидном кресле. Его тело просто его не слушалось – хотя лицевые мышцы работали «в штатном режиме», и Богатырь, как его прозвали в Биоинституте, мог нормально разговаривать.

Неловко двигаясь. Илья вытащил из шкафчика пачку печенья, нарезанный батон и пару плиток шоколада, и всё положил на столе.

В двери – большие двери из висконского дуба (между прочим присланные в подарок из Америки знакомыми и друзьями Илья) постучались.

– Елена? Заходи.

В кабинет вошла высокая, худощавая девушка, очень необычной внешности.

Её лицо было лицом типично восточной женщины – пухлые губы, огромные глазищи, характерный для жителей Востока нос – это делало её похожей на принцессу Будур из

«Алладина».

Однако кожа девушки и её волосы были светлыми – светлая кожа, длинные светлые волосы, завязанные в обычный хвост.

Самым странным в ней были её глаза – огромные, синие глазищи – причём синева глаз была настолько бледной, что хрусталика практически не было видно, только края хрусталика были чуть-чуть чёрными, а зрачки были больше похожи на точки – всё это придавало девушке вид какой-то эльфийской принцессы – разве что ушей острых не хватало.

Одета она была в высшей мере странно – белая рубашка с короткими рукавами и форменная чёрная юбка – чуть ниже колен. Юбка и футболка не могли скрыть необычной худобы девушки, и её сильного загара – руки и лицо были загорелыми, словно она провела много времени на жарком солнце южных широт. Под блузкой угадывался лифчик странного цвета – зелёный, ядовито-кислотный, просвечивающий даже через одежду.

– Старший лейтенант...

– Без расшаркиваний, ладно? – Илья сделал шаг к столу. – Извини, что сорвал тебя с отпуска, Елена...

Пухлые, красивые губы девушки изогнулись в улыбке.

– Вообще-то у меня отпуск кончился ещё вчера, товарищ Муромцев, – сказала она мелодичным, красивым голосом.

– Да? Забыл... Память дырявая... старею... – Илья сел в кресло и подкатил к столу. – Дело есть для тебя. Садись.

Елена села в кресло и, не спрашивая, взяла плитку шоколада.

– Со мной связался мой друг, товарищ и где-то даже брат – Иннокентий Север. Ты его могла помнить, года три назад он был в отпуске, приезжал ко мне и мы с ним ездили охотиться на медведей в Сибирь.

– Это тот самый ваш друг, с которым вы познакомились в годы Великой Отечественной? Когда он по ошибке прострелил шубу одному из староверов, у которых вы останавливались пожить?

– Именно. Оказалось что человека в шубе, шапке и сапогах из шкуры медведя, очень легко перепутать с настоящим медведем... Ладно, суть не в этом. Иннокентий уже второй десяток лет служит в должности главного инженера в местечке, что называется «Плутония».

– Это случайно не то месторождение, где добывают кое какие вещества, для космической промышленности? – Елена на миг прикрыла свои огромные глазищи.

– Оно самое. Находится на севере – причём назвали в честь книги «Плутония», Обручева. В годы войны там добывали золото, и некоторые виды металлов – например, уран.

– Разве уран и золото сочетаются?

– Скажем так... «Плутония» аномальная зона. В ней многое не так, как у нас, – Игорь вздохнул. – Иннокентий управляет «Плутонией» железной рукой, и у него всё и всегда под контролем... Однако сегодня он позвонил мне и попросил

о одном особом одолжении. Ему нужен оперативник Биоинститута, с хорошей мобильной лабораторией биологического назначения. И непременно – женщина.

– Эм... – на лице Елены мелькнуло какое-то странное выражение. – Женщина?

– Да. Тут видишь ли... такая история была... В прошлом году у него в «Плутонии» произошло ерундовое происшествие: при посадке у одного из самолётов произошла разбалансировка, и этот самолёт врезался в пустой ангар. Из Москвы немедленно прислали проверяющего... Молодой парень – дико наглый и нахальный, что, в общем-то не так и редко встречается у таких молодых, да ранних. Орал на всех так, словно они его рабы или слуги. Позволил себе в открытую хамить и орать на Иннокентия, который, к слову, вдвое его старше. Ну, Иннокентий не выдержал и спустил крикуна с лестницы. Да так, что тот себе руки и ноги поломал. И челюсть – тоже. Народ что в «Плутонии» работал, это оценил. А вот в Москве – не очень. – Илья покатал по столу кусок печенья. – Учитывая, что у Иннокентия работает куча народу, что относятся к бывшим, а то и действующим зекам... Сама понимаешь...

Елена понимала – обычно на контингент рабочих в таких вот отдалённых от других городов участках, смотрели сквозь пальцы. Если начальник того или иного участка держал своих людей в «ежовых рукавицах» и они работали без всяких нареканий, то на их биографию не обращали никакого вни-

мания. Однако из-за ссоры главы «Плутонии» и проверяющего из самой Москвы, что закончилась столь необычно, в той же Москве могли прекратить «смотреть сквозь пальцы», на окружение «Плутонии» и начать придирааться к его людям. А это не очень хорошо.

– Так что Иннокентий особо просил прислать меня именно женщину. У его работников женщина физиологически не ассоциируется с опасным субъектом и палки тебе в колёса ставить никто не будет.

– Хм... И сколько там, в этой «Плутонии», женщин, кроме меня?

– Их там больше полусотни, – огорошил Елену Илья. – Иннокентий может и тяжёлый мужик, но в кое каких аспектах мироздания разбирается неплохо. Его «Плутония» это тебе не какой-то дикий лагерь старателей из Джека Лондона. Это очень мощное, хорошо снабжающееся с Большой Земли предприятие. И отнюдь не тюремного типа. Так что там есть, кому глазки строить рабочим и геологам. Иннокентий там проследит за тем, чтобы тебя не сильно лапали. А если что... ты ведь не просто так получила свои корочки инструктора рукопашного боя. Так что отбрешешься. Если что. И не переживай – там народ простецкий – если пару морд набить – то тебя только «зауважают на райончике». Хотя меня не это интересует, а то, для чего ты туда полетишь.

– Что там случилось?

– Видишь-ли... Иннокентий сказал, что у него на участ-

ке, известном как Долина Призрачных Флейт, произошло странное происшествие – там погибло десять человек. Причём не поисковики, не геологи, а гражданские – присланные из Ленинграда исследователи, что проверяли «теорию поллой земли».

– Теория «поллой земли»?

– Ну... существует теория, что внутри нашей планеты есть огромная полость, где живут люди, есть своё солнце и иная, не такая как у нас жизнь – в общем, роман «Плутония» Обручева как раз о такой штуке и рассказывают. – Илья медленно помешал чай в стакане, сильно помятой и изгрызенной по краям ложкой, выточенной из куска немецкого «Тигра». – В прошлом году к Иннокентию зачастили жители Москвы и Ленинграда, что занимались поисками этих подземных полостей. Само собой, что они прибывали не сами по себе, а имели направление от разных институтов и университетов – с безупречными документами – ничем не хуже, чем настоящие. И рекомендациями от маститых личностей – даже от тех, кого в природе не существует.

– Интересно. И что же Иннокентий их «в шею» не вытурил?

– А зачем? Проще последить за ними и вызнать, что им и впрямь надо... В общем вот... одна из таких экспедиций погибла в полном составе.

– Причина смерти? – зрачки в глазах Елены, на краткий миг, расширились и тут же сжались.

– Иннокентий сказал мне, что его врач, ну главный врач поселения, выдал на редкость тупое заключение о том, что погибшие упились водки, занюхали её кокаином и, умерли от «осложнений» что случилось от такого угощения. От ломки и пьянки, если уж совсем прямо. Но сам Иннокентий с этим не согласен категорически. И он считает, что тут нужен профессиональный врач и эксперт.

– То есть – я.

– То есть – ты. У тебя есть необходимые знания и опыт. Кроме того я выдам тебе самое лучшее оборудование, которое производится в Новаградске – читай – лучшее в мире. Кроме того ты очаровательная девушка, напрочь лишённая романтических глупостей, за что я тебя и ценю. Если кто и разберётся с тем, что там случилось – то только ты, – Илья отправил в рот кусочек батона и запил чаем.

– Что делать с результатами расследования?

– Всё передашь Иннокентию и мне. Он сам решит. А я – буду знать что он решил.

– Даже если ваш друг прикажет убрать материалы дела «под сукно»?

– Даже так, – упрямо проговорил Илья и повернулся вместе с креслом к окну. – Иннокентий человек старой закалки – он действует не так как хочет, а так как правильно. Если он решит, что не стоит трепать языком о том, что ты там обнаружишь... да будет так. Моё, да и твоё дело, узнать правду. А кто и как этой правдой распорядится – уже дело десятое.

– Понимаю.

Илья поглядел на Елену и скривил губы – полноценно улыбаться он не мог, в кривой усмешке. На непосвящённых в специфику его болезни этот оскал действовал весьма впечатляюще.

– Всех погибших нашли в Угодьях Келе. Это очень старое место, оно известно ещё до появления «Плутонии». С ним были связаны какие-то нехорошие рассказы – так мне сказал Иннокентий. Он упомянул, что дело очень непростое и ему нужны профессионалы, способные мыслить... «за гранями рационализма».

– Иными словами – он верит, что людей убило какое-то привидение? – удивилась Елена, машинально расправляя юбку.

– Если бы я не знал Иннокентия, то сказал бы – что да, он считает именно так. Что бы у него там не стряслось... это очень важно. Так что на тебя вся надежда – Товарищ Молния.

Елена скривила губы в подобии улыбки. Она очень не любила того прозвища, что дал ей Илья – Товарищ Молния. Такое прозвище было, каким-то странным – отдающим духом дешёвых американских комиксов. Однако Илья любил употреблять это прозвище, иногда подменяя его не менее странным прозвищем – Леди Тандерболт. (Игра слов – «молния» и «тандерболт» на русском и английском языках означают одно и то же. Примечание автора).

Пару раз Елена просила не называть себя так, но потом махнула рукой – пусть обращается к ней как ему удобнее. Начальник же... имеет право на определённые полномочия.

– Конечно, я просто так тебя не отправлю – получишь в складах «Оранга», а так же «Айзек» и «Вьюгу». Заодно проверим – правильно ли мои ребята из конструкторской мастерской собрали всё это. Между прочим, ты первый человек на нашей планете, кто проведёт полевые испытания усовершенствованной версии «Оранга».

– Ха-ха! – Елена усмехнулась и постучала по столу ногтями. – Смотрю, вы решили на мне испытать кое-какие сверхсекретные разработки?

– Ага. В самую точку. Что поделать? Для нас очень важно знать, что то, что мы создали – работает так, как мы задумали, – усмехнулся Илья. – А в тебе я не сомневаюсь... Ты не только красивая девушка, но и весьма ответственный работник. Так что тебе можно смело доверить дорогое оборудование и не бояться, что ты его расколошматишь, без причины.

Затем он снова оскалился, в улыбке, что на его изувеченном «чёрным ядом» лице смотрелась как жуткий оскал.

– Елена... скажу тебе так – я не могу представить, ЧТО там случилось. Но прошу тебя об одном – держи ушки на макушке. Не доверяй никому. Что бы там ни было – это очень серьёзно...

«Арктика... Ты что, мил друг, серьёзно считаешь, что там самое страшное – это медведи, ветра и холода, от которых заживо замерзают олени и люди? Э не, мил сын. Это не так...

Расскажу тебе одну историю... в 1949 году я и мои ребята отправились в экспедицию, в горы, которые местные зовут Угодья Келе. Нас было много – человек двадцать, мы были хорошо оснащены, с оружием, радиостанцией, собаками и провиантом – в общем, как говорят в Одессе – «не жизнь, а повидло – да ещё с абрикосами».

Ну и представь себе – чуть ли не на третий день экспедиции. Нашли мы у одной речки лагерь старателей – причём старый, как бы ни при Александре Третьем разбитый, если верить газетам, блокнотам и личным вещам, что мы нашли. И было в этом лагере – пять трупов – ну не трупы, уж честно говоря, а то, что в трупах находится – скелеты. Животина и птицы их хорошо потрепали, кости растащили ого-го – так что мы по черепам сосчитали – пять человек было. Лагерь у них явно был из тех золотодобытчиков, что больше «решетом трясут» (Сленговое название добычи золота путём промывки породы в реке. Примечание автора). И все убиты были выстрелами из оружия огнестрельного – парни мне пули из черепов некоторых извлекли – пули от револьвера «Смит и Вессон».

Откуда знаю? Да нашли мы этот револьвер и того, кто им владел – спустя три часа нашли, на берегу этой же реки – тот,

кто убил своих друзей, бросил лагерь, бросил еду, воду, вещи и запасную одежду, и потащился – пешком, через ледяную тундру. Шёл он недолго – отошёл километров на двадцать, рухнул, и умер – видимо от усталости или холода – одежда-то на нём была хоть и для зимы, да только если тащиться по колено в речной воде, то ноги и в валенках отмёрзнут и отвалятся... Так мы и нашли останки этого парня – на берегу реки – где он лежал, обнимая мешок – до самой смерти его не то что не выпускал, но даже головой к нему прижался... Так и умер с ним в обнимку...

А нёс он с собой – десять кило золотоносной породы. Причём очень хорошего качества – семь кило чистого золота, получилось бы после «перетряски». (Отделение золота от породы и переплавка его в металлический слиток. Примечание автора). С этим золотом и помер. А перед этим своих товарищей, с которыми золотишко добывал – убил.

Понимаешь мою мысль? Человек убив своих друзей, просто взял золото и пошёл с ним, куда ноги ведут, да глаза глядят. При этом он не взял с собой ничего – ни еды, ни воды, ни топлива, ни запасной одежды и обуви... Только золото.

Это и есть то, что мы зовём «золотым дьяволом» – безумие, что накатывает на человека, при виде золота. Безумие, которое он не в силах ни остановить, ни контролировать. Человек, которого захватывает это безумие – он способен на всё. На любую гнусность, жестокость и злобу.

Он становится не собой. Его душой завладевает «золотой

дьявол».

Так что для нас, арктических геологов, самое страшное и самое желанное – найти золото. Найдя золото, мы уже прекращаем понимать, кто перед нами... человек, или одержимый.

Бойся золота. В нём скрыта страшная сила...».

Письмо главного инженера поискового поселения «Плутония» Иннокентия Севера, адресованное Илье Муромцеву (директору Института Биологических Исследований – Биоинститут).

Небо было таким серым, что фактически сливалось с землёй – только мелькающие в этой хмари горы иногда указывали на то, что самолёт летит над землёй, а не замёрз во времени, словно в каком-то фантастическом романе.

– Да вы сильно не переживайте, у нас тут и не такая погода бывает... – сказал Елене лётчик. – Сейчас ещё терпимая погода. Вот если бы шу-шу задули – то пиши, пропало.

– Шу-шу? – удивилась Елена, что сидела в соседнем кресле и всматривалась в непроглядную хмарь.

– Это такие порывы ветра с моря – очень скоростные и сильные. Будете на «Базе» – не зевайте – услышали сирену – тут же бегите в сторону любого дома, или крепкого строения, пусть даже мужской нужник. А если окажетесь на улице и добежать не успеваете – хватайтесь за цепи и тросы, что меж домами натянуты, а то вас шу-шу унесёт в Океан быст-

рее, чем вы «ай мама» сказать успеете. Запомните – тут в Арктике погода шутить не любит – или убивает, или милует – чаще, правда, под Красную Королеву «косит» – «отрубить голову и все дела», – ответил пилот. – Здесь вам Арктика, а не жаркая Куба.

– Ну, раз вы тут не померли, да уже столько времени летаете по этим трасам – то и я тем более кони не двину, – философски проговорила Елена рассматривающая землю, сливающуюся с небесами. – Что ещё у вас интересного на ваших полярных широтах?

– Мы не совсем на Северном полюсе – это ещё континент. Но здешние места довольно дикие, многие толком не исследованы даже по сию пору. Найти тут останки золотодобытчиков времён Николая Кровавого или даже Александра-Освободителя – проще простого. В здешних краях гуляют в основном олени, да здешние племена полукочевых племён, которые тут живут простым и мирным укладом чёрти сколько лет... – пилот чуть-чуть потянул на себя штурвал самолёта. – Кстати, оружие имеете? Пользоваться им умеете?

– Ну, вполне представляю, на что надо нажимать, а что тянуть, что бы произошёл выстрел.

– С оружием на улице не расставайтесь – особенно если приспичит выйти погулять на улицу.

– Ого, что, тут у вас совсем так плохо с поддержанием порядка? И невинной девушке без двух револьверов, даже нос на улицу не показывай? – усмехнулась Елена.

– Народ у нас уравновешенный – разве если не пьяные. А вот забредающие в посёлок белые медведи и бешеные песцы – те иногда не очень-то уважают слабый пол и могут напасть... у нас уже бывали прецеденты.

– И что, у вас ни охраны, ни собак?

– Да какая же собака на белого медведя рискнёт лаять? А от бешенных песцов собаки вообще шарахаются. В общем, когда будете у нас на территории посёлка гулять – оружие при себе держите. Если боитесь, что в кого-то шмальнуть можете – то используйте холостые патроны... Надеюсь это вам понятно?

– Если что-то будет интересно, то я у вас или кого-то, спрошу, – Елена чуть-чуть склонила голову и послала лётчику ослепительную улыбку. – А что у вас с этими странными «искателями полой Земли»? Неужели они верят в то, что ищут? Что под нами есть огромные подземные сферы?

– Это вряд ли – уж вы мне поверьте – в этих местах при помощи взрывчатки много чего ищут. Так что рисунок сейсмологический у нас есть хороший – никаких тут огромных полостей нет. Зато при помощи взрывов и записи данных сумели найти тут залежи каменного угля. Для нашего поселения это вполне норм. Хоть с Большой Земли не завозить лишние грузы.

Елена кивнула и принялась меланхолично накручивать на палец прядь волос, выбившихся из-под капюшона.

В инструктаже, что передал ей Илья, указывалось, что

«Плутония» поставляет достаточно ценный металл – уран. А так же добывает марганец, который каким-то чудом занесло на эти северные широты. Помимо всего этого на территории «Плутонии» было немало полудрагоценных камней – аметисты, например. Кроме того (тоже непонятно откуда) встречался и янтарь. Конечно с теми запасами янтаря, что находили в Калининграде, его было не сравнить, но всё равно – впечатляло.

Кроме этого «Плутония» поставляла и такой достаточно редкий ресурс как пушнину. Одним словом, это местность была достаточно богатой и самокупаемой – затраты, что СССР тратил на содержание в этой дикой глуши здорового поселения геологов были ничтожно малы, по сравнению с тем, что он получал от неё.

Но самым важным было конечно золото. Этот металл очень редко, но всё же находили в здешних реках. Причём только в реках. Именно это приманивало в эти края людей со всей России – как Императорской, так и Советской.

Базовой проблемой было то, что золота находили немного – достаточно, что бы привлечь интересующихся этим металлом авантюристов, но совершенно недостаточно для привлечения серьёзных государственных мощностей. Впрочем, тут и без золота было, что интересного взять, так что «Плутония» была достаточно серьёзным предприятием.

- Борт «Яблоко», Борт «Яблоко» – это База... как вы там?
- Это борт «Яблоко» – всё нормально. Полёт в норме.

– На вас шурует фронт «ледяной мороси» – поживее с посадкой. Никаких кругов – садитесь сразу, по огням. Повторю: давайте поживее – «ледяная морось» на походе. Сразу при посадке – ко мне. База – отбой.

– Борт «Яблоко» – понял. Сажусь по огням, – проворчал пилот. – Ну, вот что за едрёно повидло-то? Надо же было этой «ледяной мороси» так внезапно...

– Что такое «ледяная морось»? – поинтересовалась Елена.

– Да хрен кто его знает – непонятная погодная фигня, если говорить проще – мокрый дождь, что сменяется ледяным ветром – замораживает всё, что только можно. Во, смотри...

Неожиданно небо резануло по глазам ярким, лучистым сиянием полуденного солнца – странная хмарь пропала – небесная гладь очистилось. Самолёт летел в ослепительно ясном пространстве...

Вот только даже из кабины пилота было видно, что это чистое пространство – «глаз циклона» – самый его центр, в котором согласно капризу природы, царила тишина и чистота – а вот на границах этого «глаза циклона», были заметны огромные, жирные, клубящиеся тучи, что стремительно на двигались на самолёт.

Впереди, у самого берега моря, появился посёлок – несколько огромных деревянных многоэтажных домов, в окружении кучи низеньких строений, явно подсобного назначения, и аэродром, который можно было узнать по анграм и длинной полосе горящих бочек с углём, отмечавших

путь для посадки.

В один из ангаров спешно заталкивали самолёт.

– «Борт «Яблоко» – иду на посадку! – проговорил пилот. – Готовьте машину-толкач – спрячьте моё «крыло» в ангар.

– А может быть, ты ещё меня поучишь, как правильно радию включать? – огрызнулись из динамиков. – «Поле» – борту «Яблоко» – сажай немедленно себя!

Пилот уверенно повёл самолёт на посадку. Метясь в центр дороги из огней.

– Держитесь за что угодно, – сказал он Елене. – Обычно я сажаю «крыло» быстро и легко, но сейчас из-за этой «ледяной мороси» это будет затруднительно...

Самолёт коснулся ВПП и немного подпрыгнул, но тут же покатился по ней, удерживаемой рукой пилота.

Елена приподняла воротник куртки и надвинула на лицо маску, удерживаясь за ремень безопасности.

– Что за петрушка то гнилая... сейчас остановим... – пилот осторожно удерживал самолёт на полосе – готово! Нормально сели. Держись за что-нибудь, голуба – сейчас мы в натянутый трап влетим!

Елена успела увидеть протянутый поперёк ВПП трос – в следующий миг он исчез под самолётом, и мощная машина дёрнулась – зацепившись за трос специальным крюком, она погасила свою скорость и становилась.

К самолёту немедленно подлетела парочка транспортников – небольших гусеничных тракторов, с глухими кабина-

ми – явно приспособленными для работы в экстремальных условиях севера.

Выпрыгнувшие из странных тракторов люди быстро зацепили самолёт тросами – а в дверь кто-то стал ломиться кулаками.

– Эй, вытряхивайтесь из этой консервной банки, пока в два куска свинины мороженной не превратились!

– Друг мой, а повежливее общаться можно?

– Счас, стану я тут вежливость расстилать – «ледяная морось» прёт! Живо!!!

Елена молниеносно – пилот даже не успел заметить – для него девушка превратилась в размытое пятно, расстегнула ремень безопасности и подскочила к двери в самолёт.

Открыв её, она столкнулась с двумя типами, облачёнными в ватники, с капюшонами из песка и в рукавицах того-же пошиба. Толстые валенки на их ногах смотрелись на них весьма забавно – голенища валенок были расшиты какими-то странными украшениями бисером.

– Шевелите задом! – рыкнул первый из встречающих. – Бросай тут своё барахло, кроме косметички и документов! Скорее – «морось» идёт!

– Костя, да не паникуй ты, как вшивый – в бане... – промурлыкал второй, красивым, приятным голосом. – Не будешь скакать, как монах на шабаше, среди голых ведьм, – всё успеем. Давайте руку, дамочка. Ух, какой у вас костюмчик!

Елена, несколько оторопело, уставилась на Костю. И не

сразу поняла, что тот её не узнал – она натянула защитную маску до самых глаз, да и зимняя одежда не очень-то похожа на униформу Биоинститута, в которой тот её видел в Крыму.

Однако было удивительно, что этот субчик всплыл аж в Арктике – за тысячи километров от Одессы.

– Серафим! Костя! Ловите! – пилот швырнул им три сумки, набитые почтой и газетами. – Эй, девка – ходу-ходу-ходу! Слезай осторожнее а то...

Елена прыгнула на ВПП словно пантера – быстро, легко и ловко.

Выдернув из рук Кости сумку, она закинула её на плечо и оглянулась.

На поселение надвигалась – в прямом смысле слова, стена густого, жирного, серого тумана, что издавал странный, свистящий гул и потрескивание – казалось, он замораживал сам воздух.

– Бегом! – Костя ткнул в сторону громадного многоэтажного – пять этажей, здания, и они, поспешили к нему.

Самолёт, за их спиной, с грохотом потащили в ангар.
– Впервые у нас, в «Плутонии»? – проговорил Серафим. – Извините за спешку, просто надо успеть удрать отсюда до того момента, когда нас накроет эта погодная аномалия...

– Да я понимаю, не дура, – проговорила Елена, шагая к высокому пятиэтажному дому.

Воздух неожиданно «зазвенел», а затем в нём стали появляться странные аномалии – крупные, хорошо видимые

взглядом, кристаллы льда, что висели в воздухе, буквально несколько мгновений, а затем осыпались вниз, с красивым шорохом.

Елена успела заметить, что появление этих кристаллов очень похоже на формирование снежинок – те появлялись точно так же, стремительно формируясь прямо из воздуха, превращаясь во что-то красивое, и – для данного случая, смертоносное.

В общем, это напоминало стремительное замерзание влаги в воздухе, причём в отличие от обычного формирования снежинок в небе – тут явно был какой-то агрессивный, более опасный процесс. Даже увидев такое впервые, Елена поняла, что данное явление может, фактически, заморозить её, несмотря на костюм...

В следующий миг воздух зазвенел – странный, ни на что не похожий гул и звон, наполнил небо и окружающее пространство – этот звук был похож на непрерывное потрескивание и щелчки, смешавшиеся в непрерывную, жуткую катафонию. Он стремительно надвигался.

Елена бросила взгляд через плечо – на поселение двигалась огромная стена из серого, местами сверкающего тумана, набитого сотнями тысяч осколков – и эта удивительная аномалия выглядела смертельно опасной.

Они взбежали по ступенькам – пилот и Костя, отворив толстые двери, оббитые шкурами (Во все времена мех животных служил гораздо более отличной термоизоляцией,

чем синтетические материалы. Примечание автора) и юркнули в дом.

Серафим-же, галантно задержался у дверей и приоткрыл их, пропуская вперёд Елену. Та не стала с ним спорить, о том кому первому идти и вошла в дом, что пахнул ей в лицо тёплым, влажным воздухом. Правда пройти пришлось аж через две двери – тамбур по своей герметичности и закрытости немного напоминал шлюз подводной лодки.

– Вон, изволь посмотреть, от чего мы убежали, – Серафим зашёл в дверь и, приподняв на ней шкуру, открыл маленькое окошко.

Серая стена звенящего тумана налетела на крыльцо – тут же на ступенях, перилах и стойках начал нарастать толстенный слой льда (!) – словно иней сразу же смерзался в корку ледяного наста. Мгновением спустя всё закончилось. Погода успокоилась и пришла в норму, став обычной, конечно для Севера – минус сорок два. Ветерок, но никаких тебе таинственных аномалий, способных заморозить воздух и человека, в считанные секунды.

– Как же животные переживают такое явление? – вырвалось у Елены.

– Очень просто – не ходят в те места, где оно бывает. Кроме оленей. Олени-то умные – они как чувствуют эту штуку, то сразу сбиваются в очень плотное стадо и ложатся на землю – в итоге они греют друг друга и отделяются только очень лёгкими обморожениями. А вот трава и мох этой гадости непод-

властны – она их НЕ замораживает.

– Странно как-то... что за избирательное замораживание?

– Да кто знает? Но помните только одно – если во время «ледяной мороси» вы на улице – то сразу прячьтесь в любом закрытом помещении. Любом. Почему-то «ледяная морось» не способна вас там заморозить, даже если вы, уж простите за подробности, спрячетесь в уличном сортире. Такое впечатление, что в замкнутом помещении она неспособна набрать сил для того, что бы превратить вас в лёд живо.

– Ага, – Елена поправила маску и скинула капюшон.

...В коридоре её ждала целая делегация – сам Иннокентий, высокая светловолосая женщина с длинной косой, какой-то широкоплечий, но при этом очень невысокий мужчина, а также совершенно седой человек, с внешностью какого-то примитивного бухгалтера, разве что одетого в роскошный свитер из овечьей шерсти.

Иннокентий, что стоял впереди, оказался немного не таким как на фото, что показывал Елене Илья. На фото главный инженер «Плутонии» был немного упитанным, с короткой, модной стрижкой и облачённый в строгий деловой пиджак, и рубашку с галстуком.

Сейчас же перед Еленой стоял худой, с впавшими щеками, мужчина, с лицом, обветренным здешними ледяными ветрами и даже чётко заметным на левой скуле следом от обморожения. Одет он был в свитер и тёплые штаны – причём и то и другое было ручной вязки – и явно не из собачьей шерсти,

а скорее из шерсти какого-то полярного животного. Причём свитер был из какой-то странной шерсти – Елена была готова поклясться, что это шерсть не принадлежит ни медведю, ни собаке, ни иному пушному зверю.

– Приветствую, – проговорил Иннокентий, вежливо склонив голову. – Добро пожаловать в «Плутонию». Смотрю, вы долетели сюда не без приключений? «Ледяная морось» у нас тут явление не очень редкое, но я и представить не мог, что она придёт к нам одновременно с вашим прилётом.

– Я впечатлена, честно, – проговорила Елена, посмотрев на Костю. – Мои документы и оборудование – что с ними будет?

– Всё нормально, – проговорил Иннокентий. – Сейчас мы перенесём их в ваши апартаменты. Заодно проведу инструктаж. Здесь у нас далеко не самый пригодный для жизни край, уж поверьте – тут место для крепких людей. Смелых и не страшущихся трудностей...

Елена поморщилась, а затем шагнула к Косте, который уже подозрительно присматривался к её необычным глазам, и, очень медленно, сняла маску, обнажив лицо

Костя шарахнулся от неё, словно в него попал снаряд танка.

– Ты! – прохрипел он. – Какого чёрта?!

В следующий миг он развернулся и помчался прочь по коридору, топоча валенками по полу.

– Эй, ты куда? – крикнул седой мужчина.

– Я бы тоже задал этот вопрос – но уже нашей гостье, – протянул Иннокентий, глядя на Елену. – Это чем же вы таким изволили напугать моих помощников? Я на всякий случай интересуюсь – а то вдруг все работники моего поселения – при виде вас, разбегутся по тундре и пропадут. А мне их ищи и вылавливай...

– Это к делу не относится, – Елена стянула с руки перчатку. – Если вас не затруднит – разыщите Костю, или кто он тут у вас по имени-кличке, и скажите, что мне совершенно наплевать на наши... прошлые разногласия. Я прибыла сюда для работы, а не для воспоминаний о старых годах.

Иннокентий кивнул и посмотрел на светловолосую женщину и Серафима.

– Серафим, Валентина, вы бы не могли найти Костю и привести его в порядок? А то мне что-то за него боязно.

– Как скажешь, – фыркнула Валентина и «стеганула» Елену странным взглядом, полным хорошо скрытого интереса. – Пошли, Семиазас, поищем нашего приятеля.

– Семиазас? – удивилась Елена, посмотрев на Серафима.

– Это у меня такое прозвище здесь, – ответил тот, снимая шапку. – Я в Ленинградской школе религиоведение изучал. Думал, не пригодится. А оно вон как здорово тут вышло. Пошли, Валентина, поищем нашего запуганного Костю.

– Если что, тащите в лазарет и спирта налейте, – проговорил низенький мужчина. – Так значит, ты есть та самая ищейка из КГБ, что прибыла к нам всё вынюхивать?

Елена, которую на время расследования, официально «провели» в КГБ Свердловска, пожала плечами. (Термин «провели» означает, что человека на время расследования официально внесли в список служащих того или иного объекта – на случай проверки со стороны. Примечание автора).

– Ну как бы получается, что я она и есть. Или вы тут кого-то другого видите?

– Бобёр... Прекрати, – проворчал Иннокентий. – Прошу прощения за поведение Виталия Боброва – это наш главный врач в поселении. Само собой, что ему не нравится, когда кто-то ставит под сомнения результаты его экспертиз, да ещё присылает проверочную ревизию...

– Я не собираюсь ничего делать такого, что повредит вашей репутации. – Елена мотнула головой, выпростав из-под куртки волосы. – Меня сюда прислали для оперативного расследования. Я бы была вообще рада, если бы вы вообще не упоминали обо мне своих отчётах.

– Это для соблюдения режима секретности? Это да – уважаю такое... – Иннокентий посмотрел в потолок. – Но, к сожалению это невозможно. По поселению уже расползаются мрачные слухи, которые один другого страшнее. Потому то я и обратился именно к Богатырю – как я убедился в отличие от некоторых... – он посмотрел на Боброва, – у него не такое ортодоксальное мышление как у моих помощников.

– Ты это на что намекаешь? – набычился главный врач, выпятив вперёд нижнюю челюсть.

– На то, что ты допустил ошибку, – спокойно проговорил Иннокентий и посмотрел на седого мужчину. – Бегемот... Проследите за тем, что бы вещи старшего лейтенанта Сиротиной были доставлены в комнату. Старший лейтенант... это мой заместитель – его все зовут Бегемот, так что обращайтесь к нему так. Он мой заместитель. Если что-то понадобится – то обращайтесь к нему. Поможет всем, чем может.

– Никаких проблем, никаких проблем, – мужчина, со странным прозвищем – Бегемот, усмехнулся, оскалив коллекцию разномастных металлических зубов. – Всё сделаю. Только скажите, чего надо.

– У меня есть одна просьба... – Елена достала из кармана резинку для волос, но та рассыпалась в её пальцах – впопыхах девушка сунула её во внешний карман своей куртки и та хлебнула горя при контакте с лютым морозом на улице. – Чёрт!

Бегемот, молча, пошарился по карманам и выудил из них ещё одну резинку для волос, кою вручил Елене

– Спасибо товарищ...

– Меня зовут Николай Пасюк. Но можете звать меня просто Бегемот. Хорошо?

– Приму к сведению, товарищ, – кивнула Елена, закручивая волосы в хвост. – Если не трудно... можем ли мы поговорить с вами, товарищ Иннокентий?

– Можем. Пойдёмте в мой кабинет... Перекусить что-то с дороги не желаете?

– Мне бы хотелось вникнуть хотя бы в самую ситуацию. А уже потом есть.

– Я сильно подозреваю, что после этого вы уже не сможете поехать...

«Плутония» аномальное место, скажу тебе сразу. Тут есть уголь, встречаются редкие драгоценные камни, янтарь и кости неведомых животных.

Ну не совсем неведомых. В 1957 году я пригласил в «Плутонию» группу палеонтологов из Москвы, Ленинграда, Киева и Свердловска. Они пробыли у меня тут почти два года – вели раскопки и всё такое – вывезли в свои университеты кучу интересных образцов.

В общем, они пришли к выводу, что место немного аномально, но только в плане атмосферных явлений – а все кости и находки вполне соответствуют одному из периодов прошлого нашей планеты. Кости по большей части принадлежат огромным носорогам – индрикотериями их родственникам – так же там нашли кости бегемотов, крокодилов и громадных животных, что вымерли с началом ледниковой эры.

Уголь – его присутствие, они тоже сумели объяснить – оказывается давным-давно, в те времена, когда только вымерли динозавры, в наших краях произошло чудовищное

землетрясение, что фактически, вытолкнуло из глубин земли пласты угля времён каменноугольного периода.

Кстати, именно это землетрясение и вытолкнуло из-под земли россыпи алмазов, что нет-нет, да и встречаются тут.

Правда, по словам геологов, здешние алмазные россыпи бесконечно далеки по своему изобилию от приисков Якутии и ЮАР, так что создавать тут постоянную базу и пригонять армии техники – не имеет смысла. Мы больше потратим средств на добычу небольших партий алмазов, нежели получим.

Тут и без алмазов есть что добыть. Сейчас мы здесь добываем питчбленд и урановую руду. Так же разрабатываем молибденовые жилы и другие стратегически важные вещества, которые от нас требует Родина. Так что в финансовом плане «Плутония» не только полностью себя окупает, но и приносит ощутимый доход.

Так что вот...

Но есть кое-что необычное в этой местности.

Здесь нет местного населения. Жители Крайнего Севера до дрожи боятся этих краёв. Они их обходят стороной и явно чего-то опасаются. Это заметили как раз те самые ученые из экспедиции, о которой я пишу. По их словам, здешнее население считает, что в здешних горах живут привидения.

Местные называют их «келе» – странные существа, что умеют показывать иные миры... Шаманы почитают «келе» своими учителями и богами, которые научили их предков

умению погружать себя в транс, во время танцев, а также даруют им некую «сому» – напиток или вещество, благодаря которому шаман во время танца, способен видеть иные... «плоскости реальности». Или просто – видеть мир духов.

Самое странное то, что те учёные, о которых я тебе говорил, тоже рассказывали странные вещи о том, что здесь творится...

По их словам – иногда, посреди ночи, они слышали, как кто-то играет на флейте...

Посреди тундры и гор, засыпанных снегом...».

Письмо главного инженера поискового поселения «Плутония» Иннокентия Севера, адресованное Илье Муромцеву (директору Института Биологических Исследований – Биоинститут).

Кабинет Иннокентия был очень большим с длинным столом, обтянутым самой настоящей кожей, и заставленный шкапами с книгами и папками так, что самих стены и видно-то не было. На потолке красовались роскошные хрустальные люстры, а стулья были такого размера, что в них могли поместиться как минимум две Елены.

– За стулья прошу прощения, заказал их аж во Владивостоке, но там в цеху почему-то решили, что у нас в Арктике народ все как один – толстые и жирные... Вот и сделали мебель такую, что хоть Гаргантюа сажай... Кстати, стол обтянут самой настоящей тюленьей кожей, уже тут. Мои ребята

та вечно любят при совещаниях окурки мимо пепельницы тушить – никакого дерматина не напасешься. Проще уж нашим, местным материалом тут всё обдeldывать... – Иннокентий сел и, потеряв скулу, посмотрел на Елену. – Это что на вас за комбинезон такой?

Вопрос был не праздный – стоящая перед ним девушка была облачена в странный комбинезон, похожий на сшитую вместе куртку и штаны, соединённые с ботинками. На высоком голенище.

Костюм имел серый цвет, неброский, и незаметный – но вот на уровне груди, плеч, локтей и колен в него были вшиты вставки из какого-то коричневого материала, напоминающего резину.

– Это костюм для работ в экстремальных условиях – «Айзек», – Елена расстегнула молнию и показала изнанку. – Изготовлен из того же материала, что и скафандры для космонавтов... Ну вы наверное слышали, что мы собираемся запустить в Космос человека?

Под костюмом оказалась вторая прокладка – что-то вроде рубашки из толстого материала – благодаря ему Елена могла расстёгивать комбинезон и при этом быть одетой на людях – «Айзек» носился на голое тело – никакого нижнего белья, связано это было с точнейшей подгонкой костюма под телосложение его хозяина.

– Да не то, что слышал... почти половина материалов, из которых делают ракеты и прочие мелочи для космической

отрасли – идут как раз с наших разработок, – проговорил Иннокентий. – Значит, эта тонкая куртка и штаны способны выдержать даже наши морозы?

– Морозы? – Елена чуть склонила голову и улыбнулась. – Хотите, перейду в этом костюме речку вброд, посреди ночи? Теплоизоляционный материал этого костюма создан, чтобы защищать от сверхнизких температур Космоса.

– Вроде бы скафандры, которые мне в Ленинграде показывали, толстые и больше похожи на ватники надувные. А у вас – курточка и штаны-комбинезон, с меховым воротником и с какой-то маской...

– Ну в космосе, кроме холода, есть ещё ряд факторов... Поскольку там воздуха нет, то нет и давления – а значит скафандр будет раздуваться от внутреннего давления – вот и делают защиту для компенсации. Ну и радиация – от неё тоже защита. Потому-то скафандры для космоса такие неповоротливые. А эта одежда она спасает только от холода – на дополнительную защиту можно не тратить.

– Что за материал?

– Увы, пока не могу сказать – сама не знаю. Но если планируете заказать себе партию таких курток, то спешу вас разочаровать – это вряд ли. Сия одежда шьётся строго по фигуре и подгоняется под анатомические характеристики тела, – Елена мотнула головой – хвост хлестнул её по лицу. – Фу! Ладно, товарищ главный инженер... Чем я могу вам помочь? Илья мне рассказал о вас и вашем случае всё, что вы расска-

зали ему.

– Ничего не утаил?

– У него нет привычки утаивать что-то от меня... – Елена повертела головой по сторонам.

Иннокентию показалось, что на висках девушки, на краткий миг, вспухли и тут же исчезли вены.

– В общих чертах – у меня тут ЧП весьма нехорошего масштаба, товарищ Сиротина. Погибло сразу десять человек. Причём, что очень плохо – это не совсем мои люди, а своего рода независимые исследователи – они прибыли из Москвы, для проверки теории «полой земли».

– Я слышала эту теорию. Мол, под нами, под твёрдую землю, есть несколько полостей, в которых могут жить динозавры и всё такое... – вздохнула Елена. – Илья передал мне несколько книг, кои попросил передать вам. Но... если такое жуткое ЧП – десять погибших, то тут уже должна быть комиссия из Свердловска или Москвы. А что мы имеем в реал? Вы сами связываетесь с Биоинститутом и просите у Богатыря (прозвище Ильи Муромцева – директора Биоинститута. Примечание автора) выделить следователя – в данном случае меня.

– Ага. Это меня и настораживает. Должна же быть причина, по которой всем в Москве побоку на смерти такого числа народу... – согласился Иннокентий, потирая виски. – Эта группа прибыла две недели назад. Они сразу попросили у меня выделить им вездеходы, поставить их на пропитание и

выделить инструменты и взрывчатку.

– Взрывчатку?

– Основной вектор исследований этой группы – горы, что кличутся Угодья Келе. Вон они, видны из окна. На самом горизонте – до них всего-то двадцать километров – правда, по чистой снежной тундре. Аккурат через Пустыню Скелетов.

– Пустыня Скелетов?

– У нас тут ребята немного суеверны – это следует принимать во внимание, – проговорил Иннокентий. – Однажды, в 1953 был очень тёплый год, настолько тёплый, что снег сошёл. Снега не стало, и выяснилось, что вся долина завалена костями оленей и прочих животных. Это не говоря о человеческих. Обычно в тундре труп-другой, явление не из редких, но в нашем случае количество мертвецов и их останков – впечатляло. Ребят это испугало. Когда снова повалил снег, это место прозвали Пустыней Скелетов.

– Хм, интересно, – Елена встала и подошла к окну. – Суеверия. Это плохо, как говорил мне один африканский шаман. А вот на Кубе меня учили тому, что суеверия таят в себе зёрна реальности – нужно только уметь их искать... Но погодите – те палеонтологи, коих вы пригласили работать – они же работали как раз в этой Пустыне Скелетов?

– Да. Именно в Угодьях Келе. Да с местными все мрачные и жуткие мифы здешних аборигенов связаны именно с этими горами.

– В жизни не поверю, что вы там не были ни разу.

Иннокентий замолчал на несколько секунд, поглядывая на силуэт Елены, чётко видимый в случаях солнечного света, что били в окно, у которого она стояла.

– В 1947 году, когда я сюда прибыл, то я посетил эти Угосья Келе, дабы посмотреть, что там есть такого необычного и странного. Я хотел увидеть – ЧТО там таится в этих горах.

– И что там увидели?

– Ничего. Это даже не горы. Это какие-то холмы, просто очень высокие, из-за снежного покрова на них. Это место мертво и заброшено. Там только ягоды, лишайник и птицы. Нет ничего.

– И всё же там гибнут люди.

– Да. Бобр осматривал останки и пришёл к выводу, что люди погибли от наркотических веществ. Потому и сделал вывод – мол, эти поисковики упились спирта, нанюхались кокаина и умерли. На это, кстати, есть основания – незадолго перед гибелью они выходили на связь и несли какую-то ахию.

– Ахию? – Елена оторвалась от лицезрения мощного снежного бурана за окном.

Иннокентий вытащил из стола магнитофон и кассету. Вставив кассету в магнитофон, он нажал на кнопку.

– Снежные эльфы поют... Золото оно не такое... Снежные птицы летают... Радуга-дуга – ха! Какой странный свет... сияние... Золото – неправильное... Чёрт, вашу мать! Помогите нам! Оно уже близко! Чёртова флейта... Солнце... солнце

падает! Бежим!!!

В магнитофоне загрохотали шаги. Что-то грохнулась, а затем кабинет Иннокентия затмил оглушительная музыка – это была флейта, только в неё явно дудел тот, кто и понятия о музыке не имел.

– Как вам? – Иннокентий включил магнитофон. – Получив это известие, я срочно приказал ребятам двигаться на помощь к этой экспедиции. Но тут пришла «ледяная морось» и пришлось отложить экспедицию на полчаса. Когда мы, всё же прибыли туда, то... весь отряд уже погиб. Все были мертвы. Мы привезли останки – бросили всё снаряжение группы там...

– Так. Это было неделю назад?

– Да. Я передал в Большую Землю всё, что случилось, и стал ждать. Два дня прошло, но... ни ответа, ни привета. Вы это можете понять? В прошлый раз из-за пустячного дела – врезавшийся в ангар самолёт, где обошлось даже без жертв, из Москвы примчался целый проверяющий. А сейчас что? Десять погибших, но в ответ – могильное молчание! Я обратился ещё раз и получил в ответ радиограмму о том, что всё в порядке, ситуация под контролем. Под контролем! – Иннокентий швырнул ни в чём не повинный магнитофон в стол. – Мне приказали помалкивать и продолжать вести себя так, словно ничего не произошло. Безумие!

– И тогда вы решили обратиться к нам. К Биоинституту.

– Я хорошо знаю Илью. И знаю, что у него иной взгляд

на мир. То, что для нас с вами – безумие и невероятность, для него – лишь скопление фактов. Которые нужно правильно интерпретировать. Потому я и обратился к нему за помощью.

– Почему вы попросили прислать именно женщину?

– Да это из-за проверяющего, – отмахнулся Иннокентий. – Тот, что прибыл в прошлый раз здорово нервировал народ своим хамством и безалаберностью... Строго говоря эта молодёжь, которую сейчас берут на службу странная какая-то. Никакого уважения к старшим. Ведут себя как малолетние гопники из подворотни. Хамят, кричат, запугивают... Что это за отношение такое? Понимаю, что ты прибыл для расследования какого-то важного дела – но веди себя прилично! Нет – надо орать на всех и пальцы гнуть...

– К сожалению, такое встречается – вздохнула Елена, вспомнив свои злоключения с приданным под её руководство молодым стажером, который большую часть времени пытался затащить её в постель. – Таких молодых учат быть суровыми и безжалостными, не давать слабины и всё такое... Но так уж вышло, что понятие «суровость» у каждого своё. Не всегда правильное. Но таких жизнь быстро учит.

– Очень надеюсь, – вздохнул Иннокентий. – Но всё равно, ситуация очень странная. Когда вы намерены приступить к работе?

– Я? Да могу прямо сейчас. Но мне нужно уточнить...

В дверь застучали.

– Товарищ Иннокентий! Это ОЧЕНЬ срочно!

– Да, клянусь топором – срочно!

– Заходите!

В кабинет ввалились Серафим и Валентина.

– Короче такие дела – нашли мы Костю. Но он сейчас немножко в нирване.

– По научному говоря – пребывает в состоянии, именуемом фантастами «анабиоз». Фактически – живой труп.

– Нажрался спирта, как свинья и вырубился. Причем, перед тем как уйти в «спячку» начал писать завещание, – всплеснула руками Валентина.

– Чего начал писать?! – Иннокентий похлопал глазами.

– Завещание, – пояснил Серафим. – Документ такой, в котором он излагает свою последнюю волю... правда, что кому завещает, написать не успел – спирт-батюшка его уложил, как Поддубный – балерину. В общем, мы с ребятами его унесли в медкабинет и положили под капельницу.

– Поставьте ему пару капельниц с физраствором и глюкозой, – встряла Елена. – И немного витамина С.

Серафим скользнул по ней каким-то колючим, пристальным взглядом, и улыбнулся.

Без шапки и мехового воротника он выглядел весьма необычно – спокойное лицо, высокий лоб, длинные светлые волосы и какой-то задумчивый взгляд. Даже когда он смотрел на кого-то, то казалось, что он смотрит не на человека, а на что-то внутри него.

– Ну, это совсем ни в какие ворота не лезет, – фыркнул Иннокентий, с трудом сдерживая улыбку. – Товарищ Сиротина – я всё же хотел бы узнать, почему увидев вас, мой работник пошёл на такое вопиющее нарушение дисциплины. На всякий случай. А то мало ли что... Если при виде вас мои работники начнут массово в запой убегать...

– Давайте сделаем так... когда вашего человека приведут в порядок, то вы сходите к нему и поговорите. При этом вы ему объясните, что мне совершенно плевать на его биографию и наши прошлые разногласия. Если ваш человек согласится рассказать, что и как – то согласится.

– А...

– Прошу вас, товарищ старший инженер – не заставляйте меня быть доносчицей. Тем более что это не имеет никакого отношения к тому, что здесь творится...

– Силы небесные! Ну, ты, девица, умеешь быть интересной – тут ничего не скажешь! – проговорила, потрясённо, Валентина.

– Ну что делать? – Елена повернулась к Иннокентию. – Мне понадобится комната для размещения моего оборудования и проживания. Желательно, чтобы не было никаких соседей ни сверху, ни снизу. Поймите меня правильно – работа, которую я делаю, не всем нравится – уже бывали прецеденты, когда мне подкидывали гранаты или ещё что. Учитывая сколько у вас тут взрывчатки...

– Я понял, – кивнул Иннокентий. – Что ещё?

– Независимая электрическая линия. Мои приборы снабжены специальными генераторами, но это исключительно аварийный запас. Мне нужно подключиться к вашим генераторам, что бы ток поступал независимо от общего электропитания.

– Хорошо, но учитывайте, что у нас тут часто напряжение прыгает – эти морозы и «ледяная морось» тот ещё вызов работе электрика.

– У меня в оборудовании стабилизаторы напряжения. На этот счёт не переживайте.

– Ого! Целый стабилизатор. Надо будет заказать такие для работы, – уважительно проговорил Иннокентий. – Ну, то что вы просите – никакая не проблема. Валентина – выдели товарищу старшему лейтенанту комнату на пятом этаже – «угловую». Там как раз сейчас никого нет – ребята там, на «выезде» – вернутся только через месяц. И Водяному передай, что я попросил там воду подключить. Кочерга пусть с электричеством наладит дело.

– Хорошо сделаю.

– И ещё, я бы хотела осмотреть тела погибших. Прямо сейчас.

Иннокентий поморщился, а в глазах Валентины мелькнул какой-то жуткий испуг, который она, впрочем, подавила.

Что бы ни случилось с погибшими – это явно напугало обитателей поселения.

– Ну, что-ж... тогда думаю, вам действительно стоит с

этим не затягивать, – вздохнул Иннокентий. – Серафим, найди Боброва и попроси у него ключи от того помещения, что мы переделали в морг.

– Есть, товарищ главный инженер, – кивнул Серафим и тут же выскочил за дверь.

– У вас есть какие-то инструменты для осмотра?

– Да, есть, – Елена подняла свою сумку. – Пойдёмте?

– Смотрю, мы с вами сработаемся, – проговорил Иннокентий с тщательно скрытым ободрением – Я тоже считаю, что чем быстрее примешься за работу, тем быстрее её завершишь...

...У Елены создалось впечатление, что если бы с ней не было Иннокентия, то главный врач поселения её бы и на порог не пустил, не говоря о том, что бы выдать ключи. Судя по тому взгляду, которым он её опалил – ему явно было не по себе от того, что его выводы и экспертизы не только не приняты во внимание, но и перепроверяются.

Елена его могла понять – никому не нравится подобное. Но ведь надо и понимать, что иногда бывают ситуации, когда необходимо перепроверять результаты экспертиз. И то, что их перепроверкой занимается женщина – это не значит, что экспертиза будет неправильной.

Кстати, сам медпункт был «на высоте» – ярко освещённый, с кварцевыми лампами, для дополнительного обеззараживания. Пол тут был выкрашен белой краской на несколько раз и – судя по приятному (конечно для специалистов) –

запаху хлорки, мылся как минимум три раза в день.

На стенах висело множество плакатов, в доступной форме разъясняющих, что такое обморожение и как с ним бороться, не говоря о прочем – необходимости поддерживать чистоту и следить за прививками.

Так же тут была куча растений в кадках – даже столь необычное для Арктики растение как алоэ и золотой ус».

В общем, было видно, что главный врач поселения свою работу делал не на «отвалите», а от души. Старательно и тщательно.

Кстати, пара пациентов у него была – причем, явно не местные – мужчина и молодой парень с характерными для жителей Крайнего Севера чертами. Да и одежда у них тоже была явно «самобытного производства» – суконные рубашки и штаны, расшитые какими-то узорами и картинками.

Увидев Елену, оба уставились на неё с явным восхищением.

Елена и сама знала, что она очень красивая – стройная, высокая блондинка, с пухлыми губами и очаровательными глазами. Многие её знакомые часто сравнивали её с эльфийкой или феей.

– Держите, – Иннокентий протянул Елене ключи. – Думаю сейчас можно пройтись до морга, пока снегопад стих. Обычно у нас тут снег может валить неделю или даже две, но к счастью так бывает очень редко.

В дверях возник высокий мужчина, в чёрной кожаной

кurtке, подбитой изнутри мехом, и в ватных штанах.

– Это Павел Кирьянов, один из тех, кто принимал участие в спасательной экспедиции. Нас там много ездило, человек десять, просто сейчас все, кроме Павла, заняты. Павел, это старший лейтенант Елена Сиротина – КГБ. Прибыла чтобы провести расследование того жуткого случая с ребятами из экспедиции «пустотелых».

– Пустотелых? – Елена отвесила вежливый полупоклон Павлу.

– Так мы называем этих типов чокнутых, что ищут внутри нашей Земли ещё одну землю... Да что там говорить – чокнутые они. Не могу понять, куда ваше КГБ смотрит.

– Ну, во-первых: наш Комитет следит за такими организациями, но пока они не представляют угрозы государственной безопасности или не нарушают закон – то никаких мер к ним не принимают. В конце концов, это лишь на Западе верят, что у нас тут ловят любых инакомыслящих... Во-вторых – такая экспедиция явно не сама по себе действует, а по направлению крупного института или иного учреждения. Кстати, вы связались с теми, кто выслал их сюда?

– Нет, – ответил Иннокентий. – Мне сказали, что всеми этими мерами занимаются другие люди, что бы и без того не перегружать меня лишними проблемами. Так что я жду их решения.

Елена прикусила губу – Илья тоже обратил внимание на столь странный феномен – гибель десяти человек – ЧП

огромного масштаба, не вызвало никакого действия со стороны прокуратуры, милиции или даже того КГБ. Обычно при таком происшествии уже в течение суток в поселение должны были приехать следственные бригады – но прошло четверо суток и – ни ответа, ни привета. В то время как сам Илья, сидя во Владивостоке, успел собрать Елену и отправить её в «путь дорогу» со всем оборудованием...

Это было очень странно.

...Ветер стих и теперь только слабый мороз пощипывал Елену за нос, достаточно чувствительно, хотя те же Иннокентий, Серафим и Павел совершенно не обращали внимания на этот мороз – видимо привыкли к нему, за то время, что провели на Севере.

– Вы прибыли на стоянку экспедиции через полчаса, после получения радиограммы? – поинтересовалась Елена. – Сколько всего времени занял ваш путь?

– Ну... сразу после получения этой радиограммы я и ребята выехать не смогли, товарищ старлей. Как назло началась «ледяная морось» – при такой погоде техника мигом выбывает из строя – так что пришлось ждать. До самой стоянки гнали минут десять – мы ж на аэросанях катились, вот и быстро так. Ну а там... – Павел помрачнел. – Сами увидите.

Елена осмотрелась по сторонам – когда они вышли из общежития, снег прекратился, и на небе засияло солнце – впрочем, неумолимо скатывающееся к краю горизонта – время уже клонилось к ночи.

Несмотря ни на что народу было много – то и дело встречались группы людей или одинокие прохожие, что спешили по своим делам. В паре мест электрики занимались какой-то работой на столбах

Один раз мимо протарахтел тягач, что тащил за собой огромную вязанку длиннющих досок – не иначе привезённых на каком-то корабле. А затем пробежал совершенно необычный вид транспорта – олень, запряжённый в сани. В общем поселение было скорее городком, чем какой-то деревней.

...Радиорубка была отдельным строением, что располагалось на высоком холме. Это здание было весьма крупное, сделанное на совесть – из толстенных брёвен на мощном фундаменте из бетона – с кучей длинных антенн. На холм вела длинная лестница, которую сейчас очищало от снега аж трое человек.

У холма притулился наскоро сколоченный сарай – четыре столба и деревянные стены из досок – вот и всё. Дверь была закрыта на здоровенный амбарный замок, который Серафим и Павел тут же раскрыли и убрали.

Войдя в амбар, Елена достала фонарь и осветила на три огромных стола, что стояли там.

И сама удивилась.

– Это что такое?

– Это то, что мы нашли, когда приехали на стоянку этой экспедиции, – ответил Иннокентий и, покачав головой, по-

глядел на стол

На столах лежали кучки костей. Исцарапанных, желтоватых костей...

«В мифах местных народностей этого региона келе – это что-то вроде привидения – дух смерти и ночи, что живёт в снегах или таится в бесконечной глади тундры. Келе считают связующей нитью меж миром Живых и миром Мёртвых – и часто он выступает проводником для шамана, когда тот камлает свои мелодии и танцует танцы, позволяющие ему перенестись с мир духов.

Келе страшное существо – его боятся все жители Крайнего Севера, как впрочем, и многих других существ из своей мифологии. Однако келе стоит особняком...

Этот пришелец из мира мертвецов ужасен своим голодом – он способен пожирать, в прямом смысле этого слова, свои жертвы, оставляя от них, только кости – келе охотится на людей и животных – для него нет разницы на кого напасть. Он проявляет все признаки хищного зверя, что иногда выходит из аналога Ада Крайнего Севера, что бы нести смерть.

Мифы описывают келе по-разному – неизменным остаётся только две вещи.

Первое – у келе много рук и ноги – вплоть до десяти конечностей, каждая из которых у него с успехом заменяет но-

гу или руку – как захочет это чудовище.

Второе – келе издаёт звуки, невероятно схожие со звуками флейты.

Если ты идёшь по тундре, и услышал пение флейты – значит поблизости – келе. Если флейта приближается к тебе – то ты должен бежать, или умереть. Иного выхода нет.

Келе бежит не очень быстро – убежать от него может и очень ленивый человек, но вот в гонке на истощение он выигрывает всегда – когда человек падает от усталости – келе ещё полон сил и готов преследовать добычу до последнего.

И, тем не менее, как мне удалось узнать, келе далеко не такие уж дикие звери – многие шаманы ищут с ними встреч, что бы получить от них некую «сому» – странный напиток, что позволяет шаману заглянуть в мир Мёртвых, без малейшего труда.

Сама по себе «сома» – очень древний напиток, который использовали даже скифы – правда, они его получали из мухоморов вареных в лошадином молоке. Но судя по тому, что я узнал – по сравнению с «сомой» то, что шаманы выпрашивают у келе – скифский напиток – это просто вода, собранная с киселя.

В общем, очень много ещё неизвестного по поводу этих загадочных демонов – келе.

Но я помню одну приметку народа хэстов, что обитает в этих краях – «если ты слышишь посреди тундры флейту – беги».

Письмо главного инженера поискового поселения «Плутония» Иннокентия Тарасова, адресованное Илье Муромцеву (директору Института Биологических Исследований – Биоинститут).

Сияло солнце в небесах,
Светило во всю мочь,
Была светла морская гладь,
Как зеркало точь-в-точь,
Что очень странно – ведь тогда
Была глухая ночь.

И недовольная луна
Плыла над бездной вод
И говорила: «Что за чушь,
Светить не в свой черед?
И день – не день, и ночь – не ночь,
А все наоборот».

И был, как суша, сух песок,
Была мокра вода.
Ты б не увидел в небе звезд —
Их не было тогда.
Не пела птица над гнездом —
Там не было гнезда.

Серафим, перехватил пристальный взгляд Елены и пожал плечами.

– Что такого? Я когда нервничаю – всегда стихами общаюсь. Ну или рассказываю их. А это, между прочим – «Морж и Плотник» самого Кэрролла из «Алисы в Зазеркалье», – проворчал он, поднимая воротник своей роскошной парки из песка.

– Слышь, ты... Тоже мне нашёлся тут поэт... – Павел прижал к лицу варежку. – Во, видела, что осталось от этих бедолаг?

Елена обошла кости, сваленные кое-как – в кучу, отмечая их убыток – что впрочем, было понятно – собрать все кости из скелетов в снежной тундре – тот ещё труд, а спасатели прибыли туда небольшой командой. Скорее всего даже не стали особо трудиться – покидали всё, что нашли и сделали ноги.

Осторожно подняв череп, она всмотрелась в него.

Череп был обглодан полностью – начисто – ни единого куска кожи или плоти не было на нём. Всё было отполировано и вычищено – словно тела погибших провели в тундре несколько лет, пока ветер и мелкие животные не обчистили их косточки.

Но этот череп был свежий – даже по весу он значительно отличался от тех высохших костянок, в которые превращается пролежавший годы и годы скелет.

– Хм... – Елена скривила губы и посмотрела на Иннокентия. – Можно тут побольше света?

– Можно, – Иннокентий выглянул из сарая и махнул рукой первому попавшемуся прохожему. – Эй, отдирайте от столба фонари и тяните их сюда! Живо!

– Теперь-то вы понимаете, что за штука? – проговорил Серафим, рассматривая скорбные останки с философским равнодушием. – Бобёр утверждает, что этих горемык после смерти объели звери. Набежали, со всей тайги, мыши, да песцы. И обглодали, как мыши – епископа Гаттона...

Зубы о камни они наточили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам растерзан был он —
Так был наказан епископ Гаттон...

– Но этого просто быть не может, мля! – вставил Павел. – Да чтоб мне сдохнуть – мы прибыли туда спустя какой-то вонючий час. Час! Вот скажи, какая тварь может ТАК обглодать кости за час? Кроме того там не было ни единого куска от их одежды. Ни клочка от трусов, шубы или штанов.

– Даже валенок не было. Одни портянки. И – все личные вещи погибших – часы, портсигары, планшетки и всё такое – всё валялось на снегу. И это то, что мы нашли – а там был снег, и ветер – многое наверняка там и осталось... – вздохнул Серафим. – И посмотрите на кости – на них ни одной царапины. А зубы волков или песцов оставляют хорошо видимые царапины. Про белых медведей я уж промолчу. Их нападе-

ние ни с чем не спутаешь – сломанные кости и разгрызенные тела. А тут...

– Помните, что говорила Белая Королева Алисе? – Елена повертела череп в руках.

– «И вот – иногда я успевала, ещё до завтрака, целых шесть раз поверить в невероятное»? – усмехнулся Серафим.

– Да... Я уже видела нечто подобное. Животных, которых пожирали бродячие муравьи. Они выедали у них плоть до малейших частичек – сжирали всё, оставляя только кости. И кости были неповреждёнными. Верите нет, но однажды я нашла труп в одежде – муравьи съели беднягу не оставив ни единого куска плоти... Но не повредив одежды.

– Муравьи-убийцы? – усмехнулся Павел, обмахивая раскрасневшееся от эмоций лицо варежкой. – Товарищ старший лейтенант – но это невозможно. В нашем климате они просто не выживут. Да и стаи таких насекомых мы бы давно заметили. Здешние крася нами давно исследованы от «А до Я».

– Тут я с вами согласна... – Елена отложила череп и подняла берцовую кость. – Но неужели непонятно, что пока это единственно логическое объяснение. Посмотрите – даже суставные хрящи съедены – скелет просто рассыпался. Кто, кроме мельчайших животных способен на такое?

– Ну... кальмары. Они могут опутывать жертв щупальцами и при помощи зубчиков на присосках – отдирать мясо от костей.

– Верно, товарищ Серафим. Но даже тогда на костях оста-

лись бы следы... Кроме того кальмары, осьминоги и каракатицы используют клюв для раздиранья своих жертв на части. Да и кальмару трудно будет выбраться из воды, проползти десятки километров по ледяной тундре – при температуре минус сорок.

– Может черви какие? Личинки всякой твари могут стремительно «подъесть» тела. Мы иногда тут летом находили останки всяких зверей – опарышами обглоданные.

– Окстись... менее чем за час сожрать десять человек – это что за стая должна быть? – проворчал Серафим. – Ни одно живое существо так быстро трескаться не может. Не-е-ет. Это что-то иное.

– Точно... – Елена отложила кость и начала всматриваться в останки повнимательнее.

В отличие от своих собеседников, она знала кое каких существ, что могли поглотить и переварить человека за считанные минуты – если не быстрее. И ей очень хотелось надеяться, что тут нет ни одной такой твари.

В сарай зашёл Иннокентий, следом за которым в сарай, с хрустом и матерками, втащили большой прожектор, с тянувшимся, что твой крысиный хвост, длинным проводом.

– Сейчас, Иннокентий Иваныч, я присоединю кабель к щитку, и будет вам тут такое солнышко, что французы от зависти, своими жабами подавятся... – проговорил один из мужчин, что волок прожектор.

– Лягушками, – вставил Серафим.

– Чё?

– Во Франции не жаб едят, а лягушек, – проговорил Се-
рафим. – Не путай.

– Да мне как то оно по барабану, что и с чем там едят.
Жаба она жаба и есть... – проговорил мужчина, помахивая
рукой. – Ну вот, пальцы отморозил.

Елена подняла фонарь и осветила на него.

Это был высокий, хоть и сильно сутулый, мужчина, с яр-
кими, красивыми голубыми глазами, и длинными светлыми
волосами. Так же он был гладко выбрит – что было необычно
для этой местности – без бороды и усов тут щеголяли немно-
гие.

Человек был облачён в толстенный свитер из овечьей шер-
сти, поверх которого нацепил роскошный жилет из шкуры
белого медведя. Его штаны были из того же материала. А
вот валенки богато расшиты стеклянным бисером, на мотив
местного народного творчества.

На его голове плотно сидела обычная вязаная шапка, по-
верх которой, не менее плотно, сидела ковбойская шапка
– причём настоящая – из коровьей кожи, с правильными
углублениями – чтобы со стороны можно было принять за
рога.

– Чё светишь в морду? – проворчал блондин.

– Гаврил – а можно без наездов? – проворчал Павел. –
Между прочим, девушке свет нужен, а ты даже не телишь-
ся...

– Да счас сделаем... – Гаврила посмотрел на своего помощника. – Пень, давай дуй к щитку и подключи там всё что надо.

Парень по прозвищу Пень – молодой совсем паренёк, лет двадцати, «метнулся кабанчиком» в дверь, а спустя секунду сарай залило ослепительным светом.

– Да чтоб тебя!! Заманал твой пень весь личный состав! – прорычал Павел, прикрывая глаза. – Эй, тебе наш радист глаза не выжег, старший лейтенант?

– Я отвернуться успела, – проворчала Елена, осматривая кости в ослепительном свете, более пристально. – Хм! Смотри-ка – из черепной коробки мозг не пропал. И в позвоночнике тоже присутствуют части спинномозгового вещества. И костный мозг цел...

– И что вся эта фигня значит? – проворчал Гавриил, немного покраснев, потом побледнев и под конец – позеленев.. – Простите, товарищ страшный лейтенант.

– Это пока ничего не значит, кроме того, что тот, кто съел этих людей просто не смог расколоть кости и поглотить костный и головной мозг... Странно – он сумел съесть хрящи и сухожилия в суставах рук и ног, но не смог попасть в голову и переварить хрящи позвоночного столба... Это интересно... – Елена достала лупу, подкрутила её и присмотрелась к костям. – Хм! А вот это уже странно...

– Что такое? – Иннокентий шагнул вперёд.

– Хотите посмотреть? – тоном гостеприимной хозяйки,

предлагающей гостю чай с ватрушками, повернулась к нему Елена.

– Спасибо. Я вам на слово поверю.

– Ну ладно... в общем на костях есть странные следы – словно их царапало что-то круглое, как рот миноги.. Миноги...

– Что такое минога? – удивился Иннокентий.

– Это «шестидыр» (русское прозвище миноги. Примечание автора). Рыба такая, длинная, как угорь, с круглой пастью, что усажена зубами по кругу – такими круговыми зубами она может «стесать» мясо с живой рыбы – в общем, опасный хищник. Но вкусный. У неё шесть дырок вместо жаберных щелей – потому то её «шестидыр» и зовут, – объяснил, к удивлению Елены, Серафим. – В Ленинграде её часто ловят и к пиву приговаривают. Костей нет. Рыба, если правильно засолить – вкусная. Но в наших краях она не живёт.

Елена поднесла кость к лампе и попыталась присмотреться к ней, через лупу.

Серафим спокойно забрал кость и поднёс её к свету, чтобы Елена могла спокойно использовать лупу.

Елена присмотрелась к костям. Никаких сомнений не было – на костях царапины имели чёткое кольцевое строение – такое можно увидеть только после нападений кальмара или миног – зубы или зубчики на присосках, двигаются по кругу к центру, стёсывая и перемалывая попавшееся на пути мясо. Удивлял только размер этих следов – они были микроскопи-

ческие – с трудом заметные только через мощную лупу, и их было **ОЧЕНЬ** много – словно это был кальмар с тысячами щупалец, или стая миног в несколько тысяч особей.

Не стоило и говорить, что в климатических условиях «Плутонии» кальмары и миноги вряд ли протянули бы больше минуты. А уж представить, что они слопали бы десять человек – вместе с одеждой и обувью – было совсем странно.

– Не могу понять, что это такое... Странно, – прошептала Елена, проводя пальцами по костям. – Это нечто невероятное...

– Это для вас «нечто невероятное»?! – неожиданно зарычал Павел. – Твою мать. Ты – кgb-шница! Это останки убитых людей! И ты восторгаешься тем, что их убило?

– Э, брат, ты б это... сбавил пар! – прорычал Гаврила. – Чё развонялся? Иль чего – сам хочешь пополнить коллекцию этих костей?

– Да, Павел, чем тебе не нравится её работа? – поддержал Гаврилу Серафим. – Товарищ старший сержант, не обращайтесь внимания. Не ко всякому зрелищу мы тут привыкли.

– Да всё в порядке, – Елена осторожно и деликатно перерыла кости. – Моя работа не у всех вызывает удовольствие – особенно у тех, кто благодаря ей понёс заслуженное наказание. Ага!

Несколько костей лежали чуть в стороне – они были аккуратно распилены, причём явно хирургической пилой.

– Ваш врач пилил эти кости, чтобы получить доступ к

костному мозгу... – Елена подняла одну кость. – Ну, в принципе правильно. Хотя не совсем понятно – они умерли так быстро, что никакой яд или наркотик просто не сумели, бы проникнуть в их костный мозг... Что он хотел там найти?

– Он ещё череп вскрыл один, – проговорил Иннокентий. – Взял мозговое вещество.

Тут уже было кое-что интереснее – судя по кассете, которую Иннокентий дал послушать Елене – перед смертью члены экспедиции находились под воздействием какого-то наркотика или вещества, что вызывало галлюцинации. Если наркотик попал в кровь, то он мог сохраниться в мозговом веществе, и его можно было установить.

Елена прибрала один череп и убрала в сумку.

– Это я заберу – потом обработаю результаты «Орангом». Надеюсь, что уже завтра будет какой-нибудь ответ.

– «Оранг»? Что это?

– Это мобильная биологическая лаборатория. Она засекречена, я не могу вам ничего о ней рассказать. Но поверьте – если кто и может справиться с разгадкой этих смертей, то только она.

– Уверены?

– И не такие орешки «щёлкал»... И это... Елена вздохнула. – Товарищ главный инженер – я бы хотела, чтобы о том, что тут произошло разговоров ходило поменьше. Это можно устроить?

– Постараюсь.

– Полагаю, что вашим работникам, что присутствовали при этом осмотре, будет достаточно вашего приказа. Но если они вдруг, совершенно случайно, обмолвятся, что люди в экспедиции погибли так, как описывал ваш главный врач, то я только буду рада. Не надо говорить ничего об истинной причине этих... смертей. Я прошу вас понять – это дело очень странное. Не хочу поднимать панику.

– Могли бы и просто выставить меня и моих людей из этого сарая и всё делать не на наших глазах, – заметил Иннокентий. – А вы нам тут столько всего рассказали, товарищ старший сержант.

– Десять лет назад я бы так и сделала. Но когда у вас будет такой же опыт оперативной работы, как у меня – то вы научитесь доверять людям. И понимать, что иногда нужно демонстрировать доверие... И да... – Елена подошла к Иннокентию и что-то прошептала ему на ухо.

– Ого... Даже так? – главный инженер скривил губы в нехорошей усмешке... – Не вопрос – сделаю.

...Валентина, с подушкой и одеялом в руках, повела показывать Елене её комнату.

– Выделили для тебя комнат на пятом этаже – под самой крышей. У нас парни не любят пятый этаж.

– Какое-то суеверие? – удивилась Елена, осматриваясь по сторонам.

– Да не, когда с похмельюги просыпаешься, то тащиться с пятого этажа вниз, до столовой, не так уж весело... – усмех-

нулась женщина. – Счас-то в нашем гнёздышке тихо – почти все на полевых работах да в экспедиции. А летом тут начинается не совсем весёлая жизнь – прибывают всякие студенты. Учащиеся. Первокурсники... Иногда приезжают всякие ансамбли песен и плясок, театры, да и просто журналисты сюда наведываться любят. Летом у нас тут совершенно дикий бедлам. Не уследить за народом. И, ты мне поверь, никаких проблем от Угодий Келе не было. Хотя туда часто летом народ гоняет на аэросанях или собачьих упряжек. Сама понимаешь – девку красивую в тундру не скатать – тепла в постели – не видать.

Елена усмехнулась, старательно пересчитывая ступени.

Лестницы тут были сделаны из дерева – хорошо обтёсанного и ошкуренного бруса, с металлическими уголками на краях, для прочности. Все лестничные площадки были хорошо освещены, и надраены до блеска – ни грязи, ни пыли – хотя дух одиночества и мрачности, что бывает в старых домах, тут хорошо ощущался.

– Получается, что сейчас основной народ живёт на первом и втором этаже? А третий, четвёртый и пятый – пустые?

– Получается что так, – кивнула Валентина. – Ты это... смотри в оба. Ребята тут разные бывают. Некоторые сами не свои бывают до нашего, бабьего мяса. Иннокентий конечно всех предупредил насчёт тебя – но ты ведь мужиков знаешь – они головами не всегда думают.

– Я могу за себя постоять.

– И без оружия никуда не ходи – у нас был случай, когда медведь в общежитие залез – ладно ребята без револьвера спать не ложатся – устроили стрельбу, прогнали медведя. Но сама понимаешь – дюжина салютов посреди ночи под ухом – это тот ещё нежданчик. Так что вот... – Валентина вошла в длинный коридор, слабо освещённый парой ламп. – Твоя комната вон там. Угловая, как мы её зовём. Двери там крепкие, так что спи, как следует – разве что на задвижку запишись. Ужинать решишь – то топай на первый этаж, столовая там работает до девяти часов. О тебе уже всех поваров предупредили – ешь, что хочешь и сколько – не стесняйся. Всё запишут на счёт администрации. Лично Бегемот подсутился – гордись.

– А помыться где?

– Мыться в подвале – уж сама понимаешь, в нашем климате жидкая вода – дело сложное. Проще её держать поближе к котельным. Так что туда ходи. Только смотри не перепутай, тут у нас душевые и для мужчин и для женщин.

– А баня?

– Баня... – фыркнула Валентина, открывая двери в «апартаменты» Елены. – Баня для ребят дело святое – у нас обычай есть – если с полевых работ кто возвращается, то первым делом – в баню идёт, да сидит там, в жаре и паре, пока дочиста не отмоется. Ну и конечно – самое важное – нельзя носить в тундре ту же одежду, в которой ходишь в поселении. Это тоже такая примета.

Елена вспомнила, что абсолютно все жители поселения, кроме собственно самих туземцев, носили тут довольно необычную одежду – чистые ватники, шубы, жилетки из меха.

Войдя в комнату, Елена осмотрелась.

Комната была нежилой – в ней ощущался некий дух одиночества и тлена, что часто сопровождает пустые дома, в которых долгое время никто не живёт. Несмотря на то, что тут было тепло, стены и пол были прохладными – не успевшими прогреться, несмотря на пущенное отопление.

Из мебели тут был стол, пара стульев и четыре кровати, с четырьмя тумбочками. На кроватях лежал багаж Елены – упакованный в ящики «Оранг» и пара сумок с личными вещами.

– Вот тут и будешь жить. Не боишься одиночества?

– Нет. Не боюсь, – Елена подошла к одному из окон и потрогала стекло, на которое были наклеены полоски бумаги. – Это для чего?

– Там у нас, за вон тем насыпным холмом, бункер, где мы взрывчатку храним. Однако лет восемь назад при погрузке ящик динамита жажнул – все стёкла повыбивало. Пока вставляли, пока то да сё – куча времени прошла. С той поры мы и начали клеить бумагу на стёкла. В Ленинграде такое хорошо защищало от взрывной волны.

– Знаю, я такое видела, – Елена потрогала стекло. – Что-ж, вижу моё оборудование сюда доставили, и свет провели.

– Это да. У нас тут электричество не экономят, но все, же смотри... если что, то свечи вот... – Валентина положила на кровать завернутые в газету свечи.

Елена раскрыла одну из сумок и стала снимать с себя «Ай-зек» – тепло он тоже хорошо экранировал, но все, же щеголять в нём было бы не совсем умно – в определённом плане здешние жители правы – для работы должна быть одна одежда, для повседневной жизни и отдыха – другая.

...Валентина немного растерялась, когда Елена спокойно начала раздеваться прямо при ней – хоть и женщина, но все, же незнакомый человек...

Однако затем пришёл черёд удивляться ещё больше – под своим странным комбинезоном из серо-зелёной ткани, с капюшоном и странной маской, Елена не носила ничего.

Осторожно освободившись от комбинезона, Елена, прямо голышом, подошла к сумке и стала рыться в ней.

В этот момент Валентина и сумела её рассмотреть, как следует.

Первое, что бросалось в глаза, была необычайная худосавость девушки – ни капли жира или лишних мускул – не человек, а ожившая статуя, работы искусного скульптора. Единственное что выбивалось из общей картины – хорошо различимые под кожей рёбра Елены. Это единственное, что портило её красивое тело.

Грудь у Елены была не очень большой, но на удивление упругой – признак ни разу не рожавшей женщины. Обычно

после кормления ребёнка груди хоть чуть-чуть, но обвисают, уж это Валентина знала не понаслышке.

Тело Елены не имело ни единого шрама или родинки – если не считать странных шрамов в районе почек – три белёсых полосы странного вида, больше похожих на уколы огромной иглы.

– А что вы думаете о том, что случилось? – Елена стала неторопливо одеваться. – Если, так можно сказать, без протокола? Наверняка же думали над этим жутковатым происшествием. И побольше моего.

– Думала, да, – кивнула Валентина. – Но тут ничего не могу придумать. Кроме разве что...

Елена повернула голову к Валентине.

Женщине на минуту показалось, что глаза Елены вспыхнули каким-то призрачным сиянием – скорее всего отражение Луны, что привольно расположилась на небосклоне.

– Что? – поинтересовалась девушка, влезая в чёрные брюки.

– Эти погибшие... Не похожи они были на археологов... Я ведь навидалась этого учёного брата, когда Иннокентий им тут позволил работы вести. Понимаешь, те ребята – палеонтологи и зоологи, что тут работали, они хоть и были суровыми, крепкими ребятами, но они были ДРУГИМИ. От них... – Валентина пощёлкала пальцами, – ...исходила какая-то волна учёности. В общем, они давали понять, что у них мозги имеются. Они даже вели себя не так как большин-

ство здешнего люда. Ну, они были как Семиазас – то есть Серафим. Ты ведь его видела? Серафим интеллигент – хоть и может выдрать человека из когтей белого медведя и трое суток тащить на себе через всю тундру... Однако при всём этом он именно что интеллигент – то как он разговаривает, общается и смотрит на тебя.

Елена залезла в обычные женские брюки (конечно обычные только для простого человека – всё что шили или изготавливали в Биоинституте – простым не бывало).

– А эти люди – кто они были?

– А вот те были странные – они на тебя смотрели как то свысока. Как звери... Скажу так – так на меня смотрели уголовники.

Елена спокойно застегнула брюки и натянула свитер.

– Считаете, что это были никакие не археологи и не поисковики? Почему? Те, кто сидел в тюрьме или зоне, часто приходят сюда, чтобы тут работать и оставить груз грехов за спиной.

– Этих-то я насмотрелась досыта. Но скажу так – эти парни ничуть на раскаявшихся не походили. Они были иными. Ох, совсем иными... – Валентина посмотрела в окно. – Не всё с ними хорошо. Вот те крест.

– Что-ж. это хорошие сведения, – проговорила Елена. – Благодарю за помощь. Пойдёмте ужинать...

...Столовая была огромным помещением, с кучей столов, стульев. Одну из стен украшала богатая коллекция черепов

и даже чучел голов разных зверей. Пол тут был изрядно затоптан десятками ног, да и аромат столовой стоял тот самый, который не перепутаешь ни с чем.

Елена взяла поднос и внимательно изучила меню.

Меню отличалось от обычного только наличием таких деликатесов как «котлеты из оленины» и «ягодный кисель из брусники». Суп тут был в основном рыбный. Совершенно необычным блюдом были жаренные трепанги и макароны с креветками – видимо Иннокентий наладил бесперебойную доставку сих явств с Дальнего Востока на Крайний Север.

– Долго зыриться будешь? – мрачно пророкотал повар – здоровенный амбал, из разряда «дядя – поймай воробушка», с лицом, о котором можно было только сказать что «оно было отмечено печатью совершенного злодейства». – Чё будешь шамать?

– Фёдор! – прорычал кто-то из-за стола. – Это-ж та самая – кГБ-шница...

– Да мне как то по боку. Жратеньки все хотят – даже такие как она, – пророкотал повар и стукнул половником по столу.

Елена резко двинула рукой – половник выскочил из руки Фёдора, взлетел под потолок. Тут же Елена взмахнула рукой, повернулась вокруг своей оси – причём все увидели только её смазанное движение – и, поймав половник, протянула его назад повару.

– Вы уронили – вот, держите. – Елена протянула повару половник. – Осторожнее с инструментом, товарищ. В кон-

це-концов им вы еду накладываете. Подняв поднос, она взяла стакан с компотом и, поставив всё на первый попавшийся стол, села и принялась есть.

– Не возражаете, если присяду? – Серафим поставил поднос на стол.

– Да я не против. Как полагаю, это место не казённое, а общее.

– Нам нужен хлеб, – промолвил Морж, —

И зелень на гарнир,

А также уксус и лимон,

И непременно сыр.

И если вы не против,

Начнем наш скромный пир.

проговорил Серафим. – Как я понимаю, вы желаете сгонять в Угодья Келе?

– А что? Вы говорите так, словно я предлагаю что-то некрасивое, – Елена воткнула вилку в пюре. – Место преступление следует осмотреть, как следует. И желательно быстрее. Или ты не согласен?

– С этим я согласен, просто тот тип, что перед вами приежал, за саму работу лишь на третий день взялся водку квасил и олениной обжирался – а вы прямо «с места в карьер», – Серафим отправил в рот пюре. – Необычно.

– Работа – тот ещё волк, за хвост не ухватишь, убежит... что можете мне рассказать о здешних краях?

– Да всё тоже, что и другие – носите с собой оружие посто-

янно, тут часто можно встретить дикого зверя, чьи и без того небогатые мозги, разъедены ядом вируса бешенства. Ветра, штормы и «золотой дьявол».

– Кто?

– Ну это то, что называют «золотой алчностью» – тут иногда находят золото – от него все проблемы. Мы считаем, что найти золото – это самая нехорошая примета – обязательно что-то с кем-то случиться, – Серафим спокойно разломал вилкой котлету. – Дам такой совет – берите аэросани. Тут не так далеко от поселения – быстрее смотаетесь туда на них, осмотрите и назад вернётесь.

– Хорошо. Есть мысли о том, что случилось с вашими ребятами? А то как-то некрасиво всё это смотрится...

Серафим проткнул котлету вилкой и немного подумал.

– Нет. Простите, но никаких определённых идей нет. И вообще – наше поселение основано на останках старой, ещё царских времен промысловой базы. Здесь пушнину скупали ещё до войны с Наполеоном. Неужели думаете, что если бы тут жили какие-то животные, способные нападать на людей – то об этом никто бы не ведал? Да и Угодья Келе не такой уж дальний свет – многие там часто бывали. Даже я несколько раз гонял – кости собирать – попросили у нас для одного музея краеведческого, собрать скелет оленя полный. Нет-нет-нет.... Не могли мы ничего проглядеть.

– А что такого? Бывали такие случаи. Не читали сказки и мифы о циклопах Древней Греции? Помните, сколько было

сломано копий в спорах о том, кто такие циклопы?

– Конечно. Сам писал на эту тему сочинение, когда в Ленинграде учился. Под циклопами, как я думаю, имелись в виду кузнецы, что ковали оружие и прочие нужды. А один глаз – это привычка щурится, глядя на огонь.

– Хорошая теория, но, увы – несостоятельная. Когда я была в Греции, то мы там находили так называемые «пещеры циклопов» – в них были кучи костей, и огромные черепа впадинами посреди лба... Ну местные думали, что это один глаз посреди лба. На самом деле это оказались черепа слонов.

– Слонов?

– Карликовые слоны. Они были очень небольшими конечно в сравнении с обычными слонами, и вымерли, по не вполне известным причинам. Но их черепа кости принимались за останки циклопов – гигантов-людоедов... – Елена прожевала и проглотила кусок котлеты из оленины. – Как видите – циклопы оказались не совсем мифом. Просто это были животные, о которых, в силу их древности не знали даже сами греки. Между прочим, местные жители, обитавшие в этих местах тысячи лет.

– Но даже если вы правы – то местные-то должны знать что-то.

– А откуда мы знаем, что им ничего неизвестно? Может они, и знают... но даже у них это знание может быть представлено в виде мифов и легенд. Человек, иногда, любит верить мифам больше чем реальности. Помните «аристотеле-

ву муху»?

– Конечно, помню, – усмехнулся Серафим. – Хотя больше чем убеждён, что это ошибка переводчика, а не самого ученого. Но вашу мысль улавливаю. (Из-за ошибки переписчика трудов Аристотеля в описании обычной мухи было указано, что у неё не шесть, а восемь лап. Поскольку авторитет Аристотеля был очень велик – то почти тысячу лет считалось, что у мух- восемь лапок, пока, наконец, кто-то не поймал муху и не пересчитал её лапы. Примечание автора). То есть даже если что-то там и живёт – то местные жители явно могут и сами толком не знать.

– Правильно. Вот почему надо всё осмотреть своими глазами. Завтра утром я возьму аэросани и съезжу туда осмотреть все, что только можно и попробовать взять нам кое-какие пробы. Надеюсь, мне дадут хорошую машину?

– Возьмите «Джейрана» – это мы так называем аэросани. Нам их собирают прямо в Харькове – достаточно мощные и скоростные. Ну и тут мы их уже доводим до ума – вся техника, на которой мы ездим делиться здесь на ту, что рассыпалась после первого месяца работы, и ту, что работает до сих пор. Мы тут хорошо следим за тем, что нас выручает. – Серафим отхлебнул компота. – Жаль, что я с вами не смогу поехать – у нас завтра ревизия на складе взрывчатых веществ – а у меня как раз допуск к работе с взрывчаткой.

– Понимаю, – кивнула Елена. – Какой совет ещё дадите?

– Возьмите с собой еды и плитку для разогрева провизии.

В этих местах всё может быть – один раз я и Гаврила отпра-
вились проверять радиовышку в одном из заброшенных, на
зиму, прииске. Работы там было на три часа – и сутки поезд-
ки – в оба конца. Не успели доехать, как с Океана накатил
шторм, да такой, что пять дней не то, что двигаться – в пол-
ный рост вставать было страшно. Хорошо хоть я догадался
пару пайков пищевых прихватить – а то глядишь, пришлось
бы в «морской обычай» играть («Морской обычай» – кан-
нибализм среди выживших после кораблекрушения. Приме-
чание автора). Поэтому мой совет прост – едешь в тундру,
всегда бери с собой еды и воды, – Серафим отломил кусок
хлеба, наколот его на вилку и принялся прибирать подливу с
тарелки. – Так же аптечку берите. И возьмите оружие – мед-
веди даже в этих местностях водятся – помойки потрошить
для них – святое. Да и собачий лай часто их привлекает. Для
белого медведя пройти сто километров по тундре для того,
чтобы задрать оленя – не проблема.

– Хорошо. Но неужели вы стреляете медведей?

– А что делать? – пожал плечами Серафим. – Впрочем, вы
особо не паникуйте. Главное помните, что среди белых ми-
шек тоже встречаются бешенные – так что особо не печаль-
тесь, если придётся обороняться.

– Бешенство здесь часто встречается?

– Ну... тут надо у нашего врача спросить. Или у его по-
мощника. Но вообще – часто.

Елена доела ужин и, впив компот, собрала посуду на под-

нос и побрела искать завхоза.

...Завхоз оказался колоритным человеком – этакий царский купчина, что полное впечатление, сошёл прямо с картины Кустодиева – громадный широкоплечий мужчина с толстым животом и могучей бородой, из которой Елена могла бы связать для себя жилетку и пару шерстяных носков.

Одет он был тоже под стать купцу – тёплая рубашка богато расшитая вязью из оленей, рыб и китов (явно местное творчество) и жилетка из какого-то странного меха – чёрного, сверкающего и очень гладкого – почему-то у Елены этот мех вызывал ассоциации с лётчиками.

– Так-так, товарищ старший лейтенант... я, конечно, дико извиняюсь, но ваши документы можно глянуть? – завхоз посмотрел на Елену и, степенно, привычным движением. Стал расчёсывать бороду. – Уж простите за такое, но мне предписано порядок блюсти ещё как.

Елена, молча, вытащила из кармана удостоверение и протянула завхозу. Тот на секунду опешил – видимо думал, что его гостья хранит документы в своём багаже, а не таскается с ними по всему посёлку

Однако удостоверение взял и тщательно осмотрел – причем было видно, что взгляд у него профессиональный – явно не впервой иметь дело с фальшивками. Впрочем Елена не переживала – удостоверение было самое что ни на есть настоящее – Илья его прямо из филиала КГБ во Владивостоке заказал.

– Кстати, вы молодец, – улыбнулась Елена – Хвалю за бдительность. Обычно у меня мало кто документы спрашивает.

– Поди, сразу руки крутят и за решетку кидают? – хмыкнул завхоз, явно надеясь немного разрядить обстановку.

Елена вспомнила свои злоключения на Кубе и растянула губы в усмешке.

– Чем я могу вам помочь?

– Ну... А почему вы до сих пор не спите и сидите на складе? – удивилась Елена. – Я к вам утром хотела забежать, за оборудованием кое каким. А сюда пришла просто, что бы узнать, где у вас склад, а то бегала бы завтра по этому зданию, нищий – от бани. (В Царской России и СССР нищих и бездомных обычно таскали в баню, где первым делом истребляли невинных вшей. Для бездомных и беспризорников это куда ни шло, но вот для нищих Царской России было трагедией – неопрятным людям с хорошо видимыми вшами в голове, подавали подаяние куда как охотнее, чем чисто выбритым и вымытым. Откуда и пошла поговорка «бегает как нищий от бани». Примечание автора).

– У нас завтра ревизия, – объяснил завхоз. – Плановая ревизия, если вам это о чём-то говорить изволит вот я и решил немного задержаться – подготовиться к ней. Я уж тут знаю – скоро приедет комиссия, расследовать это происшествие. А где комиссия – там и ревизия. И не забывайте, что мне надо как то списывать имущество, что получили у меня погибшие.

– В смысле? – насторожилась Елена. – Они что, без ничего сюда прилетели? Я вон, и то с собой взяла одежду и оборудование, как узнала, что лечу куда-то «в милый край – Арктический рай»... А они что, в одном гражданском прилетели?

– А то... Прикатали в дорогих иностранных одеждах – пуховики из Италии и шерстяные штаны из английской шерсти. Кстати, скажу вам откровенно – эти импортные шмотки на наш климат не рассчитаны, они больше для английских широт – нашим краям Англия и в подмётки не годится. Одни только шапки наши – советские – из енотовидных собак. А вот что странно... – Завхоз посмотрел по сторонам и, склонившись над Еленой, понизил голос. – Чемоданы у пары из них были какие-то... выдавшие виды. Знаете – дерматиновые, самодельные – чиненные не на раз. Я такие видывал у тех наших работяг, что к нам из мест исправительных работ приезжали. Приезжает такой – весь в тряпье, а некоторые даже в ватниках – тех, что преступники в зонах, на работах, таскают. Конечно, после первой зарплаты такие одеваются в пух и прах, а шмотьё своё зоновское сжигают. Но чемоданы не вкидывают – мол, они «счастливые». Так вот – эти ребята такие же были. Все разодеты в пух и прах, а чемоданы – сущее тряпье. Что самое странное – явно не новички в горном деле – взяли у меня хорошую одежду несколько смен одежды и обуви – портянок несчитанно... Явно знающий народ – понимающие как в тундре важно вовремя обувь сушить.

– Кстати, а их личные вещи где? То в чём они прилетели?

– Так они всё с собой забрали. Вот что странно. Обычно те, кто к нам сюда приезжает – они свои вещи в комнатах общежития держат. А эти с самого начала отправились к Иннокентию и Бегемоту и получили от них не только нужные припасы и одежду, но и два гусеничных транспортника с палатками и топливом. И ещё одно...

Завхоз прикусил губу.

– В общем, смотрите – когда к нам приезжают всякие разные группы что занимаются исследованиями или раскопками, или сбором каких-то данных, то они обязательно включаются в своего рода график контроля. Раз в двое суток наши парни объезжают их – что бы убедиться, что у этих умников всё в порядке, что у них нет больных и им не нужны припасы и всё такое. В общем, мы зовём это «Патруль Жизни» – это важная составляющая нашей работы. Этого требует правила работы «Плутонии» – следить за работой таких групп, – завхоз, уже немного нервно, погладил бороду. – Бегемот два раза к ним гонял. Возвращался. Правда, мрачный – говорит, что там ему явно не рады были и хамили. Но самое-то важное тут не то...

Завхоз погладил бороду и провёл рукой по жилетке вверх-вниз – что было странно, мех на жилетке одинаково легко укладывался в обе стороны...

– Аккурат за пару часов до того, как там случилось то, что случилось – некоторые наши парни слышали странные звуки – взрывы. Понимаете? Я для вас повторяюсь... С того места

где работала эта экспедиция – были слышны взрывы.

– А что такого странного? Может они штуфы били или еще, какие работы вели.

– Товарищ старший лейтенант – что бы взрывать что-то в тундре – надо иметь взрывчатку. А согласно документам – никакой взрывчатки им не выдавали. Инструмент был обычный – лопаты, кирки, вёдра, верёвки и всё такое – но взрывчатых веществ и детонаторов им НЕ выдавали.

Вот это уже было интереснее. Тут уже было кое-что любопытное...

Иннокентий зашёл в медпункт и, тише мыши, что бы не разбудить других пациентов, подошёл к кровати, на которой лежал Костя.

К случаям «белой горячки» в поселении привыкли давно – и уже хорошо научились с ней бороться – несколько капельниц глюкозы с витаминами, и кое-какие седативные вещества. Так что Костю удалось привести в чувство очень быстро. К счастью он не в запой ушёл, а просто наглотался спирта – как говорят в Одессе «это две большие разницы».

Однако он лежал на кровати, и смотрел в потолок совершенно безжизненными, ничего не выражающими глазами. Его лицо, потемнело от боли и страданий. Однако это были необычные страдания – это был страх. Жуткий страх, кото-

рый возникает, когда человек сталкивается с давним кошмаром прошлого. Кошмаром, который он бы желал забыть...

– Ну привет, Костя... – Иннокентий сел на стул у изголовья. – Давай рассказывай – что это ты такое отколол...

Несколько долгих секунд Иннокентий думал, что у него ничего не получится и его старый друг и помощник ничего не скажет. Однако Костя немного промолчал, вздохнул и пошевелился.

– Кто она? Откуда ты её выкопал? – проговорил Костя, ровным, безжизненным голосом. – Это же не человек, это какая-то чертовка, демон, дьяволица... Как... откуда она тут взялась?

– Я вызвал. Надо было узнать, что с ребятами на Угодьях Келе случилось. И работу свою она знает хорошо. Если поведёт – вытянет нас из крупных проблем. Тебе велела передать, что ей совершенно не интересны ваши прошлые стычки и недоразумения. Короче – плевать ей на тебя. Но я хочу знать – что ты с ней не поделил.

– Ха! – Костя посмотрел в потолок. – В принципе – какая теперь разница... Во время войны я был не таким уж простым и тихим, как сейчас. Мне тогда было-то всего двадцать пять лет. В Одессе я с ребятами занимался тем, что «потрошил суда» – грабили склады с грузами, ну и суда что заходили в порт Одессы. Ну и не только... Однажды в акваторию нашего порта зашло подбитое торпедной атакой судно – вроде бы обычный транспортник. Он был подбит, частично

сторел и его экипаж был настолько изранен, что его сняли с борта и вывезли в город, а сам корабль стали транспортировать в порт. Времена тогда стояли мутные, военная суматоха то да сё... в общем мы с парнями решили пожить этим кораблём.

Иннокентий промолчал – он слыхивал о «одесских чайках» – бандитах, что грабили склады и корабли, не брезгуя нападать на контрабандистов. А ещё он знал, что все до единого «одесские чайки» активно сотрудничали и с немцами.

– На том транспортнике мы нашли... трупы. Трупы животных и людей, которые перевозились в баках с формалином. Ну там прямо на баках было написано, что это образцы для лабораторий и медицинских учебных заведений. Так же там были какие-то странные колбы и ёмкости – одну из таких колб наш капитан взял да и разбил. На нас пахнуло какой-то омерзительной кислятиной. А я взял какие-то документы из сейфа. Правда, они были все записаны какими-то странными знаками – явно шифр. Уже тогда мне стало не по себе – не с хорошими вещами мы на этом корабле столкнулись... – Костя вздохнул. – В общем, сели мы на свою шаланду и – ходу в нашу тайную «крытку»... (Тайное убежище на берегу – одесский жаргон. Примечание автора). Тем же вечером я и все мои парни, не говоря о тех, кто был в «крытке» – заболели. Температура подпрыгнула так, что с ног сшибала – навалилась дикая слабость. Я не мог даже руку поднять. Дышать стало трудно. И нюх отбило – вообще обоняние пропало. За-

раза там была на этом корабле. Та штука, которую наш капитан разбил – в ней была отрава. Знаешь, как в США раньше делали? Отправляли индейцам одеяла оспенные – те и помирали. Так и тут. Перевозил этот корабль что-то нехорошее. Болезнь какую-то. Причем, что странно – не на фронт, а ОТ фронта шёл... Да и надписи на некоторых колбах были странные – явно японские иероглифы...

(В данном случае речь идёт о спецоперации советского Биоинститута и ОБО (Отдела Биологической Оборона) США по вывозу из Польши бактериологического оружия, завезённого по приказу Сената США. (Операция «Серебряник»). Речь идёт о коронавирусе который американцы сумели добыть у китайских эмигрантов в 1930 году – это биооружие было поставлено в Польшу для применения его против советских войск, но по иронии судьбы поляки проглядели немцев. (Для того, что бы «спрятать концы в воду» на случай попадания в чужие руки – колбы для хранения биооружия были маркированы китайскими иероглифами – Костя просто спутал их с японскими). В итоге Биоинститут и ОБО пришлось вывозить образцы коронавируса своими силами. Данная история всплыла только в 2021 году. Примечание автора).

Костя прикрыл глаза.

– Все кто из нас в той «крытке» был – все умерли. Задохнулись – как при сильнейшей пневмонии. Один только я, непонятно как, выжил – видимо в детдоме мне прививок

наставили не зря. Что-то сработало. Я почти две недели там валялся, среди трупов – еле шевелился. Ладно, хоть еды и воды там вдоволь было – из всех кто мог это съесть и выпить остался только я. Мне там припасов на полгода хватило – я полгода не выбирался из «крытки» – сидел там как мышь. Боялся, что зараза во мне живет, и я буду оружием, что сразит других. От нечего делать – пытался расшифровать документы, что из сейфа взяли...

– Расшифровал?

– Так говорю же тебе – делать было нечего. Когда сидишь в пустом доме и не ломаешь голову над тем, где взять еды и воды, то скучно становится – вот я и со скукой и боролся – что бы не «поехать шифером». А расшифровка знаешь, как у меня голову нагружала? Кабы не эти документы я бы спятил. А потом... потом я выбрался из «крытки» в город и там столкнулся с этой ведьмой... Ты не знаешь кто она... Она демон войны, чудовище... Не обольщайся её видом... она ужасна...

Костя вздохнул, и облизнул губы.

– Ты слышал что-то о «Одесском Ящере»?

– Нет. (Материалы по «Одесскому Ящеру» были изъяты из архивов КГБ Украины ещё в 1988 году и хранятся в архивах Екатеринбурга. Уровень секретности – Бета-1. То есть ознакомиться с ними можно только через подписку о неразглашении. Примечание автора).

– Завёлся у нас к концу войны в Одессе, странный убивец.

Непонятно кто и что. Ребят резал как псих какой-то. И что главное – никто его остановить не мог. Он как заговорённый был – ножи об него ломались, а пули он вообще не замечал. Я тогда как раз немного «закрутил» с прошлым и подумывал о том, что бы вообще с прошлым завязать... в общем не смог толком. Пришлось какое-то время с «ребятами» поработать. В общем, этого психа неуязвимого, приехала ловить эта девка. Да не одна. Был там с ней какой-то бесноватый старовер – Аввакумом звали. Тот ещё шизик, «людей» (в данном случае преступников. Примечание автора) ни во что не ставил. А девка эта была невероятно умной и наблюдательной – ничто от её глаза не укрывалось. Быстро они этого психа нашли, хотя, скажу честно, кучу ног парням оттоптали. Тогда-то я с ней и столкнулся – «люди» приказали мне её... усмирить.

– Убить.

– Ага. Больно она опасная была – народу уже её поведение не нравилось. Слишком много вокруг неё и её приятеля нехороших баек ходило. Она и её приятель были не совсем хорошими типами. Неправильно с «людьми» общались. Нехорошо себя вели. Очень нехорошо – без почтения и уважения. В общем, приказали мне её «успокоить»... Да куда там – у неё нюх как у зверя – она и её приятель нас первыми атаквали. Я-то выжил, а вот остальным не повезло.

– Погоди, а сколько же ей лет было тогда?

– Сколько? Да не знаю – сушая девчонка была, соплюшка какая-то. И десяти лет то не было. Но уже умела, и стрелять и

даться. А её приятель тот вообще зверем был – если в драку вступал – всё, смерть. Ненавидел он «людей» – обращался с ними так, словно они – «олени» (в данном случае – простые люди. Примечание автора). Никаких правил и понятий ни в грош не ставил. Сам был страшнее, чем тот псих, которого они отловили, – Костя посмотрел в потолок. – Не выдержал я. Убежал из Одессы, а попутно прихватил то, что сейчас «общак» зовут. Денежки, которые мы для тех, кто в «цугундер» попал, собирали... Долго мыкался по стране, а в 1952 году сюда приехал. Мне здесь нравится – тишина и спокойствие. И никаких тебе странностей... И вот – гляди ты...

– Ты её столько лет – почти двадцать лет не видел, и сразу узнал?

– Такие как она не забываются. Да и говоря честно, не так уж она изменилась. Ну, выросла немного, округлилась... в нужных местах. А так – не изменилась. Сам посуди – она сейчас выглядит так, словно ей двадцать пять, не больше... Да только в 1945 году она уже почти взрослой была. (Костя ошибается – сестры Сиротины родились в 1936 году, так что в 1945 Елене было всего девять лет. Примечание автора).

– Понятно. Своего рода это «привет из прошлого» такой. Но испугался ты зря. Она своё дело хорошо знает.

Костя засмеялся, каким-то хриплым, неприятным смехом.

– Иннокентий ты что, так и не понял, с кем имеешь дело? Это не простая девчонка в погонах. Это специалист высшей

пробы. Она была сущим ребёнком, но даже в эти годы умела видеть, то чего не видели другие и предугадывать поступки других. Это не простой человек. Не простой, в ней есть что-то нечистое. Неприятное. Странное. – Костя посмотрел на Иннокентия и прикрыл глаза. – Я кое, что расскажу тебе о том месте, что породило её. То, что прочитал в расшифрованных бумагах. То, что понял за годы скитаний по стране...

...Выспаться Елене удалось без особого труда – несмотря на то, что посреди ночи задул сильный ветер и в комнате похолодало, тёплое ватное одеяло надёжно защитило её от прохлады.

Утром, пока все её спали, Елена наведальась в душ, где побыстрому, привела себя в порядок. И затем она распаковала «Оранг» и быстро собрав модули и лабораторию, подключила мобильный анализатор к сети и «скормила» ему несколько образцов.

В этот момент в дверь застучали.

– Товарищ старший лейтенант, это Иннокентий. Срочно.

– Дверь не заперта! – ответила Елена, откладывая небольшую пилу.

Войдя в комнату, Иннокентий приподнял бровь – на полу стояла куча странных приборов, больше похожих на небольшие радиоприёмники, в которые Елена загружала биологические образцы – изъятый из костей и вскрытого черепа – мозг.

Странные приборы сверкали какими-то лампочками и из-

давали странный гул и шипение – словно идущие вразнобой часы.

– Это что такое?

– Мобильная лаборатория «Оранг». Создана для исследования биологических образцов разного типа и анализа полученных данных, – ответила Елена. – Неплохая штука, жаль, что очень секретная, так что желательно не упоминать, что вы её видели.

– Так... Это понятно. А для чего вам эти фокусы с костями?

– Думаю, ваш врач именно с этой целью и доставал из костей мозг – исследовал, что в них нанесло кровью, когда хозяева костей были живы, – Елена потрясла головой и её длинные светлые волосы рассыпались по плечам. – Тьфу! Надо было в хвост закрутить... ну да ладно. В общем, смотрите – алкоголь впитывается в кровь, попутно прихватывая с собой всё, что в нём растворено – вот почему не рекомендуется при отравлении употреблять спиртное. Если эти люди напились алкоголя и употребляли наркотические вещества, то «Оранг» обнаружит их в тканях мозга, поскольку мозг – это тот орган, что снабжается кровью до последних мгновений жизни. А стало быть, если в крови есть какая отравка, то она осядет именно в мозговом веществе.

– А костный мозг зачем?

– Для сравнения с тем, что мы найдём. Там тоже что-то могло осесть... Да, кстати, что у вас такого важного?

– Вчера вы просили меня выставить охрану у морга.

– Простила.

– Ночью мы поймали двух типов, что пытались украсть кости. Можете себе представить?

– Могу. Я исходила из того, что если эти кости никто не тревожил несколько дней, значит все уверенны, что ваш врач ничего из них не «вынет». Не узнает. Но – тут прилетаю я, с набором своих приборов, что в десятки, раз превосходят возможности вашей лаборатории. И это может заставить кого-нибудь заволноваться – мало ли что я сумею узнать? Кто пытался похитить кости?

– Вы не поверите... Местные. Хэсты.

– Хэсты? – удивилась Елена.

Хэстами называли местное племя, что обитало в этих местах. Они больше были похожи на чукчу, но антропологи уверяли, что это совсем не чукчи, пусть и очень похожие. Народец был тихий, спокойный, пробавлялся ловлей рыбы, китов и пушнины.

У поселения они закупали в основном лекарства – да и то самые примитивные – вата, бинты, нити для зашивания ран, а так же заказывали разные мелкие вещи типа ножей, крючков и гвоздей. Оружие они носили только для защиты от беглых зеков или «вольных старателей», которые зачастую вели себя хуже, чем самые «отмороженные» урки.

Илья успел рассказать Елене, что все проблемы с хэстами сводились в основном к спору из-за цен на шкур, или по-

ставок некачественного товара. Ну и иногда девушки хэстов предпочитали «подрабатывать» в поселении – Иннокентий смотрел на это сквозь пальцы.

Подработка, кстати подразумевала не только «временное сожительство», но и мелкую работу – именно хэсты расширяли одежду некоторых обитателей поселения красивыми рисунками, на свои – народные темы.

Само собой разумеющимся было то, что в случае несчастного случая на охоте, хэсты привозили своих раненных в больницу поселения. И помощь им там оказывали без оглядки на их принадлежность к «народам Севера».

Вот почему слова Иннокентия были довольно странными для Елены – что заставило людей из мирного племени пойти на такую откровенную уголовщину?

...Схваченных хэстов Елена узнала сразу – вчера она видела их в лечебнице Боброва. Два молодых парня, в странных одеждах – поверх обычных парок из шкур они набросили жилетки из тонкой ткани, расшитые странными рисунками на тему каких-то птиц, животных и людей.

– Молчат, гады, ничего не говорят, – проговорил встретивший на пороге комнаты, где держали задержанных, мужчина. – Хо! Эт чего за красотка? Та самая старлей, которой мне все уши прожужжали?

Выглядел этот человек весьма мрачно – высокий, широкоплечий и очень мрачный, несмотря на аккуратную «шкиперскую» бородку и густы брови. Чёрная кожаная куртка и

штаны из белой шерсти (явно медвежьей), выглядели на нём весьма необычно.

– Василий Закрежевский, – представился он. – Имею честь представлять на этом ледяном пупе земли дружину общественной безопасности.

– Ого. И часто здесь народ до вашей дружины ходит? – Елена протянула руку Василию.

Тот схватил её и как следует, правда без всяких там «сви-репостей», тряхнул.

– Когда как. Вы, товарищ старлей, сейчас сюда угодили в самый, что ни на есть тихий сезон – большинство ребят на полевых работах, а молодёжь ещё не привезли. Так что тут тишина и спокойствие – и «до меня» бегают не так и часто – максимально, что может быть – драка пьяная или из-за спора о том, кто из художников ходил без уха – Ван Гог или Гоген. А вот тут смотри-ка... сцапали этих голубчиков – они у морга доски из стен осторожно выпилили и кости своровали, да в мешок. Ну, тут мы их и сцапали. И что главное – молчат, ничего не говорят. А по-нашему понимают, если что...

Елена, закручивая волосы в хвост, зашла в комнату и посмотрела на задержанных. Те, мрачно, посмотрели на неё, но промолчали.

– Это ученики шамана, – проговорила она. – Смотрите, какие на них одежды – ни один вор бы не полез воровать что-то, обрядившись в такие вот рубашки. Кстати. Они расшиты не просто красивыми картинками, а специальными рунами

и надписями, которые, как я вижу, очень и очень древние. Вон у того парня на спине вышит знак, который в США, на Аляске, находили только у шаманов. А вон там явно обмотанные шкурками колокольчики – что бы приведений отпугивать. Оружие у них какое-то какое было?

– Только вот это, – Василий показал короткую дубинку, сантиметров тридцать длины, украшенную какими-то завитушками. – Но они даже не пытались ей нас бить. Да что там – даже достать не пытались, что бы нас ей треснуть.

– Может просто не успели, – проворчал сидящий в углу парень, чистящий ногти перочинным ножом. – Хотя, конечно странная дубинка. Что это?

Елена взяла дубинку с легкой брезгливостью и повертела перед глазами.

– Это ритуальная дубинка из бакулюма моржа или кита – сейчас не могу точно сказать что.

– Бакулюм?

– Это такая кость в организме многих животных – служит для поддержки... Мужских снастей.

Василий отбросил дубинку в угол и, выматерившись под нос, пошёл мыть руки.

Елена вздохнула и подобрала бакулюм двумя пальцами.

– В общем, служит для поддержки мужских снастей у зверей. У человека её нет. Считается сосредоточием мужской силы и служит важным ритуальным предметом у шаманов...

– А я смотрю, ты в этом деле разбираешься, – прогудел

чей-то голос, а затем в комнату, сопровождаемый Бегемотом и Иннокентием, вошёл невероятно колоритный человек.

Он был невысокий чуть-чуть ниже Елены, и судя по всему, ненамного шире её в плечах. Оде он был в немыслимую одежду, сшитую из совершенно разных по цвету и размерам шкур, да ещё украшенную бубенцами, бусами, стеклянными украшениями и ещё бог ведает чем – из-за чего сильно смахивал на убежавшую с детского утренника ёлку.

Самым удивительным было его лицо – оно было не просто жуткое, а ужасное – какой-то мастер-хирург отрезал ему нос, подрезал уши, так что они оттопыривались в стороны, и вставил вместо обычных зубов – какие-то керамические зубы, для создания которых явно были взяты зубы акул. Так же он сшил ему веки – причём не просто сшил, а судя по всему срастил их, как сращивают кожу для прикрытия ран или на косметических операциях.

В итоге получился жуткий, страшный человек, немного похожий на гоблина из английских сказок. Или на обычного шамана.

– Прошу прощения за моих дураков... – проговорил он, стукнув по полу посохом. – Это по моей вине они опозорили мой народ в ваших глазах.

– В смысле? Это ты им велел залезть к нам и своровать кости? – проговорил Иннокентий, постукивая кулаком по ладони.

– Нет. Просто я сказал, что пока эти кости находятся у

вас в посёлке – то это плохо. Келе может прийти за ними... Кости жертв келе надо оставить там, где они нашлись, чтобы, когда он придёт за ними, то не сможет найти новых жертв, – проговорил мужчина.

– Грот! Что за чушь ты несёшь? – прорычал Иннокентий. – Опять твои мифы о каких-то снежных демонах?

– А те кости, что ты нашёл и привёз сюда – это тоже выдумка? – Грот оскалил зубы.

К своему удивлению Елена вспомнила, где она видела такие зубы.

– Это у вас, что за зубы? Случайно не «ясеневые стрелы»? – спросила она.

Грот замолчал, а затем повернул голову – его глаза зашевелились под зашитыми веками, а затем он дернул своими изуродованными ушами, став похожим на летучую мышь – сходство усиливалось его изуродованным носом.

– Кто ты такая? – спросил он таким тоном, что всем стало не по себе.

Елена ощутила, как у неё в ушах что-то засвистело – причем на самой грани слышимости, смутно различимый, давящий на нервы свист... Это уже было знакомо.

– Прекратите, – проговорила она и, наклонившись вперёд, постучала себя по ушам. – На меня ваши фокусы не действуют. Прекратите.

– Кто ты? – проговорил Грот, стукнув посохом об пол. – Призрак?

Елена покачала головой.

– Я знаю кто вы. Меня ваши фокусы, но признаю – уникальные фокусы, не напугают и не впечатлят. Я хочу знать, что знаете вы.

– Ты одна из тех, кто идёт дорогами мудрости... – Грот вздохнул и повернулся к Иннокентию. – Отпусти моих учеников, я останусь тут и поговорю с этой странной особой. Где ты нашёл её?

– У меня много друзей, – туманно ответил Иннокентий. – Василий – выстави этих парней на улицу и верни им их вещи. Кроме, конечно, костей. А мы тут побеседуем с Гротом, раз на него, впервые за всё время нашего знакомства, кому-то удалось такое впечатление произвести.

...Зайдя в первую попавшуюся пустую комнату, Грот сел на кровать и стукнул несколько раз по полу своим посохом.

– Только без своих шуточек, – предупредила его Елена. – Я немного знакома с теми, кто вам эти странные зубы вставил, и предполагаю, что вы не только ими отделались. Правильно?

– Возможно.

– А для начала беседы хочу сообщить, что герр Фуджир умер. Причём очень и очень давно, ещё в 1936 году. Его тело сторело – и он уже никак не сможет причинить вам никакого вреда.

Грот содрогнулся всем телом и повернул голову. Его лицо, с защитными веками, «установилось» на Елену, словно он видел

её даже, несмотря на отсутствующие глаза.

– Он мёртв? – голос Грота стал странный – он явно с трудом удерживался от крика. – Он мёртв?

– Конечно. А то вы сомневались? Сколько вам лет было, когда вы попали к нему в его лаборатории в Германии?

– Мне тогда было всего пять лет, – проговорил Грот. – Слушай, ты очень много знаешь.

– Знаю. Ибо на долю моего учителя легла и необходимость искать следы того, что создал Фуджир.

– Ты меня не обманываешь? Этот безумный мясник, умеющий колдовать, и впрямь мёртв?

– Он мясник. Но не колдун. И да – он мёртв. Это точно.

– Хорошо, – проговорил шаман. – Ладно. Вижу, ты много знаешь, и мой рассказ не заставит тебя обвинять меня в грязной лжи... старый Грот не всегда был старым – однажды он был ребёнком. Моя семья служивала тут тем, кто служил самому Царю. Тогда был Царь, и его люди искали тут разные вещички и камни, что имели высокую цену них. Однажды они нашли что-то такое, что привлекло в их лагерь живущих в горах келе. Эти призраки пришли ночью и уничтожили всех, кто набрался смелости потревожить их гибельный сон. Моя семья тогда пропала – я же спасся только потому, что услышав флейту – бросился убежать. Бежал со всех ног. Келе не погнались за мной – у них и тут было кого убивать.

Елена посмотрела на Иннокентия, а тот нахмурился.

О том, что в этих краях работали геологи ещё времён Цар-

ской России, было широко известно – но вот то, что одна из экспедиций была уничтожена какими-то привидениями – этого мало кто знал.

– Меня подобрали другие русские, те, что везли провиант и припасы тем, кого убил келе. Семьи у меня не было, так что меня спокойно взяли в слуги. Так я и прислуживал – по мере сил. А потом мой хозяин отправился в другой край мира – воевать в той войне, что вы знаете как Первая Мировая.

– А какое... – начал, было, Иннокентий, но Елена подняла руку, призвав его помолчать.

– В той войне я потерял своего хозяина, он бросил меня и убежал, когда противник напал на нас. А меня схватили, но из-за моей внешности, убивать не стали – передали ЕМУ. Фуджиру. Это имя вечно будет у меня в памяти, пусть он и нашёл свою смерть... Если, конечно, ты говоришь правду.

– Это так. Не бойся привидений. Ты шаман – ты повелеваешь миром мёртвых. Чего тебе бояться? Что с тобой делал Фуджир?

– Кто такой Фуджир? – проговорил Иннокентий.

– Немецкий врач. Был одержим идеей создания сверхсолдат, при помощи смешивания животных и людей. После Первой Мировой Войны его одержимость переросла в сумасшествие, – вздохнула Елена, поглаживая хвост своих длинных, светлых волос. – Если я правильно понимаю, то Грот – один из его экспериментов. Фуджир любил экспериментировать над людьми... А ещё он был сумасшедшим гением.

Поверьте – он умел то, чего не могут даже врачи нашего мира. Ходили слухи, что ему удалось найти некое вещество, которое он не мудрствуя лукаво, назвал «камнем Парацельса». Это вещество позволяло ему творить вот такие кошмары над простыми людьми.

– Это верно. Смотри, что он сделал со мной. Он лишил меня возможности видеть, отнял мой слух, но взамен дал мне возможность видеть не так, как люди... Я вижу всё вокруг себя. Без глаз. Я могу напускать на людей ужас и страх. Но я не знаю, как я это делаю. Но я делаю. Долгие годы я был в Германии глупой игрушкой этого безумца. Фуджир использовал меня, и таких как, я, для своих экспериментов, наполненных болезненным безумием и ужасами...

– Но как вы от него сбежали?

– Однажды я проснулся от грохота сражения – в лаборатории ворвались люди... вы знали их СС-овцы. Они убивали тех, кто охранял Фуджир или уводили их прочь. Меня тоже хотели убить, но Фуджир, искалечив меня, кое-что дал мне взамен – я атаковал этих злых людей своим даром и сумел убежать.

– Это он говорит о разгроме силами СС СА – «штурмовиков Рема» – его ещё называют «Ночь длинных ножей». 1934 год. Нацисты тогда разгромили своих самых серьёзных конкурентов – «штурмовые отряды» из ветеранов Первой Мировой Войны, – объяснила Елена Иннокентию. – Удар тогда был направлен по всей Германии, и СА просто не смогло от-

реагировать, и было уничтожено полностью. Под шумок этого военного переворота Грот и удрал.

– Верно. Три года я таскался по всей Европе, пока не вернулся в свои края, где, используя дары Фуджира, стал шаманом. Я стал чувствовать многое, в том числе и келе... Вы совершили ошибку, когда забрали эти кости – келе за ними вернётся. Обязательно, вот почему мои помощники, глупые мальчишки, попытались украсть их. Они хотели защитить вас. Прости их, Иннокентий.

– Кто такие келе? Это те, кто убили людей у Угодий Келе?

– Да. Келе там живут давно – они убивали многих людей на протяжении веков. Неужели ты думаешь, что только при тебе случилось то, что случилось? Это демоны – они приходят из мира Мёртвых, дабы насытить свои ненасытные чрева. Вы не сможете их увидеть – они прячутся за Завесой Смерти.

– Они невидимы? – удивилась Елена.

– Да. Их нельзя увидеть. Я слышал, что есть какой-то порошок... если его бросить на келе, то можно будет увидеть его на пару мгновений. Так же есть, какой-то напиток – если принять его, то можно будет узреть келе... только вот беда – потом ты уже не сможешь жить без этого напитка. Есть ещё какой-то «Каменный Глаз» – не знаю, что это – но это помогает увидеть мертвецов и чудовищ... – Грот закрыл глаза. – Иннокентий, я тебе советую убрать отсюда своих людей. Если келе решат прийти сюда, то многие погибнут.

– Думаю, мы сможем дать ему отпор, – покачал головой Иннокентий.

– Послушай, Иннокентий... эти твари не сказки, не мифы! – шаман треснул посохом об пол. – Неужели ты не понимаешь, что столкнулся с тем, что сильнее тебя? Много твоих людей погибнет. Не пытайся спорить с тем, что сильнее тебя. Уходи.

– Без борьбы мы не уйдём, – проговорила Елена. – Расскажи мне всё о келе. Кто они? Почему нападают на людей.

– Никто не знает, как выглядит келе – это многорукий и многоногий клубок силы и злобы. Он выскальзывает из Мира Мёртвых в наш мир, чтобы сожрать что-то живое и спеть свои протяжные песни на флейте. Келе может сказать пару слов – всего пару – но после этого люди, что будут вблизи, уйдут в Мир Мертвецов. Келе хитёр и коварен – он умеет заманивать людей к себе. Неважно, сколько он убил – на место мертвецов придут живые. Келе непредсказуем – он может не тронуть людей, что ходят по горам, и даже живут там. Но может напасть не раздумывая, как было с вашими людьми.

– Почему тогда эти демоны живут только тут? Почему они не опустошили весь Север?

– А вот этого не знаю. Возможно наши боги, которым мы поклоняемся, вовсе не такой миф, как вы думаете... А может келе просто привыкли жить в этих горах...

– Ты их хоть раз видел?

– Как я их увижу, если они невидимые? – резонно спросил

шаман. – Келе они не из нашего мира. Они появляются и исчезают. И ничто в мире не может их увидеть. Это всё, что могу сказать.

– Как твой народ спасается от келе?

– Ногами. Убегаем, если слышим флейту. Да и тебе советую, – Грот встал и стукнул посохом по полу. – Иногда там, где был келе, можно найти что-то похожее на какие-то странные капли... Не знаю что это – не сталкивался. Но старые шаманы рассказывали, что там, где ходит келе, часто можно найти «сому». Это такие круглые капли какой-то жидкости, похожей на мёд. Только золотой. Одной капли этой «сомы» хватает, что бы шаман год мог танцевать и заглядывать в мир мертвецов. Вот чем приманивает людей келе – он даёт им возможность увидеть Мир Мертвецов. И ещё одно... Келе умеет накладывать на людей странные проклятья – один из моих учителей рассказывал, что как-то раз, очень давно, келе свёл с ума огромный отряд странных людей, что высадились тут для каких-то целей. У людей тех было оружие, корабли, даже пушки... Ничто их не спасло. Бойся келе...

...Павел забросил в «Джейран» мешок с продуктами – консервированный суп, ветчина, галеты и две небольших горелки, работающих на спирту или керосине.

– Готово, работать будет как птичка, – прогудел вылезший из-под «Джейрана» механик – тощий парень, в чёрном свитере и таких же чёрных штанах. – Я и Вилка эту машину разве что не языками облизали... Так что будет бегать как

моя матушка, когда соседка застучала её в постели со своим мужем.

Елена помахала руками Павлу и подошла к Иннокентию, что, вместе с завхозом и Бегемотом, стояли на крыльце. Завхоз мрачно посматривал на Елену и поглаживал свою жилетку из странного меха, который легко и спокойно двигался вверх и вниз, не топорщась.

– Ты это, товарищ старший лейтенант... уверена, что тебе туда одной то надо? – спросил Бегемот, отрывая от лица варежку, которой прикрывал нос от излишне холодного ветра. – Смотри, может, возьмёшь ещё пару ребят?

– Не надо, я хочу успеть вернуться до темноты, – покачала головой Елена. – Если всё будет нормально, то весь путь-дорога займёт у меня часов шесть – это с учётом времени что я потрачу на осмотр.

– Это хорошо, – Бегемот посмотрел по сторонам, и поморщился.

Было видно, что он тоже что-то хочет сказать, но видимо не хотел, чтобы сего видели за беседой с Еленой.

– Надеюсь, что вам что-то удастся найти... – проговорил Иннокентий, кутавшийся в шубу из песцового меха, и натянувший на лицо шапку из какого-то зверя. Его странный свитер – Елена никак не могла понять, что это за зверь, источал странный запах – почему то напоминавший Ленинградский зоопарк.

– Боюсь, что найду, – вздохнула Елена и осмотрела в гла-

за Иннокентия. – На всякий случай хочу кое-что спросить... Вам удалось дозвониться до Ильи по радио? Или по телефону?

– После того случая в тайге, ну когда я на охоте чуть не ухлопал какого-то чудака в шубе из медведя. Илья оставил мне свой номер телефона. Два дня назад я был в городе и позвонил Илье со стационарного телефона.

– Понятно. А о том, что случилось с группой – связывались по радио?

– Да. Понимаете, у нас есть особый регламент – сообщения должны идти через радиостанцию – под «роспись» – любой человек, что пользуется радио, должен записывать время разговора в специальный журнал. Так что вот. К сожалению, у Гаврилы, это наш радист, приболел его напарник – живот скрутило. Ну и увезли его в город. Я сопровождал больного и использовал оказию, чтобы позвонить Илье.

– Понятно... – Елена склонила голову и послала Иннокентию очаровательную улыбку, которая очень напоминала улыбку английской феи, желающей заменить неосторожного путника в глухую чащобу, дабы съесть. – Кое-что я поняла.

– Что?

– Пока не могу сказать. Простите. Постараюсь что-то найти на останках экспедиции. Кстати, какой прогноз погоды обещают?

– Судя по утренним прогнозам... – Бегемот прикрыл глаза, что-то прикидывая. – Светло, солнечно. Ветер будет дуть

от нас к Угодю Келе.

– Хорошо. Я загрузила «Оранг» – надеюсь, к моему приезде он уже что-то определит. Честно говоря, уже есть кое-какие намёки. Однако вы не должны удивляться. Что ваш врач этого не заметил – тут кое-что иное...

– Надеюсь, с вами ничего не случится, – поговорил Иннокентий. – Что-то мне подсказывает, что вы там не искать доказательства будете, а уже искать подтверждения своим выводам?

По улице прокатился ветер, собирая позёмку и снежинки. Мороз пощипывал неприкрытое лицо Елены, и та натянула воротник-маску, что бы спрятать лицо от мороза.

– До встречи! Не теряйте, – крикнула она и запрыгнула в «Джейрана».

– Ну что, давай-ка с ветерком, да до Угодий Келе, – проговорил Павел, запуская мотор. – Давай, «Джейран», не подведи. По тундре снежной нас промчи!

Аэросани взрвели и рванулись вперёд, повернувшись на улице, и помчавшись в тундру. Павел крепко держал руль, управляя мощной машиной с потрясающим хладнокровием.

– Вы не первый раз тут на этих санях рассекаете? – поинтересовалась Елена, всматриваясь в мелькающие за окном валуны и снег.

– «Джейраны» – обычный транспорт, если нужно куда-то недалеко отправиться. В радиусе двадцати километров – лучше собачьих упряжек. Хотя всегда возим полный – под

пробку, запас топлива. Да и в тундре мы часто делаем своего рода «заправочные станции» – площадки с топливом, чтобы на таких санях объезжать местные прииски. Сани гораздо быстрее транспортника, да и тундру так не калечат, как гусеничные машины. Так что если надо что-то срочное и небольшое передать – то аэросани лучший вариант, – ответил Павел, повысив голос. – А что у тебя в чехле этом, старший лейтенант?

– Это моё личное оружие, – усмехнулась Елена, прижимая к себе «Вьюгу» – знающие люди мне советовали без оружия тут никуда не ходить.

– Эт правда те посоветовали, – проворчал Павел, объезжая громадный валун. – В этих местах живности много. И не только животные, чтоб ты знала – пару раз тут сталкивались и с бежавшими с зон зеками. А это звери пострашнее бешеных медведей будут – их или валить сразу или самому погибнуть. Бывали случаи, когда таких типов ловили с мясом в рюкзаке. И не всегда мясом животных.

– Понимаю, – Елена как-то раз, столкнулась в тайге с группой беглых зеков – и хотя вышла победительницей – впечатлений надолго хватило. – Хотя я думала, что тут в радиусе ста километров – ни одной зоны.

– Это да. Но у нас многие зеки прибывают сюда как «вольнообязанные» – по «англицкому» – «волонтёры» – Иннокентий их к делу пристраивает. Да только не все с соблазнами справляются, особенно когда золото находят... – Павел

ткнул рукой вперёд. – Вон Угодья Келе – любуйся.

Впереди медленно вырастали неказистые горы. По правде говоря, называть это «горами» было огромной лестью – по сути это были каменистые холмы, каких много по всему миру. Разве что эти были засыпаны снегом и украшены какими-то высокими, причудливого вида, вершинами. В общем обычные полу рассыпающиеся от старости горы. Жуткого в них не было ровным счётом ничего...

– Вот тут и была у нас экспедиция ребят... – проворчал Павел.

Затем он замолчал, напряжённо всматриваясь перед собой.

Впереди стали появляться скелеты оленей и других животных – они валялись там и сям, с кучками костей, что явно были собраны руками людей и сложены в причудливые, но, тем не менее, жуткие, надгробья. Елена знала, что это работа хэстов – они, таким образом, пытались защититься от келе. Преобладали тут в основном кости оленей, что кочевали по этой территории туда-сюда, но пару раз Елена успела заметить и кости крупных хищных животных – белых медведей.

Солнце медленно взобралось на самый верх зенита – небо абсолютно очистилось от туч и даже намёков на облака – видимость стала просто чудесной. Настолько, что Павел успел заметить и объехать стадо оленей, что бежали от Угодий Келе.

– Почему вы зовёте главного помощника Иннокентия –

Бегемотом? – Елена с интересом посмотрела на Павла, своими странными, удивительными глазами, похожими на ку-сочки льда.

– Из-за бегемота. Бывали в Ленинграде? Видели там в его зоопарке бегемота, что пережил Блокаду?

– Красавицу? Конечно, видела её. И видела, и гладила, и чесала и даже дынями её кормила.

– Бегемот то у нас перед самой Войной, попал в Ленинград – заведующим каким-то хозяйством средней руки. Ну и после начала Блокады и наступления голода, выдвинул рац-предложение – пристрелить Красавицу и наварить из неё супу для детей. Вот... кстати, лоббировал это дело – аж через верхи. А потом, когда ему дали от ворот поворот – попытался самостоятельно перевести бегемота в суп. Пристрелить – мол, когда бегемот помрёт, то уже можно будет без труда от-дать его детям.

– Весёлый парень.

– Ага. Ну, вот и поймали его за этим делом, с охотничьим ружьё – между прочим он туда утиную дробь забил, вот при-дурок... К счастью ничего сделать он не успел – ему навеша-ли по шее и выставили из Ленинграда – между прочим, сва-лил из города один, без детишек, ради которых сиё преступ-ление хотел совершить. Столько уж лет прошло, а ему всё этот случай припоминают. А он сам не может понять, поче-му никто не понимает, что он для детей добра хотел... Хотя сам мужик справный. Веришь, нет – но у него в поселении

слава честного и неподкупного парня.

Елена вздохнула. У Биоинститута в Ленинграде был один из филиалов. Во время эвакуации, перевозившие некоторые образцы водители грузовика, в нарушение всех приказов (сопровождавший груз представитель Биоинститута получил ранение при авиационном налёте), полезли осматривать груз.

Обнаружив, что он состоит из заспиртованных кусков мяса, водители ничего умнее не придумали, чем увезти его в один из сиротских приютов Ленинграда.

Мясо-же было не просто мясом, а образцами, содержащими яйца одного редчайшего индийского червя, прозванного в народе «волос смерти» – причём этот подвид «волос смерти» показывал невероятные успехи в выживании – его яйца спокойно переживали даже пребывание в спирте (что, собственно, и заинтересовало Биоинститут – подобная выживаемость в смертельном яде для всего живого, заслуживала тщательного изучения).

Смертность от заражения яйцами такого паразита была абсолютной – собственно потому Биоинститут и эвакуировал столь опасное биооружие из Ленинграда – не хватало, чтобы его попытались применить против немцев – с совершенно непредсказуемыми результатами, в виде заражения всего Ленинграда и всей области.

Узнав о пропаже биообразцов Илья немедленно бросил на его поиски спецотряд Биоинститута – в который вошла и

Елена.

Это были те далёкие времена, когда Елену посещали мысли о том, что её командир действует неправильно – имея ужасное оружие, он отказывается применять его против врага. В то время маленькая девочка считала это неправильным – ведь если есть оружие, способное повергнуть врага, то почему его не применяют?

К счастью для сиротского приюта, проданное мясо (чистая вырезка – причём говядина), попало таки не в суп к беспризорникам и сиротам... Мясо, за хорошую цену, продал завхоз самого приюта – продал банде своих «корешей» – грабителей и воров, что активно «ловили рыбку» в мутных водах блокадного Ленинграда.

Банду, точнее то, что от неё осталось, удалось найти в одном из притонов – как и его обитателей – всего погибло около сорока человек. Бандиты успели наварить мяса и причаститься спиртом, из тех же банок. На банках, кстати, русским по белому было написано, что содержащиеся в них биообразцы заражены агрессивным плотоядным паразитом. Странно было то, что на эту надпись не обратили внимания ни водители, ни завхоз, ни воры, которым он продал биообразцы.

Однако червям было наплевать на общий уровень грамотности своих новых хозяев – они не только сожрали бандитов и всех, кто наивно считал, что простой варкой и кипячением, можно убить их яйца, но и активно заразили половину дома

– к счастью специалисты Биоинститута успели вмешаться и «санировать» вспышку заражения.

Посмотреть там было на что – именно тогда Елена поняла, что, как любил говорить некий старый друг Ильи: «политики мира всегда изволят договориться меж собой, дабы жить миром и дружбой. А вот болезни, чудовища и тайные загадки прошлого нашего – они не изменяться – они будут грозить нам смертью даже спустя века».

Неважно, какого цвета у тебя флаг и какой социальный строй ты исповедуешь – есть силы, для которых ты навечно останешься простой добычей. Пищей.

Убив твоих врагов – эти силы тут же уничтожат тебя и всё, что ты защищаешь.

Вот с таким противником и приходится бороться Биоинституту...

– Вон он, – Павел кивнул головой на несколько больших складных домиков, что приютились у самых гор.

Всего там было три дома и одна радиовышка. Так-же в стороне стоял домик на санях. какие обычно таскали тракторами.

– Смотрите, они что-то взорвали, – Елена указала на громадную пробоину в горах, недалеко от поселения...

В толще горы была выбита громадная, размером с тоннель метро, дыра. Причём в дыру вела ровная дорога – те, кто её пробил, не поленились оттолкать камни и осколки от входа в тоннель. По получившейся тропе мог без труда проехать

даже тяжёлый танк «Клим Ворошилов».

Павел стрельнул глазами в сторону этой пробоины и пожал плечами.

– Что такого? Ямы били или взрывали что-то. Обычное дело.

Елена открыла, было, рот, что бы сказать, что среди вещей, полученных этой экспедицией, не было ни взрывчатки, ни детонаторов, но тут все их планы поменялись самым кардинальным и невероятным образом.

Аэросани подлетели к одному из домиков – обычному, сборному, для геологов и поисковиков, и Павел уже собрался было тормозить, как из-за домика вылетела туша оленя.

При этом она просто висела в воздухе, раскидавши корыта, и безжизненно глядя в небо пустыми глазами... Туша висела метрах в двух над землёй, словно подвешенная на тончайших нитках.

– Твою-то мать! – Павел выпучил глаза.

Тут же раздался страшной силы удар, треск и грохот – машина врезалась в тушу оленя – и перевернулась на бок...

«О Биоинституте можно сказать только одно – если ты знаешь о нём сейчас, то завтра уже не будешь знать о нём ничего.

Это секретный НИИ, который уходит своими корнями в

самое начало существования СССР – по слухам его создали по приказу самого Ленина и чуть ли не в первые дни своего существования Биоинститут остановил вековечного врага Ленинграда – холеру. (Холера была настоящим бичом Ленинграда, начиная с Наполеоновских Войн. Примечание автора).

Таинственность и секретность Биоинститута немислимы даже по меркам нашего времени – сомневаюсь, что кто-то из правителей СССР в полной мере знает, над чем именно работает Биоинститут, и какие тайны прошлого, хранятся в его лабораториях.

И что именно он выпускает в мир из своих мрачных кабинетов и родильных палат, которые укутаны завесой секретности как болото – туманом. Ходят странные истории о существах, которые хоть и ходят на двух ногах и разговаривают – но при этом не являются людьми

Доподлинно известно лишь то, что Биоинститут «противостоит врагам, которым безразлично какого цвета наши флаги, кожа или, во что мы верим».

Противник Биоинститута – это болезни, паразиты и прочие смертельные угрозы, которыми меня любила пугать моя верующая прабабка – она любила рассказывать мне о неких Ангелах Смерти, и о Пятой Чаше одного – наполненной болезнями.

Биоинститут – порождение СССР – он впитал в себя ту смелость, которой недостаёт многим из нас – смелость бро-

свить вызов Ангелам Смерти. Без борьбы он не сдастся – в этом я уверен. Мы мало представляем тех, кто сражается за нашими спинами с чудовищными морами, эпидемиями и пандемиями...

Биоинститут невидим. Но он есть – его действие мы видим по всему миру...»

Отрывок письма неизвестного автора, найденного в архивах Ленинграда в 1987 году.

Елена закашлялась и, с трудом выпрямившись, потёрла отбитый бок. К счастью «Айзек» сумел поглотить значительную часть удара – и обошлось не только без переломов, но даже сильных растяжений.

– Твою-то... – Павел прикусил язык и поглядел по сторонам. – Всё, ядрёна клизма сдохлыми ежами – приплыли. Сушите вёсла.

– Успеешь, – проворчала Елена и помотала головой. – Что тут за чертовщина у вас творится?

– А я еб... знаю? – логично проворчал Павел, потирая бок и скаля зубы. – Летучий олень, мать его за ногу! Летучий!

– Ну я бы сказала что он не летел, а парил... Но да – выглядело впечатляюще. Давай попробуем выйти...

Ветровое стекло было потрескавшееся и залито кровью – причём кровь не дымилась на холоде, и её было немного – олень явно врезался в машину уже, будучи не слегка мёртвым.

Но что могло заставить его летать?!

Помотав головой, Елена попробовала открыть дверь и – вздрогнула.

На запястье «Айзека» появилась бледно-жёлтая полоса – вшитый в рукав лакмусовый анализатор указывал, что в воздухе находятся какие-то опасные для человека вещества – в очень маленьком количестве – «жёлтый уровень опасности» – то есть дышать воздухом можно.

Цветовые сигналы лакмусовых анализаторов обычно делились на три типа.

Зелёный – наличие в воздухе какого-то безопасного для человека вещества – например, сероводорода или повышенное содержание углекислого газа – впрочем, обычный бытовой газ из плиты тоже улавливался анализатором. Зелёный цвет означал, что зону заражения надо покинуть, и никакого вреда здоровью причинено не будет.

Жёлтый цвет сигнализировал о веществах, что уже могли причинить вред здоровью при длительном вдыхании и чей эффект мог остаться в течение долгого времени – летучие соединения некоторых отравляющих веществ, сероводород, пыльца наркотических растений, и метан. Желтый цвет обычно предупреждал, что нахождение в зоне отравления может иметь долгосрочные последствия, в виде тяжёлого отравления или интоксикации.

Красный цвет сигнализировал о смертельной опасности – радиационное заражение, отравляющие вещества или ещё

что-то аналогичное и опаснейшее. Красный обычно намекал на то, что нужно немедленно удирать из зоны поражения и, желательно, принять антидот или немедленно сдаться врачам – под капельницы.

В общем, непонятно что было в воздухе. Но это что-то было.

Елена спешно покрутила колёсико анализатора, перезаряжая новую лакмусовую бумажку.

– Старлей, что там у тебя? – проворчал Павел, перерезая ремень безопасности – новинку на таких аэросанях.

– Тихо вы! – проговорила Елена. – Не выходить на улицу!

Несколько долгих секунд она всматривалась в анализатор, но тот и не думал менять свой цвет.

Что бы тут не была за отравка – она исчезла.

Отворив дверь, Елена осторожно выглянула на улицу.

Несчастный олень, исковерканный, с переломанными рогами и ногами, валялся метрах в пяти от машины.

Сами аэросани выглядели мрачно – ветровое стекло треснуло, а из низа кабины – как раз там, где находились рычаги управления, торчал один из сломанных рогов. Однако, что было странно – общая площадь повреждений не соответствовала туше оленя – Елена быстро подсчитала что, даже врезавшись со всего маху в оленя, аэросани должны были просто разорвать или изуродовать его тело, но никак не смять себе весь корпус! Такое могло быть только при ударе о стену.

Елена осторожно прошла по снегу к оленю и, наклонившись, потрогала его.

Тушка сильно остыла, но ещё была чуть-чуть тёплой. Со всем чуть-чуть. Всё тело оленя было изуродовано мощным ударом аэросаней – однако никаких крыльев у оленя не было. Не было и прикрученных к нему верёвок – единственного объяснения парения этого животного в воздухе, перед аварией.

Привиделось им, что ли это?

– Ну всё, ядрёна копать! – Павел обошёл аэросани. – Накрылись наши салазки дохлыми дикобразами. Официально заявляю, товарищ старший лейтенант, что эти, с позволения сказать, сани уже не поедут. А без ремонта в РММ – точно.

– Тише... – Елена всмотрелась в горные вершины над тушкой оленя. – Вы что, не слышите?

Павел закрыл рот и мгновенно прислушался.

Хруп. Хруп...

Затем из-за одного домика вышел тот, кто издавал эти звуки – здоровенный белый медведь.

Причём шёл он на задних лапах, сильно покачивался и молча щерил пасть в лютой, наводящей жуть гримасе злобы и ярости. Всё поведение этого животного было неправильным – впечатление было такое, словно медведь украл и выпил флягу спирта, либо...

Либо заболел бешенством в последней форме, когда животное уже теряет контроль над своей головой и телом и дви-

гается мрачно, непредсказуемо и дико.

Словно подтверждая это подозрение, медведь остановился и зарычал, глядя по сторонам очень странно – вертясь всем корпусом. Причём всё это он делал стоя на задних лапах (!).

Затем полярный хищник опустился таки на четыре лапы и побрёл к Павлу и Елене, двигаясь, по прежнему, весьма странно – шатаясь из стороны в сторону, вращая выпученными глазами, что были налиты кровью – причём в прямом смысле – судя по всему у него полопались в глазах капилляры.

Павел выдернул из кобуры револьвер, хотя слабо представлял, чем «Наган» может испугать этого хищника, который и так ведёт себя странно – словно бешенный...

– Назад! – Елена вытянула из чехла странное оружие, похожее на трёхствольный дробовик, с коротко отпиленными стволами. – Назад я сказала!

Павел отшатнулся – в голосе девушки прорезались грозные нотки.

Елена вскинула оружие, прижав к плечу приклад...

Медведь повернул к ним голову и, ощерившись – бросился вперёд, со скоростью, которую может развить такой хищник – стремительная, белёсая молния...

Оружие Елены издало странный – жужжащий звук – из ствола что-то вылетело – оставляя за собой дымный след, словно от ракеты – и в следующий миг голова белого медве-

дя лопнула, превратившись в фонтан крови, шерсти и плоти. Безголовая туша пронеслась несколько метров, словно не понимая, что она уже мертва – затем медведь врезался в тушу оленя и угомонился.

– Грёбанные рога! – Павел выпучил глаза в сторону Елены. – Это что было?!

– Это? Это военизированный комплекс для выживания космонавтов – «Вьюга». Создана для космонавтов, дабы тем было чем отбиваться от животных диких, если они попадут в дикие края, при возвращении из космоса, – хладнокровно ответила Елена и повела стволом странного оружия по сторонам. – Странно... что, что тут произошло? Летающие олени. Безумные медведи... Дальше что?

– Дашь посмотреть своё «пуляло»? – поинтересовался Павел, осматриваясь по сторонам.

– Может быть, доверю поглазеть. Всё равно он стреляет только в моих руках... Тише ты... Нужно осмотреть всё тут. Я не понимаю, – Елена вскинула к небу голову и уставилась в небо своими странными глазами. – Не понимаю. Тут кто-то есть... Кто-то прячется. Кто-то скрывается... Не вижу никого. А ты?

– Да чтоб я сдох, если тут кого вижу... Разве что тут этот демон – келе... – Павел почувствовал, как его потряхивает.

Одно дело медведь или иной зверь – пусть даже летающий. Но вот то, что тут может жить какой-то древний демон, из мифов народов Крайнего Севера – это уже иное.

– Где твоя атеистическая подготовка? – проговорила Елена, осторожно шагая к первому домику. – Тут нет демонов. Демоны – это пережиток прошлого.

– Ага, согласен... – Павел накинул на голову капюшон.

Елена присела над тушей медведя и, вытащив из сумки несколько шприцов, набрала в них образцы крови. То же самое проделала и с оленем – благо, что кровь в нём застыть до конца не успела. Судя по лакмусовому анализатору, в воздухе явно было какое-то отравляющее вещество – может быть медведь и вёл себя так странно, что надышался им?

А труп оленя – он то с чего залетал?

...В первом домике был, по сути, барак со столовой – несколько двухэтажных кроватей, застланных одеялами, куча грязных сапог подвешенных в углу над старой печкой.

Вторая печка, такая же, только более новая, стояла в середине этого импровизированного барака.

– Эстеты... Две печки им подавай, – проворчал Павел. – Аж для сушки обуви приспособили такую штуку. А потом жалуются, что у них ни дров, ни угля не хватает...

Елена прошла по барaku, осторожно осматривая кровати.

Все до единой кровати были тщательно застелены, и прикрыты простынями.

Ничего особо необычного в них и под подушками – не было. Впрочем Елена сильно удивилась, найди она чтонибудь в этом месте, где жило десять человек, и где что-то утаить от

глаз соседей по кроватям было трудно.

Второй дом был обычной «начальниковой берлогой» – тут заседал начальник, и содержались все бумажные архивы. В этом месте активно поработали люди Иннокентия – они просто покидали все бумаги в машины и увезли. Дабы Иннокентий мог разобраться в том, что в них написано.

Третья избушка была самой удивительной – в ней была рабочая радиостанция – и какая! Новейшая радиостанция «Енисей», (название и технические характеристики – выдумка автора), что по своей мощности не уступала даже тем станциям, что были в посёлке...

– Гаврила бы от зависти помер, увидь он такое, – со знанием дела проговорил Павел, осматривая станцию. – На кой она им была нужна?

Елена легла на пол и, вскинув «Вьюгу» осветила прикреплённым к ней подствольным фонарём. И тут же увидела нечто совершенно необычное...

Под радиостанцией лежала длинная, оранжевая шашка. Причём с обгоревшим фитилём.

Судя по всему, кто-то положил под радиостанцию шашку взрывчатого вещества – скорее всего из богатых запасов самого поселения, подпалил шнур и ушёл – но детонатор, несмотря на то, что до него добрался огонёк бикфордова шнура – не детонировал и не поднял в небо радиорубку.

– Так... Интересно... – Елена осторожно выкатила взрывчатку, нежными, осторожными движениями, стараясь не

трясти её.

Шашка оказалась необычной – она имела какой-то серый цвет, с синими полосками. На ней сохранилась обёртка с клеймом производителя. Правда всё было на английском.

Но не беда – Елена на английском умела читать не хуже, чем на русском.

– «Камнедробитель». «Произведено в США в 1900 году. Место: Новый Квакер, горное предприятие «Сыны Мидвеста». Гарантия качества в течение ста лет».

– А, так это та взрывчатка, что нам в прошлом году, по ошибке, спихнули, – совершенно спокойно заметил Павел. – Привезли допотопную взрывчатку из США – видимо по ленд-лизу «толкали», вот и хрень эту притащили – просроченную. Бегемот и Гаврила его взорвали – всё по правилам и документам.

– Этой взрывчатке почти шестьдесят лет. И она что, взорвалась?

– И ещё как! Не знаю, что туда эти американцы напихали, но взрыв был ого-го! Потому, кстати, и забраковали. Нам-то нужна взрывчатка чтобы шурфы бить. А не разносить породу на куски.

Елена плохо себе представляла, чем плоха воронка от шурфа – вроде бы одинаково «вскрывает» поверхность. Однако переспрашивать не стала, а вместо этого вытащила нож и осторожно вырезала с взрывчатки кусок ткани, в который та была замотана – вместе с названием.

– Эту штуку сюда могли подкинуть, только когда вы посещали это место, для того, чтобы забрать останки погибших, – проговорила она. – Кто мог сделать такое? Есть мысли?

– Да кому нужно тут всё подрывать? Оно же не работает. Достаточно отрубить питание и тут всё промёрзнет. А «ледяная морось» тут мигом всё проморозит, так что не запустить будет... – пожал плечами Павел.

Елена прикусила губу. В отличие от Павла она хорошо разбиралась в механизмах и отлично видела, что станция – в полном порядке. Более того не просто в порядке, а ещё и законсервирована – аккумуляторы были отсоединены, а все неустойчивые к сырости и морозу детали – тщательно заизолированы. Те, кто работал здесь, явно не спешили ей пользоваться.

Хотя распаковали и подготовили к работе.

Судя по всему, обитатели этой таинственной заимки надеялись не прибегать к помощи радиостанции и берегли её на «чёрный день»?

На столе стояла кружка, с какой-то бурдой, что замёрзла так, что было невозможно определить, что это такое – какое-то красное месиво, из которого торчали кусочки разбухшего и замёрзшего хлеба и чего-то похожего на мелко нарезанный зелёный лук.

Елена присмотрелась к кружке и усмехнулась.

– Что? – Павел насторожился, заметив её улыбку.

– Мне кажется, я поняла, что тут происходит.

– По содержимому этой кружки? Что тут?

– Скорее всего, это «кровявник» – обычные сухарики, которые засыпают зелёным луком и залив томатным соком, едят при помощи ложки. (В наше время сухари заменяют обычными картофельными чипсами. Примечание автора)

– И?

– Что значит «и»? – усмехнулась Елена. – Это очень хорошая вещь – она поддерживает на ногах, даже на голодный желудок. И с витаминами. Вам-то проще, геологам – вы получаете еду и витамины из лагерей снабжения. Но вот тем, кто лишён такой возможности – тем надо выкручиваться.

Выйдя из радиорубки, Елена осмотрелась по сторонам, прикидывая, куда бы она пошла, прятать что-то, дабы никто не увидел, и чтобы было бегать недалеко. Сейчас, когда стало ясно, кто такие эти «исследователи теории полой Земли» искать их тайники было просто

Тем временем Павел подошёл к последнему из неосмотренных домиков и присвистнул.

На дверях висел громадный амбарный замок. Да и сам домик, неожиданно, оказался из тройного слоя досок – поверхности были набиты, в несколько слоёв, ещё доски.

– Отойдите, – проговорила Елена, и присмотрелась к замку, а затем к дверям. – Могу поспорить, что тут хранится взрывчатка.

– Взрывчатка? Они что, совсем убогие? Хранить взрывчатку вблизи жилых помещений? – Павел оглянулся. – Да

один взрыв – и тут всё снесёт к чёрту, вместе с домами и вышкой!

– Полагаю, что покойники относились к тому типу людей, что не имели обыкновения прислушиваться к мнению всяких «оленей», – Елена вытащила «Вьюгу» и потянула на себя какой-то рычаг. – Осторожно – отойдите от двери.

Затем она направила оружие на дверь и нажала на спусковой крючок, прежде чем Павел успел сказать, что пальба по дверям здания, где хранится взрывчатка, из огнестрельного оружия – не самая умная вещь...

ШАРАХ!!!

Из ствола, «Вьюги» вырвался столб какого-то дыма, что врезался в дверь. Дверь затрещала и треснула в нескольких местах.

Елена закинула «Вьюгу» за спину – отработанным, механическим движением, и пнула в дверь

Та скрипнула и с грохотом вывалилась из петель. За ней обвалилась часть стены.

– Это что за боеприпас такой?!

– Медная пудра. (Речь идёт о специальных патронах, используемых даже в наше время спецназом для вышибания дверей. В отличие от сильно распространённого мнения, боеприпасы для разрушения дверей и тонких стен содержат в себе металлическую (чаще всего медную) пудру – такая «начинка» позволяет вышибать двери не боясь получить рикошетом своей же пули в лоб или грудь. Примечание автора).

Елена заглянула в дверной проём.

Как она и предполагала, взрывчатка не была навалена на полу беспорядочной грудой, где её мог бы увидеть любой нагрянувший из поселения гость. Она была спрятана в тайнике, что был сделан в полу – причём, что странно, тайник был открыт.

Павел посмотрел вниз и поёжился – в тайнике лежало пять ящичков «Камнелома», а на них, вальяжным «принцем гарема» «развалился» ящик динамита.

– Твою-то мать! Они что, нитроглицериновую взрывчатку с промышленной держат?! Блин!!! – Павел побледнел и ткнул пальцем в один из ящичков. – Вон там ящик детонаторов! Они что, сдурели?! В одной хате взрывчатку и детонаторы держать?! (Совместная перевозка и хранение взрывчатки и детонаторов строго запрещены – это всё равно, что перевозить и хранить гранаты с ввинченными взрывателями. Примечание автора).

– Ещё раз повторяюсь – те, кто тут жил и работал, не очень-то хорошо понимали в этой штуке. Они шурфы привыкли ломиками бить, а не взрывчаткой «долбить», – Елена присела на корточки и всмотрелась в динамит.

Тот выглядел совершенно нормальным и «свежим» – 1958 года выпуска, упакованным по всем правилам, со штампом ОТК. Хотя на риск взрыва при падении или ударе это ну никак не влияло. Динамит обычно взрывается, когда на нём начинает «течь» нитроглицерин – а это чаще всего про-

исходит в жарком климате.

Однако Елена знала, что сам динамит об этом не знает и может детонировать даже в Антарктиде – махать им и швырять, куда ни попадя – категорически нельзя. И уж конечно держать на ящиках куда как более мощной взрывчатки применяемой для горных работ. Более того, не далее как два года назад она расследовала дело о несчастном случае – во время работ на горном карьере, некий мужчина, между прочим, мастер-взрывник, украл несколько шашек динамита. И ничего умнее придумать не смог чем закопать их у себя на дачном участке. И попрыгать над закопанной взрывчатке, трамбуя землю... в итоге от него нашли одни сандалии.

Выудив одну из шашек «Камнелома», Елена осторожно разрежала его.

Воздух сразу пропитался удушливой вонью, отдалённо напоминающей рыбную муку.

– Фу, гадость какая! Эта дрянь что, протухла?

– Нет, думаю минеральное составляющее этой взрывчатки, было далеко не таким простым, как вы привыкли, – вздохнула Елена и положила шашку на пол. – Итак, что же мы имеем? Погибшие были явно не такими простыми... Они имели радиовышку, запасы взрывчатки, и работали, причём активно, с этой взрывчаткой...

– Хм... – Павел покачал головой. – Ты на что намекаешь, товарищ старлей?

– А вот сам додумайся... Не бином же Ньютона, в конце

концов... – проворчала Елена. – Посмотри тут по вещам – есть ли что-то не из вашего поселения? Нужно отчёт для вашего завхоза составить...

– Для Крота что-ль? Да сейчас – пусть сам сюда катит и проверяет, – Павел потёр затылок. – Блин... Во что мы вляпались?

– Постараюсь помочь...

Выйдя из склада. Елена повертела головой по сторонам и прошла вокруг домиков, всматриваясь в складки местности.

Затем, уверенно, направилась к небольшому оврагу. Из оврага ей в лицо дунуло ледяным ветром, и девушка спрятала лицо в воротник «Айзека».

– Смотри!

Она ткнула в большой валун, что ничем не отличался от остальных. Павел подскочил к ней и помог перевернуть.

А под валуном обнаружился необычный тайник – врытая в землю бочка из-под бензина, в которой лежало два мешка.

Первый мешок оказался легким – Елена вытащила его сама. А вот второй пришлось вытаскивать уже с Павлом. Несмотря на маленькие размеры – с туго набитую авоську, мешок много весил, почти два десятка килограмм.

Елена развязала мешок – из него выкатилось два здоровенных камня, очень похожих на слипшиеся в одно целое береговые гальки – круглые, гладкие...

Оба странных камня были густого, золотого цвета.

– Потрясающе... – Елена заглянула в мешок – там лежало ещё несколько таких-же странных самородка. – Вот что они рыли... Тайком от вас, от Иннокентия, золото рыли...

Павел поднял один самородок и уставился на него каким-то «стылым» взглядом. На его лице появилась какая-то странная усмешка. Он не отрывал взгляда от самородков, и улыбался всё шире и всё более жутко.

– Эй! Что случилось? – проговорила Елена, с удивлением присматриваясь к парню.

Павел поднял голову и посмотрел на неё. В его глазах сверкнуло что-то странное – золотистое – словно отражение от одного из самородков. Бросив золото в мешки, он поднялся на ноги и, взяв мешок, поволок его к выходу из оврага.

За всё время он не сказал ни единого слова – только улыбался и улыбался – причём ужасно и мрачно...

Елена встала и крикнула:

– Эй! Ты куда? Что случилось?!

Павел вытащил револьвер и, не сводя с неё своего «стылого» взгляда, взвёл курок и выстрелил...

«ОКВ «Вьюга»... Знаешь, я слышал об этом оружии немало баек – мол, советский Биоинститут вооружал своих оперативников каким-то странным оружием. Причём все, кто мне рассказывал об этих ОКВ – утверждали, что сиё ору-

жие злые русские явно отобрали у попавших в СССР добрых марсианских инопланетян. Мол, это оружие не может существовать, поскольку весь военно-промышленный комплекс США не в силах повторить даже создание его корпуса.

На такие подколки я обычно отвечал, что весь военно-промышленный комплекс США, за всю историю своего существования, так и не сумел создать автомат Калашникова, так что удивляться нечему.

За всю историю существования этого оружия наши бравые ребята из ЦРУ ни разу не сумели получить ни одного ОКВ. Подумать только – в СССР с этим оружием пятьдесят лет бегали (ОКВ были созданы в 1954 году по спецзаказу Биоинститута, но в США из-за грамотной дезинформации, считали, что они были созданы до Второй Мировой Войны. Примечание автора), а мы знали о нём, только из слухов легенд, да тусклых описаний очевидцев. Даже после Развала СССР никто не смог добыть для нас ни одного ОКВ...

Самое смешное то, что пока мы искали сведенья об этом оружии по всей Европе и бывшим республикам СССР, совершенно целый и действующий ОКВ лежал у нас в США, всего в нескольких километрах от Пентагона...

Там история мутная – помнишь знаменитого чудака-миллионера Роджера Дарка, прозванного нами Геодонист? Этот чокнутый тип, наживший состояние на поставках лекарств и провизии в армию, пропал в 1985 году. Пошёл в Тихий Океан на своей супер яхте, и пропал без следа – от корабля даже

останков не нашли.

Так вот, оказывается, из всего экипажа уцелел один странный тип, который припёрся к семье погибшего, принёс ОКВ и описание того, как погиб этот миллионер. Самое дурацкое что наследник, которому он то рассказал, и кому оставил ОКВ просто забыл об этом визите, поскольку как раз получил состояние своего отца и на радостях напился до того что называют «белой горячкой» – закинул оружие и документы в один из своих бесчисленных сейфов и забыл о нём. Ну это понятно – если ведро кукурузного самогона да под полкило кокаина, «уговорить», то и имя своё забудешь...

В общем, валялся этот ОКВ у него в сейфе аж с 1985 года. Вместе с боеприпасами.

А на прошлой неделе уже внук Геодониста (молодой придурок, честно скажу) видимо так в долгах запутался, что продал это оружие нам – прямо мне лично, поскольку он меня помнил – я в их университете лекции по вооружению читал.

И вот так ОКВ и попал ко мне на стол...

Что могу сказать об этом оружии?

Внешне оно выглядит как трехствольный дробовик со спиленными стволами. В общем, что-то вроде гангстерской «танкетки» из времён «Сухого закона». Стволы выглядят страшно – судя по их диаметру, русские из них могли прямо патронами для противотанкового ружья палить...

Несмотря на неказистый вид оружие очень «ухватистое» – удобно ложится в ладонь – причём удобно и для правой, и для левой.

и для левшей. Очень удобное – легко спрятать под одеждой, и на редкость просто таскать с собой. Перезарядка происходит довольно странно – «переламыванием» ствола – в итоге можно сделать три выстрела, и только затем перезаряжать. Это несколько неудобно.

Однако только на первый взгляд – потом я тебе опишу, для чего русские остановились на этом методе перезарядки.

Само оружие сделано из какого-то металла – наши анализаторы не сумели ничего сказать по этому поводу, предположив, что это какой-то титановый сплав – оружие очень лёгкое – весит меньше килограмма! Но при этом зверски лёгкое и прочное. Корпус, судя по всему, отлит из этого сплава целиком – на нём нет ни одного шва или следа сварки.

Самое странное, что оружие не просвечивается на рентгене. От слова «совсем» – при попытке сфотографировать его – на «выходе» мы получаем совершенно черное изображение, словно это оружие сделано из чистого свинца.

В общем ОКВ – весьма странное оружие – лёгкое, и очень удобное – оно создавалось для самозащиты космонавтов и учитывало тот факт, что после приземления космонавт мог быть в ослабленном после пребывания в невесомости, состоянии.

К ОКВ шел подсумок с боеприпасами – самый обычный, если не считать того что он сшит из оленьей кожи (северный олень – они и в России и в США водятся – я два года жил на Аляске и в Канаде и их кожу с кожей другого зверя нипочём

не перепутаю). В подсумке были боеприпасы – по несколько видов, причём каждого по десять штук.

Сами боеприпасы очень сильно напоминали безгильзовые патроны, которые немцы из «Хеклера и Кох» пытались протолкнуть на мировой рынок вооружений, для своей штурмовой винтовки HKG11 (кстати, скорее всего именно ОКВ и натолкнули их на создание этой винтовки – очень уж явно видно сходство в способе перезарядки и боеприпасах – скорее всего в «Хеклер и Кох» тоже что-то знали о ОКВ и позаимствовали его идеи). Основное отличие – размер.

Заряды для советского ОКВ – очень большие. Там калибр... ну знаешь – одна только английская «уточница» с лёгкостью переплюнет ОКВ. Честно говоря, даже чисто технически не могу представить, на кого нужны были ТАКИЕ боеприпасы – против кого их использовали?

Мы сумели разобрать один боеприпас – там не было пороха. Совсем. Вместо него там было какое-то взрывное вещество – ни один из моих спецов даже чисто технически не сумел предположить, что это за взрывчатка – так, что мы отправили образцы в Пентагон, пусть в его лабораториях проанализируют. (Образцы, о которых идёт речь, погибли во время «локального пожара», что вспыхнул в лаборатории Пентагона в первую же ночь, когда их привезли. Примечание автора).

Оружие что использует вместо пороха взрывчатку! Насколько я помню, в США такие виды вооружения разработа-

тывались только во время Гражданской Войны, да и, то, так и остались на грани чертежей и набросков.

Однако это было не всё – мы испробовали это оружие в нашем тире. Представь – у него практически не было отдачи. Я не могу этого объяснить чисто технически – мой военный опыт просто отказывается понимать, каким образом можно создать оружие, у которого при таком калибре и мощности боеприпаса фактически отсутствует отдача. Даже у израильских «Пустынных Орлов» отдача сильнее.

Не знаю...

Кстати, с самой стрельбой возникли сложности. ОКВ была снабжена какой-то хитрой системой защиты, которая не давала возможности стрелять. Мои ребята долго ковырялись в оружии пока не нашли причину – в рукоять было встроено какое-то хитрое устройство, что позволяло стрелять только человеку, носил какой-то дополнительный девайс – кольцо, или что-то такое. Кстати – очень умно. Если кто украдёт оружие, то использовать не сможет.

К счастью нам улыбнулась удача, и мы сумели привести ОКВ в рабочее действие и пострелять.

Мда... Никогда не пойму тех, кто родился и вырос в СССР...».

Автор записки – полковник армии США Франк Маршалл.

Палец Павла только обхватывал спусковой крючок оружия, как Елена вогнала себя в «боевой шок» – её кожа по-

бледнела, зрачок расширился чуть и не всю радужку, по пальцам пробежала волна из мириадом острых искр, а во рту пересохло...

Палец Павла уже надавил на спусковой крючок – курок, повинуясь этому движению, ударил бойком по капсулю патрона, воспламеняя порох – это длилось всего доли секунды – но Елены уже не было в прицеле револьвера – её тело, подхлётнутое «адреналиновым шоком», двигалось с немислимой, даже для предельно тренированного человека – скоростью.

Из ствола револьвера вырвался столб пороховых газов, и, вылетела пуля.

Елена уже ушла с траектории полёта пули, отслеживая её взглядом – пуля пролетела в паре сантиметров от капюшона «Айзека».

Павел стремительно повернул револьвер к Елене, взводя курок, и выстрелил снова – девушка увернулась от пули и в этот раз.

Попасть в неё у Павла не было ни единого шанса – в состоянии «боевого шока» Елена не только успевала заметить, куда именно в неё выстрелят, но и убраться с траектории выстрела – скорость её реакции превосходила обычную в десятки раз. В тот момент, когда палец Павла нажимал на спусковой крючок, Елены уже не было на пути полёта пули.

Павел выстрелил ещё раз, но на этом его везение и закончилось – Елена шагнула вперёд, одновременно уворачиваясь

от третьей пули, и, со страшной силой, врезала ему кулаком в лоб.

В состоянии «боевого шока» физические способности Елены значительно повышались, до предела возможностей человеческого тела – Павла отшвырнуло от неё и впечатало затылком в камень!

Удар хоть и был смягчён шапкой – всё же получился очень сильным. И громким.

Павел рухнул на морозную землю, выронив револьвер из пальцев. Странное выражение в его глазах угасло, и он потерял сознание.

Елена стиснула пальцы в кулак и сделала глубокий выдох, приходя в себя после «боевого шока» – в висках закололо, в ушах застучали «молоточки», а мир приобрёл нормальную скорость, звуки и запахи.

– Да чтоб тебя... – проговорила девушка, озираясь по сторонам. – Я тебя чуть не убила.

Отбросив ногой револьвер, Елена присела перед Павлом и ощупала его. Пульс почти не ощущался, но всё же был стабильным. Дыхание практически не было, и лишь сокращающийся от света зрачок указывал, что Павел – в глубочайшем обмороке. Судя по всему, Елена опять неправильно рассчитала силу, и попытавшийся убить её геолог получил как минимум – сотрясение мозга.

В отличие от книг и фильмов, в реальной жизни потеря сознания в силу удара по голове – дело серьёзное. Как прави-

ло, это свидетельствует минимум об ушибе головного мозга – после такого надо лежать в кровати неделю, а потом две недели кое-как шастать по больничному коридору, держась за стеночку. Елена уже навиделась такого в Великую Отечественную и понимала, что Павла надо срочно доставить в больницу поселения – только там его смогут нормально полечить и «поправить».

Открыв висящую на поясе аптечку, Елена стянула перчатку и пробежалась кончиками пальцев по таящимся там шприцам. Выудив один шприц, она посмотрела на забивший его серый порошок.

Потрясая шприц, девушка закатала рукав Павла и, нащупав вену, воткнула туда иглу и чуть-чуть потянула поршень на себя. В шприц плеснула кровь Павла, что смешалась с порошком и растворила его в доли секунды.

Тогда-то Елена и сделала укол, загнав содержимое шприца в тело Павла.

Мощное снотворное и обезболивающее пробежало по венам и артериям мужчины, погрузив его в глубокий сон, что, по прикидкам Елены, должен был длиться как минимум – три часа. За это время можно было вполне подать сигнал о помощи и дождаться оной.

Не успела Елена додумать эту здравую мысль, как солнце заволокла полупрозрачная тень. Вскочив, девушка, очень торопливо, осмотрелась по сторонам.

От моря прямо на неё шла сплошная стена «ледяной мо-

роси» – коварная погода очередной раз подкинула девушке нехороший сюрприз

Сцапав Павла за капюшон, Елена поволокла его к жилому домику копателей золота. Несмотря на то, что Павел весил почти восемьдесят кило вместе с одеждой и обувью, Елена проволокла его с необычайной лёгкостью.

Воздух словно затих, в страхе перед приближающимся ненастьем. Не желая близко знакомится с «ледяной моросью», утих ветер, и смолкли голоса птиц. Наступила прямо таки звенящая тишина...

Елена втащила Павла в домик и, бросив у печки, торопливо разожгла её – к счастью растопка для печки и дрова были тут же – мало кого на Севере грела мысль бегать за дровами к поленнице, в снегопад или шторм или во время сорокоградусного мороза.

Огонь в печке зашумел очень быстро. Елена подбросила несколько поленьев и выглянула в дверь.

Сплошная стена «ледяной мороси» стремительно двигалась на неё и её укрытие. Елена с трудом понимала, что это за стихийное явление такое, но предполагала, что ей с ним близко знакомиться не стоит.

Она уже хорошо видела полосу кристаллов льда, что вырастали прямо из воздуха.

Больше всего это напоминало замерзание мыльного пузыря на морозе. Сам воздух, точнее крупички влаги в нём, нарастали на всё, что попадалось под руку – даже сам воз-

дух замерзал. У самой земли «ледяная морось» уже не была столь смертоносна – тепло земли сбивало верхнюю температуру. Вот почему мелкие животные типа песцов переносили «ледяную морось» без вреда для здоровья. Да и олени с медведями тоже учились при начале этой природной аномалии ложиться на землю.

Елена захлопнула дверь и, подойдя к печке, села около неё, вслушиваясь в надвигающуюся «ледяную морось». Девушка испытывала тягучий, липкий страх.

Серафим говорил Елене, что «ледяная морось» не может проникнуть в закрытое помещение, так что даже без печки и огня в ней, домик представлял собой надёжное укрытие. Однако это было ясно ему – тому, кто прожил здесь много лет. А Елена прилетела вчера...

По крыше, стенам и потолку что-то прохрустело, а затем ощущение опасности и страх ушли – «ледяная морось» ушла.

Сделав глубокий вдох, Елена подошла к двери и осторожно приоткрыла её. В дверь ударил клуб морозного воздуха, но и только. Нацепив маску «Айзека» и надвинув на голову капюшон, Елена вышла на улицу.

Всё вокруг неё было усеяно кристаллами льда, хрупкого, крошащегося под своим весом... Кристаллы густо покрывали стены и крыши домов, землю, останки аэросаней, тушу оленя, огромную массу перепутанных щупалец, что валялась позади оленя, и труп медведя. Особо красиво выглядела ра-

диовышка – кристаллы облепили её так, что она напоминала ёлку в заснеженном лесу.

Елена подняла «Вьюгу» и зарядила её сигнальной ракетой. Пройдя пару метров, она вскинула оружие к небу и...

Замерла, как вкопанная. Затем очень осторожно повернулась и посмотрела на оленя.

Олень лежал там же, где и всегда. Но вот позади него находилось нечто, похожее на комок щупалец, размером, как минимум, с танк! Кристаллы облепляли это существо так густо, что Елена сумела понять лишь то, что перед ней какое-то существо с десятком щупалец и круглым телом, покрытым какой-то чешуёй или ещё чем...

Сглотнув, Елена осторожно сделала шаг вперёд. Этого существа не было, когда они тут ходили с Павлом. Проглядеть лежащий на открытом месте ком щупалец, размером с немецкий танк Елена точно не могла.

И тут же девушка услышала звонкий, переливчатый звук – флейта. Правда играли на ней так что услышь этот звук, какойнибудь музыкант – то он тут же получил бы инфаркт, от такого отсутствия стиля и умения попадать в тон.

Щупальца дёрнулись, рассыпая с себя кристаллы. Потом ещё пошевелилось – ухватилось, и начало подтягивать к себе огромное тело, что лежало на земле...

Елена, оторопело, уставилась на келе – чудовищное существо, которое здешние жители считали ни кем иным, демоном, что приходил из мира Смерти...

И это существо было невидимым – его было видно только благодаря стремительно осыпающемуся инею, оставшемуся после «ледяной мороси»...

«С Ильёй я познакомился ещё до Великой Отечественной – в те годы я был сущим сопляком, студентом, что закончил университет. Из-за этого меня и на фронт-то не взяли. Сказали, что стране нужен металл для техники, химикаты для удобрений и золото для оплаты ленд-лиза

На войне, как ты знаешь, происходит та ещё путаница – вообрази себе – меня. Студента, что заканчивал геологическую кафедру, отправили в тайгу для того, чтобы я там искал и закупал пушнину. Пушнину!

Что бы ты немного понимал, я тебе проясню ситуацию – то, что пишут о «ленд-лизе» – полная чепуха. Какая «бесплатная помощь», о чём ты? СССР должен был оплачивать сорок процентов от всего, что поставлял ему США. Оплата шла не в валюте, а в редкоземельных материалах – молибден, вольфрам, сапфиры, алмазы и – «живое золото» – пушнина. Именно этим мы оплачивали помощь США. (Отказ СССР оплачивать остатки за ленд-лиз был связан с нарушением США своих же собственных условий – после войны США потребовали плату за свои услуги в валюте, причём одновременно заблокировали СССР выдачу кредитов для по-

гашения долгов по ленд-лиз. Примечание автора).

Пушнина была для американцев, иной раз, дороже золота – их женщины обожали кутаться в меха – причём ради забавы и для подчеркивания своего высокого социального статуса. Кстати, ты будешь удивлён, но в США самым высоким спросом пользовался самый обычный огородный крот – его мех полюбился американцам и почти всех кротов, что ловили в СССР, мы отправляли в США. (Причём размах охоты на кротов был настолько велик, что к 1990 годам кротов, почти полностью истребили. Примечание автора).

В общем, отправили меня в тайгу. Конечно не одного, в составе охотничьей партии. Отправили довольно далеко – чуть ли не на Дальний Восток – по крайней мере, в тех лесах водились и тигры и медведи. Народ там был странноватый – смесь каких-то местных аборигенов – по виду, венгры, (не отличить, если одеть в одинаковые одежды), китайские и монгольские поселенцы, и русские старообрядцы.

Дичи в тайге был много, так что мы без дела особо не сидели. Ну а я... что я? Мне тогда лет то было чуть больше двадцати – попёрся в тайгу, да и забыл о первой заповеди охотника – не уверен, не стреляй». Наткнулся на кусты – в которых что-то шуршит... Рассмотрел там что-то косматое, да и шарахнул «дуплетом», из всех стволов – кстати, тоже тогда ошибку сделал – в зверя надо из одного ствола стрелять, если ты его ранишь, то у тебя второй патрон останется – успеешь отбиться, коли он на тебя из леса пойдёт. А вы-

стрелишь из двух стволов – и прощай мама – перезарядиться не успеешь... Не один охотник от незнания этого погиб.

Ну вот – пальнул я в кусты. В них что-то зашуршало, зарычало а потом оттуда выкатывается здоровенный мужик в шубе, на которую целый медведь пошёл – вот не вру... Ну и на меня, мол «что творишь, сатана худая, почто мне шубу испоганил», ну и всякие мрачные обещания – самое интересное что запомнил из этого спитча – угроза муравейнике прикопать. Что бы мурашам по весне было чего съесть.

Не успел я, и придумать что-то в своё оправдание, как из тех же кустов вскочили ещё трое – Илья (я тогда его ещё не знал), девушка какая-то, а с ней ещё один мужик – такой странный светловолосый – в чёрной кожаной куртке и меховых штанах.

Илья сразу всё понял, на мужика в шубе рукой махнул, сказал ему свалить и не лезь на рожон. Девушка тоже на мужика рывкнула, тот со своей шубой, и в кусты смылся.

А я Илье документы показал, тот мне и объяснил, что мы сильно от обычного маршрута отклонились, но не гнать же нас назад, через полтайги? Так что можем и тут норму пушины получить – причём уже готовой.

Я удивился, спросил – какого чёрта он так делает, а эта девушка что с ним стоит, руками развела и говорит что, мол, во время войны умный человек всегда своим помогать должен, а то придут чужие и всё заберут.

А потом предложила мне в их веси остановиться – так я

и познакомился с Милаликой и Ильёй.

Милалика и её знакомые – тот, что в шубе носил имя Макарий, а парень в черной куртке – Аввакум, были старообрядцами – ну теми православными дикарями, что сбежали из России после введения там религиозных реформ Петром Первым. С той поры их весь и находится в Сибири – правда координаты указать толком не могу – поскольку попал туда случайно, а назад меня уже сам Илья вывез.

Илья тогда же меня и предупредил, что Милалика и её сородичи шибко не любят, когда их весь селом или деревней зовут. Мол, «село это где помещики своих крепостных селили», а у нас – весь. Я тогда ещё спросил – чем тогда село от деревни отличается – оказалось тем, что в селе есть церковь, а в деревне – нет. Представляешь?

Весь Милалики была очень маленькой. Там народу было не больше сотни человек – мужчины и женщины. Детей было немного, а вот стариков или просто пожилых людей я вообще не видел. Все ходят опрятные, постоянно умываются, в бани ходят, а одежду постоянно расшивают разными узорами на тему славянской тематики – причём языческой – всякие лешие, красные петухи, жар-птицы и всё такое.

Дома у всех серьёзные – массивные срубы из толстенных брёвен, на каменном фундаменте – в паре мест даже железобетонное литьё видно было. Есть радиопередатчики – так что я быстро наладил связь с Центром.

Даже электричество есть, что не совсем обычно для старо-

обрядцев – те привыкли при свечах да лучинах сидеть. Милалика мне тогда сказала, «что мол, коль Бог бы пожелал, что бы мы не имели этих новшеств, то они бы у них не работали. А коль работает – значит, угодны Богу». А ещё сказала странные слова – «Наука, она как океанский прибой – проламывает Тьму невежества». Хорошая философия.

Ещё одну особенность, что я заметил – веси Милалики не было ни раненых, ни увечных. Да там ни одного человека со шрамом – даже от аппендицита не было. В бане специально присматривался – ничего. Ни татуировок, ни шрамов – ничего.

Странный народ, что ни говори.

Наиболее странным было то, что у них командовала всем женщина – та самая Милалика. С таким я вообще не сталкивался – чтобы у православных – будь они старообрядцы или никониане, женщина обладала всей властью над мужчинами? Это вообще ни в какие ворота не лезет.

Илья на это мне посоветовал особого внимания не обращать, сказав, что здешние жители долго живут в тайге, и у них уже выработались свои социальные нормы, не совсем понятные нам. Как он сказал: «эволюция Дарвина универсальна даже для религии. Окружающая среда меняет даже саму веру в Бога».

Илья же оказался в этой веси по каким-то своим делам (интересно, что понадобилось директору Биоинститута от каких-то сибирских таежников). И там-то я с ним и свёл зна-

комство. Илья договорился с жителями вёси о том, что они передадут мне нужное количество шкур, а сам пообещал, что договорится с Милаликой и её охотниками сам, насчёт оплаты.

Так же он уладил мои неприятности с Центром – я же со своими охотниками сильно с курса сбился – за такое и под арест могли отправить – благодаря Илье этого не случилось.

Я тогда не мог понять – что это он так мне помогает?

А Илья мне (уже потом, когда я стал главным инженером) и рассказал – «я чую людей, которые далеко пойдут».

Выдержка из личного дневника главного инженера поискового поселения «Плутония» Иннокентия Тарасова.

Келе двинулся вперёд – остатки изморози слетели с его тела и он стал совершенно невидимым – через его огромную тушу можно было без труда увидеть горы. Даже если приглядываться, то увидеть это существо было невозможно. Лишь только звук его движения был хорошо слышен... И странные звуки – что-то вроде напевов флейты, только настолько кривые и странные, словно на флейте наигрывал слепой и безумный человек...

Аэросани – теперь Елена поняла, что они с Павлом врезались не в оленя, а именно в келе, который тащил оленя в своих конечностях, захрустели и сдвинулись в сторону – келе просто оттолкнул разбитую машину, и двинулся вперёд.

Тушка несчастного оленя взлетела вверх – келе сцапал его

и поднял, причём чуть ли не на два метра над землёй.

Затем произошло что-то жуткое – тушка оленя содрогнулась, на ней появились десятки кровавых полос – словно его шерсть и кожа становились невидимыми и исчезали – со стороны казалось, что оленя пожирают сотни невидимых змей!

За пару мгновений всё было кончено – на землю упал только скелет оленя, что от удара рассыпался на составляющие косточки.

Это впечатляло – за считанные мгновения невидимое существо каким-то образом съело несколько десятков килограмм мяса, шерсти и внутренностей. И, что было хуже всего – существо двинулось вперёд, точно на Елену – это уже было слышно.

Вскинув «Вьюгу», Елена прикрыла глаза и выстрелила – целясь на звук.

Из ствола «Вьюги» вырвался, оставляя за собой дымный след, заряд, способный расколоть череп слона – он врезался в самую середину туши келе и... отрикошетил, угодив в валун сбоку от Елены. Причём валун, получив удар зарядом «Вьюги» треснул на две ровных части!

С таким Елена ещё не сталкивалась – впервые в жизни ей подвернулось существо, способное отразить своей тушей заряд «Егерь», входящий в боеприпас оружейного комплекса выживания «Вьюга».

Однако удивляться и ужасаться явно не стоило – судя по чёткому хрусту снега и приближающимся переливам флей-

ты, келе активно двигался вперёд, явно желая расквитаться с Еленой за обстрел его персоны – и самое жуткое то, что у него это вполне могло получиться.

Елена резко перезарядила «Вьюгу» и отскочила подальше. Глазами она уже вычислить келе не пыталось – что бы это ни было за существо оно явно умело маскироваться на уровне «посреди пустого бассейна с собаками не найдут» – собственно существо помогал найти только шум издаваемый перемещением его громадной туши.

Елена сделала глубокий вдох и перешла в «боевой шок» – слух во время управляемого адреналинового шока обострялся до невозможности.

Мир слегка замедлился перед её глазами – и она увидела келе.

Он предстал ей в виде какого-то полупрозрачного привидения, через которое было видно то, что творится сзади него – правда как то смазано и неразборчиво, словно келе был из стекла, которое, несмотря на прозрачность, чуть-чуть, да искажало то, что находилось за ним.

Келе был огромный – строго говоря, он был размером с танк – правда, не «Тигр», а максимум – с немецкую «тройку». Его тело было круглым, с кучей щупалец, что росли у него как снизу, так и сверху. Вся эта масса шевелилась, дёргалась и двигалась весьма странным образом – на кончиках щупалец. Тело – громадный круглый шар – не касалось снега.

Келе ставил на снег сразу десяток щупалец и переносил на них свой вес – с грацией человека, который умеет и любит ходить по льду. При этом его тело странно сокращалось, словно он, таким образом, дышал или внутри его тела шли какие-то неведомые науке процессы.

Елена вскинула «Вьюгу», но тут келе остановился и повернул к туше белого медведя. Девушка, наставив на него оружие, смотрела, не пытаясь выстрелить – хотя в её висках уже ощутимо постукивало – ни один человек мира не сумел, бы так долго находился в контролируемом адреналиновом шоке – любой уже упал бы без сил.

Любой, но не Елена. Она не сводила глаз с этого чудовища – если бы кто-то сейчас посмотрел на её лицо, то увидел бы, что её зрачки пульсируют в каком-то нечеловеческом ритме, улавливая малейшие движения келе.

Странное существо вытянуло щупальца и схватило ими тушу медведя, без малейшего труда приподняв весящего несколько сотен килограмм зверя надо льдом. Щупальца обвили вокруг медведя, превратив его в какой-то кокон – туша келе странно и мерзко запульсировала в жутком ритме – а спустя пару секунд келе распустил щупальца и на землю упал скелет несчастного полярного хищника!

Елена «вышла» из «боевого шока» и покачнулась – никогда ещё она не пребывала так долго в этом состоянии – простой человек, переживи он такое, рухнул бы без сознания, или даже умер. Однако Биоинститут не для того в течение

десятилетий изучал медицину и биологию, чтобы дать своим сотрудникам умереть от такой малости.

Келе, расправившись с медведем, лениво разворачивался в сторону Елены – видимо быстро двигаться он и вправду не умел – и предпочитал нападать из засады – с его-то способностью к маскировке это было для него простецким делом.

Однако Елена уже его слышала – а поняв, как собственно этот арктический монстр – келе перемещается, уже замечала и его следы – десятки маленьких ямок, что появлялись в снегу.

Ямки мгновенно заносило снегом и позёмкой, а на каменистых поверхностях следов вообще не было – всё это позволяло келе двигаться как привидение – быстро бесшумно и незаметно.

Вскинув «Вьюгу» Елена упёрла одну ногу в землю и, на пару секунд, снова погрузила себя в «боевой шок» – и всадила в келе два заряда «Егеря» – отдача «Вьюги» при стрельбе двумя зарядами сразу – подавила даже возможности стабилизаторов – удержать оружие Елена сумела только благодаря «боевому шоку».

Два заряда «Егеря» метнулись к келе – суммарная мощность этих боеприпасов гарантировано убила бы любое живое существо – даже синего кита, если бы тому выстрелить в голову.

«Егеря» врезались в тушу келе – и отскочили, словно угодили во что-то более твёрдое и мощное, что сумело отбить

даже их!

Елена упала на землю – «Егеря» пролетели мимо неё и, врезавшись в очередной валун, весом под пару тонн – размолотили его в кучу щебня и песка – вонь горелого камня обдала девушку, словно пар в бане.

Перекатившись на спину, Елена прыгнула и вскочила на ноги, а затем стремительно вогнала в ОКВ заряды «Подвальной Смерти» – те самые заряды, набитые медной пудрой, что использовались оперативниками Биоинститута для вышибания дверей при штурмах квартир или зачистках подвалов, когда угроза рикошета была гораздо опаснее, чем собственно сам противник...

В следующий миг что-то гибкое ухватило её за ногу и мгновенно обвило ногу чуть-ли не до колена – келе успел подскочить к Елене пока она перезаряжала оружие!

Девушка прыгнула назад, и изо всех сил дрыгнула ногами, не дожидаясь, пока её начнут употреблять, как пищу – причём в живом виде.

К её удивлению хватка келе мгновенно ослабла, и девушка, вырвавшись из его захвата, перекатилась через плечо, распласталась на ледяной земле и, расставив ноги для упора, всадила в келе «дуplet» «Подвальной Смерти».

Облако медной пудры врезалось в келе – и сбilo его на землю! Более того – пудра облепила чудище, и оно стало частично – хотя бы спереди, видимым.

В следующий миг келе вбил щупальца в землю и припод-

нялся – в его движениях было что-то от машины – неуязвимой, непобедимой и ужасной. Казалось, нет такой силы, что способна остановить этого жуткого демона арктической пустыни.

Более того он снова двинулся к Елене и вытянув щупальца, попытался ухватить её за руку но девушка увернулась от него и даже сумела отбить одно щупальце ребром ладони, как она на тренировках по повышению скорости реакции она отбивала бросаемые в неё мячики.

Затем она перевернулась и побежала прочь, в сторону сарая с взрывчаткой. Келе выдал ей вслед долгую, причудливую переливчатую трель флейты и рванулся догонять. Правда догнать Елену ему было не по силам – даже человек в обычной одежде, состоящей из шубы, унт и шапки убежал бы от этого арктического привидения – а уж в «Айзеке», который делали как раз под фигуру Елены – с учётом её физиологических особенностей, девушка без труда убежала бы...

Впрочем, Елена понимала, что у этого существа всё же есть преимущество – оно было очень упорное и неторопливое. И оно могло позволить себе гонять её по этому участку сколько угодно, пока Елена не выбьется из сил и не рухнет, став лёгкой добычей...

Кроме того неизвестно было как это существо поведёт себя, потеряв Елену из вида – вдруг вернётся и начнёт осматривать дома в поисках чего съедобного? А в одном из домов лежит Павел – без сознания

Оставался один единственный шанс остановить это существо. Но довольно опасный.

Подбежав к домику, где хранили взрывчатку, Елена остановилась и посмотрела назад – келе отстал на несколько десятков метров, но неумолимо брёл за ней – причём медная пудра с него словно «стекала», делая его всё менее и менее видимым.

Девушка быстро перезарядила «Вьюгу», вбив в него два «Егеря», перевела дух и посмотрела по сторонам, не забывая прислушиваться к переливам флейты – келе приближался.

План Елены был, в общем-то, прост – перейти в «боевой шок» и отбежать как минимум метров на двести в тундру – келе бросится за ней. А поскольку это существо медлительно, то отбежав на двести метров, Елена успеет прибежать назад, и подготовить взрывчатку для взрыва. Когда келе вернётся назад, то его будет ждать небольшой сюрприз – вряд ли даже его туша переживёт взрыв десяти килограмм промышленной взрывчатки. (Для сравнения – в противотанковой гранате РПГ-40 – около восьмисот грамм взрывчатки. Примечание автора). Иного варианта Елена просто не могла придумать – не бежать же, с таким-то невидимым и неуязвимым чудищем «на хвосте» в поселение? Страшно представить, что келе способен учинить там... Да и не факт что его сумеют там остановить – келе оказался неуязвим к «Вьюге» – а это значило что ни одно ручное оружие в мире его не возьмёт. Разве что артиллерия – да где только тут пушки

найдёшь?

Елена сделала глубокий вдох и снова «перешла» в «боевой шок» – келе стал хорошо видимым, и теперь можно было бежать подальше.

Повернувшись, девушка бросилась бежать в тундру – причём бежать, делая длинные, быстрые скачки, позволяющие ей сразу оторваться от келе на несколько метров, за каждый такой «шаг». Обежав на сотню с лишним метров. Елена резко повернулась, вглядываясь в смутно различимую тень-призрак келе...

И успела увидеть, как келе атакует домик с взрывчаткой! Причём не просто налетает на него сдуру, а именно нападает – круша прочные деревянные стены своими щупальцами. Затем келе приподнялся на щупальцах и выдохнул в сторону домика облако какого-то серого тумана. И продолжил крушить его с непонятной злобой и агрессией.

Домик задрожал – он вообще-то строился на совесть, но вообразить, что его будет крушить непонятное полярное чудище, весом в несколько тонн его создателям даже в голову не могло прийти...

Елена бросилась на землю, за громадный валун, прикрыла голову руками, зажав уши и открыв рот – всё строго по инструкции. (Стандартный способ защиты барабанных перепонок во время бомбёжек или артобстрелов. Примечание автора).

Взрыв грохнул такой, что Елену подбросило в воздух и

грохнуло о ледяную землю, в валун ударила волна щепы и осколков – все, что осталось от домика

Перекатившись на спину, Елена уставилась в небо – в Германии ей довелось видеть, как сидящего в надёжном укрытии человека убило упавшим с неба кирпичом – останками взорванного здания.

Однако домик разнесло в клочья, причём такие, что с неба упали какие-то опилки и крошечные кусочки коры.

Сев на корточки, Елена присмотрелась к останкам домика.

Смотреть там особо было нечего – взрыв вырвал из поверхности тундры несколько тонн камня и земли. Из воронки даже дым не шёл – нечему там было дымиться.

Сделав глубокий вдох, Елена перешла в «боевой шок» и осмотрелась по сторонам.

Келе нигде не было. Но кое-что шевелилось в валунах.

Держа наготове «Выюгу», Елена осторожно подошла к месту, где что-то шевелилось.

Среди камней билось, свёртывалось в узел и трепетало щупальце, длиной полтора метра. Оно было густого чёрного цвета, в малиновую крапинку. Щупальце трепетало и дёргалось, словно отрубленный хвост ящерицы.

Елена осмотрелась по сторонам, но хозяина щупальца не было видно. До того, чтобы хватать руками неведомо, что она ещё не дострадалась, так, что просто запомнила место, где лежит щупальце и побрела к домикам за каким-нибудь

предметом, в который можно было закатать или спрятать этот странный орган, оставленный келе.

Когда она подходила к воронке, оставшейся от взрыва, лакмусовый анализатор «Айзека» начал зеленеть...

Вскинув руку, Елена пригляделась к воронке, а затем натянула на лицо воротника на глаза – очки, и стянула капюшон куртки. С тихим шелестом «Айзек» загерметизировался, оградив девушку от отравленного воздуха. Затем девушка сделала глубокий выдох через маску, «продув» её.

Фильтрующая ткань того, что простые люди принимали за обычную маску для защиты лица от холода, была способна удерживать некоторые виды отравляющих веществ и газов – даже слезоточивый

Анализатор, тем временем, продолжал неумолимо зеленеть, а затем перешёл с зелёного на жёлтый цвет. В воздухе явно было, какое-то опасное вещество...

Елена вспомнила как келе, что, непонятно для чего, набросился на этот домик, выдохнул облако какого-то странного тумана... Возможно ли, что это существо выдохнуло какое-то вещество, что содержало в себе опаснейшие для здоровья химикаты.

Достав из-за спины трубки для дыхания, Елена просунула их под маску и стиснула в зубах. Затем она активировала вшитые в «Айзек» баллоны с дыхательной смесью и осторожно пошла к воронке, двигаясь очень осторожно.

Анализатор неумолимо продолжал желтеть и вскоре при-

обрел сочный золотой цвет – концентрация непонятной отравы в воздухе была очень велика – и это несмотря на ветер и мороз!

Остановившись, Елена достала пробирки и взяла пробы воздуха. Убрав их в сумку, девушка присела, чтобы набрать земли – это вещество могло впитаться в верхние слои почвы...

На земле лежало несколько странных шариков – они напоминали янтарные бусы. Маленькие круглые, желтоватые и прозрачные. Уцелеть при взрыве они никак не могли – а значит, появились уже позже.

Елена осторожно собрала их в пробирки и прочно закупорила пробкой, а затем обвязала пробирки специальными изолирующими лентами, дабы исключить утечку в случае, если эти «бусы» окажутся замерзшей жидкостью.

За время работы лакмусовый анализатор сильно поблек и позеленел – неизвестное вещество быстро раздувало ветром. Это, кстати, объясняло, почему прибывшие в этот лагерь Иннокентий его люди не отравились – к тому времени как они приехали, местность абсолютно очистилась от всех вредных веществ.

...Взяв пару одеял и ободранную метлу, Елена вернулась к щупальцу и – вопреки теории Хаоса нашла его на том же самом месте, где оставила. Щупальце уже перестало шевелиться и только пару раз конвульсивно дернулось, когда Елена закатывала его метлой на одеяло.

Обмотав добычу верёвкой, Елена приволокла её в останки посёлка и осмотрела его в поисках саней.

Саней не было – видимо их забрала группа Иннокентия.

Вздыхнув, Елена притащила к домику содранный с аэро-саней лист металла, и по-быстрому сделала из него самодельные сани – пробила в паре мест отверстия и привязала к ним верёвку.

К счастью снега было много, и тащить такие санки было просто – а на каменистой поверхности мог помочь «боевой шок».

Зайдя в жилой дом, Елена проверила Павла – тот по-прежнему пребывал в глубоком шоке.

Сев на пол, Елена достала плитку и еду. Поставив на огонь сковороду, она вывалила на неё содержимое банки австралийской тушёнки и, усмехнувшись, посмотрела на банку.

Основным ингредиентом этой тушёнки была кенгуру. (Австралийская тушёнка часто готовится из кенгуру, поскольку в Австралии их считают разновидностью зайцев. Примечание автора).

Возвращаться в посёлок нужно было на сытый желудок – не факт что там, после «ледяной мороси» быстро машины в порядок приведут. Да и хватятся Елены явно не сразу – они рассчитывали вернуться к вечеру.

Ждать спасателей было немного опасно – Павел явно был не в себе и сидеть в одном месте с человеком, который ещё непонятно как себя поведет, придя в себя, было не очень ум-

но.

Но больше всего Елену тревожило то странное существо, с которым она столкнулась. Что-то подсказывало девушке, что это место далеко не столь безопасно, даже после того, как этот монстр погиб.

Кто знает... Даже Грот – этот изуродованный шаман, упоминал о келе во множественном числе. Что если ночью приползёт ещё одна тварь? ОВК оказалась бесполезна против этого монстра – по своим характеристикам он явно далеко перегнал даже средние немецкие танки.

Так что выбора не было – нужно было немедленно уходить отсюда.

Но сначала немного отдохнуть и перекусить – на голодный желудок по тундре топать далеко не так спокойно.

Перемешав начинающую ароматно дымиться тушёнку, Елена сняла сковороду и поставила кружку с кофе, куда высыпала тройную дозу сахара – «боевой шок» «сжигал» в организме огромное количество сил, однако в качестве основного «топлива» пожирал именно сахар – ещё в детстве Елена обратила внимание, что сладкое не портит её фигуру, а помогает приходить в себя после «боевого шока».

Илья говорил, что «боевой шок» в прямом смысле слова «выжимает» из её организма силы – на работу мышц в сверхбыстром режиме тратится огромное количество полезных веществ. Поэтому для восполнения запасов требуется употреблять немало сахара и других продуктов – желательно

таких, что максимально быстро переходят в кровь.

Съев мясо и выпив кофе, Елена встала и посмотрела на лакмусовый анализатор.

Тот выглядел мрачно зелёным...

...Елена стояла посреди огромной, пустой комнаты, перед громадным зеркалом, в котором хорошо было видно её отражение – тощая, длинноногая, хрупкая девочка, лет шести. Из одежды на ней – только шёлковые ленты, обвивающие запястья. Обычный ребёнок – разве что со странными чертами лица – необычными для этих мест. Смесь восточных и русских черт. Наследие отца и матери.

Посмотрев на стоящую по ту сторону рамы девочку, Елена приподняла руку и помахала ей, глядя как та полностью копирует её движение.

Было очень странно видеть себя вот такой...

Сделав вдох, Елена уставилась на себя – её кожа полностью побледнела, на ней выступили капельки пота, а зрачки глаз начали дико пульсировать.

Елена присела на колени, тут же вскочила, повернулась вокруг своей оси и стукнула кулаком о ладонь.

Та, что стояла за рамой, повторила все её движения, без малейшего труда. Елена усмехнулась, и весело рассмеялась крутанулась вокруг своей оси, а затем резко выдохнула воз-

дух, глядя как у той, что стоит по ту сторону рамы, кожа приобретает нормальный цвет, глаза снова становятся нормальными... Только стремительно дёргающаяся грудь, набирающая воздух, не сразу успокоилась.

Улыбнувшись. Елена шагнула к раме и протянула руку к той, что шагнула к ней с той стороны и тоже протянула руку.

Их ладони встретились посреди рамы...

Только вместо холода стекла Елена ощутила тепло руки...

Шаг за шагом. Шаг за шагом...

Не каждый человек мог бы выдержать такое, но для Елены марш-броски на несколько десятков километров были обычным делом. И не такое проходила. И не такое измеряла шагами.

Тащить импровизированные сани, гружёные чуть ли не сотней килограмм веса, было не так просто – Елена с трудом шла вперёд, таща «сани» за собой. Павел, мешок с золотом и непонятными железяками, а также щупальце, завёрнутое в одеяло – всё это весило очень много. Однако Елена не могла, да и не хотела ничего оставлять. Поэтому она заставляла своё тело шагать и шагать вперёд. Невзирая на боль в ногах и плечах.

Кроме того начался неприятный ветер – мерзкий, холодный, что активно дул в лицо, пытаясь перебить дыхание, наполненный снежной пудрой. Впрочем, как раз с этим-то Елена справилась без труда – натянула маску на низ лица и никаких проблем. «Айзек» был создан в лабораториях СССР,

что бы выдерживать опасности и посерьёзнее – в предложении на спор, перейти вброд реку Арктики, не было ничего фантастического. Хоть перейти вброд, хоть переплыть – человеку, облачённому в комбинезон «Айзек» всё было едино.

А вот хуже всего было то, что она, судя по всему, успела надышаться той отравы, что распылил келе, во время нападения на домик с взрывчаткой. Перед глазами всё плыло, в ушах иногда возникали странные шепотки.

Самым примечательным было то, что из снега иногда выныривали странные фигуры – люди, животные или вообще – машины. И все – очень ярко окрашенные. Никаких полутонов или переходов – чистые, яркие тона, характерные при употреблении некоторых веществ полученных из спорыни или ЛСД.

Чем бы не пользовалось арктическое чудовище – это явно были очень мощные наркотические средства, способные вызывать галлюцинации, приводящие, в итоге, к смерти. Причём они действовали и на крупных животных – тот медведь, которого Елена убила около домиков экспедиции, вёл себя, странно явно угодив под наркотическое влияние.

И да... Грот говорил, что келе дают некую сому... Сомы, наркотик, что употребляют шаманы? Кто знает – это Елена столкнулась с этим веществом в первый раз и ничего не знает о нём. А живущие в этих краях люди могут иметь дело с келе на протяжении тысяч лет – они-то изучили их странности и особенности как никто другой...

...Двое мужчин в белых рубашках и странных масках набрасываются на восьмилетнюю девочку с ножами – однако они двигаются очень медленно – словно через воду.

Елена успевает ударить руку с ножом, отбрасывая её в сторону, затем стремительно поворачивается ко второму мужчине, и наносит удар ему в живот – тот отлетает, словно его ударил здоровенный парень, а не девочка восьми лет.

Второй хватает Елену за шею, но та успевает схватить его за запястье – он двигается очень-очень медленно, вывернуться и ударом под колени – сбить с ног.

– Стоп! – рычит крепкий мужчина в красной рубашке и коротких штанах, что состоят, полное впечатление, из тысяч заплат. – Перерыв! Елена! Ты опять неправильно действуешь.

– Извините, товарищ тренер, что опять неправильно?

Тренер выпячивает нижнюю губу и потирает руки.

На его правой щеке хорошо заметен странный шрам – четыре шрама. Словно от удара когтистой лапой – правда, лапы размером с человеческую кисть

– Ты всё время забываешь, что ты не человек. Ты – женщина. А женщины ведут себя не как люди. Человек – это создание Господа Бога – элита мира, которую он создал по образу своему и подобию. А женщина – это существо, которое должно быть рабыней и домашним существом человека, – тренер перекрестился. – Ибо так велел Бог. И пусть вы, коммунисты, считаете, что женщина – равна человеку... Вы

ошибаетесь... Так вот, что касается тебя – ты отлично сражаешься – ты очень быстрая и ловкая – даже эти лестные старообрядцы... – Тренер коснулся шрамов на лице. – Так вот, даже они тебе в подметки не годятся. Однако ты должна помнить – что ты женщина. К тебе принято испытывать пренебрежение, но никак не страх. Женщина, которая невероятно сильна и способна голыми руками сражаться на равных с человеком – это явная аномалия. Это нечто неправильное. Увидев такое, нормальный человек предпочтёт убить тебя на расстоянии. Ты должна стремиться избежать этого, должна заставить человека стремиться к тому, чтобы он попытался убить тебя на твоих условиях – так, что бы ты имела шансы отразить его нападение и выжить. Понятно?

– Да, товарищ Тренер, – кротко кивнула Елена, зная, что её тренер был, когда-то царским офицером из Белой Гвардии, которого от расстрела спас только Биоинститут, ко- ему были нужны инструкторы для своих оперативников.

– Далее – по твоим рукопашным боям – всегда помни, что против людей хорошо действует сбивание с ног – человек может вытерпеть, даже если его пнут ногой ниже пояса – но будучи сбитым или брошенным на землю, он уже не сразу встанет. А если и встанет – то это даст тебе пару мгновений форы. Поэтому когда роняешь на пол противника – то старайся уронить его печенью или почками об пол – поверь, хуже не будет. Про болевые точки забудь – под одеждой они нормально защищены. Даже если ты попадёшь по ней,

то одежда поглотит часть твоей силы и не приведёт к нужному эффекту. Всегда бей туда, где сможешь нанести вред и игнорируй всё остальное. А теперь – начали...

...Самодельная волокуша закрипела, попав на камень, и Елена перешла в «боевой шок», протаскивая кусок металла по камням и куску земли... Ноги серьёзно побаливали – девушка уже знала, что завтра у неё будет болеть всё тело – если конечно она не предпримет шаги что-бы купировать это дело.

Набравшись сил, Елена глянула на компас и зашагала вперёд, не останавливаясь заставляя себя идти по ледяной земле... Останавливаться было опасно – если остановиться, то потом уже не сможешь идти – это Елена хорошо знала.

«Если ты устала в пути – то можешь отдохнуть. Но потом ты уже никогда не сможешь быть первой», донеслись из снега, чьи-то слова...

Затем из снежной пурги появились странные тени – к лицу Елены скользнула жуткая, мохнатая лапа, что крепко вцепилась ей в плечо...

Тело девушки сработало само, без участия мозга – она схватила лапу, резко и сильно дёрнула на себя и перебросила через плечо – огромная мохнатая туша рухнула в снег и зарычала что-то грозное, но достаточно членораздельное...

– Старший лейтенант Елена! Успокойтесь, это я, Серафим! – пророкотала ещё одна тень, что выплыла из снега. – Стойте! Это мы с ребятами. Мы вам на помощь пришли!

– Серафим? Как... на чём вы сюда приехали? – Елена потрясла головой.

Туман перед глазами рассеялся, и она увидела, что её окружает несколько человек – Серафим и ещё несколько человек, что в своих шубах, унтах и меховых шапках выглядели весьма необычно и странно.

Из снега, трясая головой, словно бык, что по ошибке боднул рогами красный пожарный танк, выбирался тот самый помощник Василия Закрежевского – что сторожил хэстов. Он потирал шею и осматривался по сторонам с каким-то диким видом, явно не представляя, как юная и хрупкая девушка сумела его приложить спиной о землю.

– Мы услышали взрыв и сразу же побежали к вам на помощь, – Серафим помахал руками.

Через снег прорвалась собачья повозка, в которую были впряжено несколько добродушных, отчаянно машущих хвостами лаек.

– Так... Тут у меня Павел... Упал там, на прииске. Ударился головой. Его срочно в медчасть. И – немедленно позовите главного инженера... – Елена рухнула в сани, держась за галантно подставленную руку Серафима. – Срочно! У меня для него тяжёлые новости...

...Иннокентий и Бегемот, сопровождаемые Василием, вошли в комнату Елены.

Девушка уже успела снять с себя «Айзек», наскоро обтереться полотенцем и загрузить «Органг» привезёнными с со-

бой образцами.

Так же она успела поставить себе капельницу с глюкозой и витаминами, экспроприировав её у врача.

– Так-так... Павел в скором времени придёт в себя, – проворчал Иннокентий, глядя на причудливую картину – Елена сидела перед «Орангом» с воткнутой в руку иглой от капельницы, в халате, одолженном у Валентины, который не очень хорошо скрывал её длинные, стройные ноги. – А может быть, вам немного отдохнуть в нашем медпункте?

– Сильно подозреваю, что с этим придётся повременить... – проговорила Елена. – Извините... я из-за этой капельницы с трудом могу рукой шевелить... В общем вон у кровати стоят два мешка. Их я нашла при осмотре места происшествия. Вы бы не могли их осмотреть? Они тяжёлые, а я и так с рукой еле шевелюсь...

Иннокентий и Василий подняли один мешок, поставили его на стол и разрезали.

– Ого! – выпучил глаза Бегемот, увидев его содержимое. – Золото!

– И что хуже – промышленное... – Иннокентий протянул руку к самородку, но Елена остановила его.

– Попрошу брать это золото в перчатках. Не имею понятия, что на него могло налипнуть...

– Это вы о чём?

– На территории где проводилась незаконная разведка и добыча этого золота, найдены следы высокой concentra-

ции какого-то вещества, что обладает сильным сходством с наркотическими веществами. Более того оно даже действует как яд, – Елена показала на мигающий десятками огоньков «Оранг». – Моя лаборатория это подтвердила. Это вещество найдено во всех образцах, что я взяла на территории. Это какой-то яд, что содержит в себе вещества, оказывающие очень сильное влияние на нервную систему. Оно там, в слабой концентрации, было и на земле. К счастью оно быстро разлагается – но только на свежем воздухе и ветре – в завязанных мешках эта отравляющая могла остаться...

– Понятно. Думаете, могло осесть и на золотых слитках? – Иннокентий нацепил резиновую перчатку, что подала ему Елена, и поднял один самородок. – Да уж... тут килограмма три, не меньше. Это уже не «золотинки» и не золотые метки... Это самородное золото. Его можно добывать и промышленным способом...

– Да. Думаю, что эта погибшая экспедиция, на самом деле, была шайкой незаконных копателей...

Иннокентий сверкнул глазами.

– Мы таких называем «трясуны». Это такие шайки урок или в худшем случае – студентов, что часто приходят «промыть» реки или ручьи тут, на территории «Плутонии». Понимаете, для государства здешние золотые песчинки – они неинтересны, толку от их добычи? Нерентабельно. Но вот для тех, кто любит «решетом трясти» – частники, для них эти золотые песчинки вещь прибыльная, – объяснил Инно-

кентий. – Но чаще всего это обычные шайки оборванцев или студентов. А вот с такой хорошо подготовленной бандой мы впервые встретились.

– Север... – Бегемот, не слегка побледнев посмотрел на Иннокентия. – Я не понимаю... у них были все документы. Они же все проверки прошли!

После этого он сел на ближайшую кровать и уставился в пол. Понять его было можно – раз все бумаги и документы шли через него, то значит, не доглядел именно он.

– Да, мы даже получили радиogramмы из Свердловска и Ленинграда о том, что этим людям можно у нас тут работать, – кивнул Иннокентий. – Я сам подписывал бумаги о допуске их к работе.

– А почему шайка студентов, что занимаются такой незаконной добычей золота, хуже, чем шайка бывших зеков? – поинтересовалась Елена, осторожно проверяя уровень лекарств в капельнице.

– Да это... – Василий потёр плечо. – В общем урки они народ бывалый и отлично знают, когда можно огрызаться, а когда надо поднять лапы вверх и орать на всю тундру «не стреляй, сдаюсь». К сожалению, студенты таким разумением не грешат – у них просто опыта житейского нет. Зато есть оружие и понты дешёвые – с ними по-хорошему не всегда выходит.

– Так-так... а вот те кто там под видом поисковиков «полой Земли» работал, они очень продуманные и опытные.

Кстати, я нашла там интересную вещь – кружку с томатным соком сухарями и луком...

– Твою то мать... Никак маркиз Помидор? Это же его любимое блюдо, – вскинулся Василий.

– Кто? – удивился Бегемот.

– Маркиз Помидор, он же Бонифаций Иванов Павлович, 1920 года рождения – бывший геолог, что активно специализировался на незаконных раскопках и добыче разного рода полезных ископаемых, – объяснила Елена. – Очень грамотный и умный тип... был. Гонялся не просто за золотом, серебром и драгоценными камнями, но часто и более интересные вещи откапывал – например, вернул в Зоологический музей Ленинграда три десятка зубов акулы мегалодона, которые украли во время Революции. В Свердловске помогал откапывать останки слонов и бегемотов в области. Так же привёз и передал во Владивосток череп саблезубого тигра – в общем, этот парень был достаточно известным и уважаемым человеком. Хотя повторяюсь, он давно был на примете как любитель «копнуть чужого». Да и с костями у него не всегда всё хорошо было – например, мы знаем, что он приторговывал мамонтовой костью с контрабандистами. А в Германии ухитрился найти и продать за границу скелет кита-базилозавра, что бы привезён из США ещё до Первой Мировой, да так и остался там лежать.

– Прозвище получил за патологическую страсть к томатному соку с сухарями и зелёным луком – обожал сие дело,

готовил и ел, где только мог. Своего рода это его визиткой было... Надо же. А вы уверены? Томатный сок с луком много кто любит.

– Уверенна. Один из черепов, что находился в вашем море – принадлежит ему. Я его по зубам, точнее по пломбам, опознала. Видимо он решил «рвануть золотишка»....

– И в итоге погиб тут... – Иннокентий положил золото в мешок. – Плохо. Если есть промышленное золото, то его явно прикажут добывать.

В целом это ничего хорошего не сулило – добыча золота опасна тем, что привлекает к себе кучи народу самого разного типа – не обязательно простых работяг. Могут прибыть простые искатели «лёгкой наживы», преступники и вообще – куча самого мутного народа, что надёжно парализуют работу «Плутонии».

Василий и Бегемот тем временем развязали второй мешок.

В нем оказалась куча какого-то совершенно непонятного мусора – ржавые куски металла, деревянная труха, истлевшие частички ткани...

Наиболее выделялась странная фляга с длинным узким горлышком, сделанная из панциря черепахи – она была грязная, но вполне нормальная, явно не пострадавшая от времени.

Так же в мешке нашлась целая пригоршня свинцовых шариков.

– Да это же пистолеты старинные – ещё пороховые, – проговорил Василий. – Ну, те, у которых надо было порох на полку сыпать, чтобы они выстрелили! Вот эта фляга – пороховница. А эти шарики – пули. Что они тут делают?

– Грот рассказывал нам, что тут ещё во времена его прадедов, шастали какие-то поисковики. Уж не золото ли и они искали?

– Меня больше другое интересует – почему это оружие в таком состоянии? Смотри, оно проржавело насквозь и покрыто какой-то пылью. Даже если бы оно на поверхности валялось, то вряд ли бы в такую негодность пришло.

– Может быть, его из пещеры вытащили? Там ведь пробитая пещера была. Огромная, такая – тоннель метро спокойно запихать можно. Вы что, разве его не видели, когда приезжали за останками? – проговорила Елена, отсоединяя и выдёргивая из локтя иглу от капельницы.

– Пещеры? Там не было никакой пещеры, – покачал головой Иннокентий, и галантно помог Елене забинтовать локоть. – Да и что бы разворотить склон горы до отверстия таких размеров – это нужно было не меньше центнера взрывчатки.

– Да как так? Я сама же его видела. Можете у Павла спросить. Там полгоры разнесено – и видно, что это был свежий пролом. Там даже дорога была расчищена, что вела к нему, широкая, на тракторе заехать можно. Наверняка в этой пещере эти охотники за золотом и нашли всё это... – Елена

повернулась к «Орангу» и всмотрелась в маленький, с кулак, экран, по которому ползли странные полосы и точки. – Хм... Ничего не понятно. Ладно, Иннокентий, я попрошу остаться вас. Мне сейчас нужно будет рассказать вам нечто очень и очень важное...

...Иннокентий выслушал Елену молча, ни разу не перебив. Он сидел за столом, постукивал по золотым самородкам пальцем в перчатке и, прикрыв глаза, слушал и слушал...

– Это очень странно, – наконец проговорил он, когда Елена, закончив свой рассказ, глотнула порядком остывшего чая. – По вашим словам этот келе – о котором нам говорил Грот – совсем не выдумка, и существует? И это очень большое существо, способное противостоять огнестрельному оружию?

– Причём не просто противостоять – оно практически не обращает внимания на боеприпасы моего оружия, – Елена показала на ОКВ, что валялся под столом. – А это значит, что ни один вид огнестрельного оружия, что есть у вас в посёлке, ему не повредит. Более того – оно использует в качестве оружия непонятное наркотическое вещество. Да и само по себе достаточно сильно, чтобы снести любое строение, которое вы используете. А если от него забаррикадироваться, то оно отравит нас, своим непонятным химическим оружием... я сумела убить келе только благодаря складу взрывчатки. Кстати, очень странной взрывчатки... Вот, что это?

Иннокентий взял обрывок навощенной ткани срезанной с

пашки «Камнелома» и внимательно прочитал надпись.

– Очень странно. Эта взрывчатка была нам доставлена пять лет назад, для проведения взрывных работ в одном из приисков. Однако из-за ошибки – перепутали накладные, нам поставили взрывчатку для горных работ. Для наших целей она не годится – невероятная мощность.

– Это американская взрывчатка.

– Да, видимо по ленд-лизу поставили. Кстати, очень странная штука – нам в лаборатории сказали, что минеральное связующее этой взрывчатки очень редкое. Добывается только в одном месте США. Как я понял, у нас в СССР ничего подобного этому минеральному веществу просто нет. Поэтому мы и перешли на более доступные нам виды взрывчатки.

– Хорошо. Я нашла там почти два десятка килограмм этого взрывчатого вещества. Как оно могло попасть к «трясунам»?

– Да что тут думать? Понятно, что без помощи кого-то из моих людей такое сделать невозможно. Кто-то в поселении с этими нелегальными добытчиками золота плотно работает.

– Но передать такое количество материалов без ведома ваших завхозов невозможно, – Елена подняла ОКВ, положила на колени, отсоединила стволы от цевья и посмотрела через них на лампу. – У них там были припасы, домики для жителя, радиостанция... Кстати, радиостанция – явно не то, что можно получить у вас под видом списанного материала. Как-

то её сумели провезти и собрать. Скорее всего, её привезли под видом грузов.

– Хм... Это надо у Бегемота спросить, – посмотрел в потолок Иннокентий. – Всё ведь через него шло.

Елена отсоединила от ОКВ рукоять и, взяв кусок ткани, стала протирать оружие.

– Как думаете поступить с тем, что я вам поведала? Особенно с месторождением золота.

– А что тут думать? – пожал плечами Иннокентий. – Нужно найти это место и взорвать его уже нашей взрывчаткой. Запечатать его навечно, чтобы эти твари, кем бы они ни были, не сумели выбраться наружу. Чёрт с ним, с золотом. Не стоит оно таких угроз. Я опасаясь того, что вы мне поведали – ведь мы столкнулись не с простыми существами. Я не думаю, что оно там было одно. Хэсты всегда говорили, что этих чудовищ – несколько. Теперь я им верю...

– Особо вы им не верьте. Они могут и сами не представлять, что это за создание, – Елена отложила тряпку и несколькими уверенными движениями собрала ОКВ. – Они считают этих существ мистическими жителями из их мифов и легенд. Но я уверена, что это не так. Эти келе – они какие-то животные. Странные, необычные, но животные. Только так можно объяснить, что их редко видят и редко сталкиваются. Они живут, где-то в горах, вполне возможно, что в в жекаких-то пещерах, и очень редко выбираются на поверхность. Вот почему их не видят, и относят не к жи-

вым существа, а к демонам.

– А наши «трясуны» и Маркиз Помидор их спровоцировали.

– Да. Только пока я в толк не могу взять, чем именно они заставили этого монстра напасть на них. А ведь он явно их атаковал – сначала отравил своим наркотическим оружием, а уже потом, как я думаю, съел их трупы.

– Хм... Считаете что он и меня с моими парнями мог сожрать?

– Да за милую душу.... Приедь вы в немного пораньше – то вас, скорее всего, тоже бы нашли в виде скелета... – Елена покрутила прядь волос в руках. – В общем, я с вами согласна в том, что мы должны закрыть нору этих существ. Но я попрошу вас не «бежать» впереди паровоза. Мне надо изучить это существо, понять, что же ждать от него. Да и вообще – надо бы узнать, кто это такие. Мне очень не нравится их поведение – оно очень странное.

– Хорошо. Всё равно сразу мы сделать ничего не сможем – мне нужно найти для вас надёжных парней, что не испугаются этих существ. И нужно найти для вас взрывчатки... – Иннокентий посмотрел на Елену и обёртку от шашки взрывчатки, что она крутила в пальцах. – Этот «Камнелом»... я вижу, вы что-то пытаетесь о нём спросить?

– Не знаю... Зовите меня безумной дурой, но я как-то убеждена, что эти существа и эта взрывчатка имеют какую-то связь... Не могу сказать какую. Просто знаю это.

Странно, да?

– У нас, геологов, есть такое понятие как «чуйка». Знаете, иногда смотришь на дохлый ручей или обычную гору... Ничего необычного или странного там не. Но «чуйка» говорит тебе иначе... Она говорит – «вон там есть что-то полезное». И если ты не проходишь мимо, то находишь что-нибудь. Именно это мы называем «чуйкой», и доверяем этому. – Иннокентий прикусил губу. – Так что я не стану поднимать вас на смех. Я вам доверяю. И очень.

– Благодарю, товарищ главный инженер... Я постараюсь найти что-нибудь. А вы – первым делом, проверьте склады – мне нужно знать, сколько у вас этого вещества – «Камне-лома».

– Хорошо. Кстати, что это за место такое – Новый Квакер?

– Это такая местность в штате Техасе. Можно сказать дикий край. В США есть такие заброшенные местечки, о которых известно только то, что они есть. Там народ живёт очень... угрюмый – почти как сибирские староверы или греческие отшельники. Мидвест – это единственный крупный город в этих краях. (Новый Квакер и Мидвест – выдумка автора. В реальности ничего подобного нет). Они редко что-то производят и живут в основном «плодами рук своих натруженных». Ни электричества, ни телефонов – никаких новейших средств связи или изобретений.

– Хм... Однако это не мешает им создавать взрывчатку. Да ещё такую мощную.

– Не мешает. Религия редко мешает убивать друг друга. Скорее даже поощряет.

«Егерь» – этот тип боеприпаса был самым простым – его «пуля», если можно так назвать сие дело, представляла из себя пулю Блондо (Пуля катушечного, недеформируемого типа, с обратной стреловидностью – в переводе на русский – пуля напоминает песочные часы по своему строению – не является боевым боеприпасом – исключительно охотничий, для гладкоствольного оружия. Примечание автора). При стрельбе по мишени в виде стандартного армейского бронезилета – не сумела пробить даже титановых пластин.

Вместо этого она выломала бронезилет из крепления, и «впечатала» его в стену тира с такой силой, что трое крепких мужчин с трудом выдернули бронезилет из бетонной стены. В общем да... бронезилеты эта пуля не пробивает...

«Индра» – этот тип боеприпаса тоже был интересен – по сути дела бронебойный заряд, для пробивания бронезилетов. По виду – хорошо сбалансированный стреловидный патрон. Настолько необычный и примитивный, что мы допустили ошибку – выстрелили этим боеприпасом, не проверив его содержимое – в итоге оказалось, что внутри этого боеприпаса содержится некое взрывчатое вещество – пуля прошла насквозь повешенный на стенде бронезилет и взорва-

лась внутри стен тира, полностью разрушив участок стены и пулеулавливающее покрытие (Пулеуловитель – мешки с песком или пробкой, чья задача «ловить» пули в тире, не допуская рикошета. Примечание автора).

«Подвальная Смерть» – боеприпас с медной пудрой. Этот тип боеприпаса сейчас используют наши доблестные копы для выбивания дверей при штурме – один выстрел таким боеприпасом в упор вышибает даже самую прочную дверь, причём, в отличие от простых пуль – исключается риск получить в нос рикошетом своей же собственной пули. Помнишь случай с гангстерами, что пытались ограбить наш военный склад в 1966 году? Они попытались открыть замок на двери – выстрелив в него. Пуля отрикошетила от дужки замка из закалённой стали и наповал убил одного из них. Вот интересно – для чего оперативникам Биоинститута таскать такое странное оружие? Не могу понять, хот ты тресни.

Да ещё и название то такое – «Подвальная Смерть»... В подвалах такой боеприпас, кстати. Самый что ни на есть хороший – в темноте не надо особо целиться – выстрелил в направлении, примерном, противника, и все дела.

Кстати, мощность у этого оружия очень велика – мы разнесли им три двери разного типа, когда испытывали. Так же сумели проломить стандартную панельную стену дома, которые у нас в США строят по «сто штук за четверть доллара»...

«Горыныч» – боеприпас, в котором (нет, ты только вдумайся) – там фосфорная картечь! Причём очень странная

штука – она загорается не в момент выстрела, а спустя пару-тройку секунд – то есть, вылетев из ствола ОКВ, эта штука вспыхивает и превращается в огненный шар, что попадая в цель, накрывает её липким слоем пылающего фосфора.

Понятно, что от такого боеприпаса не спасёт ни один бронежилет – так что перед нами оружие очень мощное и смертельно опасное, что ни говори. Не могу понять, на кой леший русским оно понадобилось? Все наши (да и советские) виды вооружения, по сравнению с ОКВ смотрятся как мушкетеры Войны за Независимость, рядом с автоматом Калашникова... Не знаю, откуда и где Биоинститут взял такое вооружение, но если это изобретено ими, то русские опередили нас в военном направлении на несколько десятилетий – оружие без отдачи, взрывчатка вместо пороха, неразборный корпус, скрытый предохранитель... Да мы просто мечтать можем о таком – а ведь всё это в СССР сделали в те годы, когда наши «яйцеголовые» пытались соединить кучу запчастей от «Колокольчика» (прозвище «M1 Garand» полученное за характерный звон, с которым пустая пачка из под патронов, выбрасывалась из винтовки. Примечание автора) с запчастями от советского АК, что бы получить М-16... А русские уже создавали такие шедевры военного творчества!

Удивительно то, что такое оружие было только на вооружении Биоинститута... Странно всё это.

Завтра мы попытаемся вскрыть корпус ОКВ и узнать, что там спрятано. Проверим его механизмы.

И... знаешь мой друг, там есть одно мрачное обстоятельство, которое не даёт мне никакого покоя. Нечто, о чём я умолчал в своих отчётах. Нечто странное и непонятное...»

Автор записки – полковник армии США Франк Маршалл.

Елена открыла глаза и несколько долгих секунд всматривалась в совершенно незнакомый, добротнo покрашенный, потолок, освещённый солнцем. Сев на кровати, она отбросила одеяло и потёрла правый бок.

Голова сильно кружилась. Во рту была мрачная сухость и такое ощущение, словно вчера она жевала целого ежа. Однако перед глазами перестали кружиться круги, да и действие стимулятора, для очистки организма, определённо прошло.

Вчера, вытолкав Иннокентия за дверь, Елена сделала себе несколько уколов особого вещества, что ускоряло очистительные процессы организма – вкyпе с капельницами глюкозы и витаминами, это неплохо поддержало её.

Сев за стол. Елена вчиталась в показания «Оранга», одновременно сделав анализ крови – тот показал, что активные наркотические вещества в её теле «связаны» и нейтрализованы. Чем бы она не надышалась от келе – это вещество уже не несёт вреда её организму

Так же «Оранг» установил, что отрава, которой дышал келе, была биологического происхождения и по своему составу была больше всего сходна с биологическими алкалоидами, встречающимися у некоторых видов животных и растений

как средство самозащиты.

Алкалоид келе вызывал паралич нервной системы, причём его воздействие было схоже с ЛСД – яркие галлюцинации, окрашивание окружающего мира в радужные и контрастные, полутона – и, в конце концов – смерть.

Причём это вещество очень плохо растворялось в крови – «Оранг» обнаружил эту отраву в пробах, взятых из головного мозга, в останках медведя и оленя. Кстати, концентрация сего вещества была феноменальной – в крови содержалось больше наркотических веществ, чем в ста граммах героина или иного наркотика. Только то, что отраву слабо растворялась в крови, позволяла отравленным ей бедолагам не помереть на месте, а двигаться и общаться хоть какое-то время.

В крови Елены, кстати, этот странный алкалоид тоже был, но благодаря тому, что она вовремя накачалась лекарствами их химического боезапаса Биоинститута и поставила три капельницы с физраствором и глюкозой – эффект сего алкалоида был минимальным, и быстро сошёл на «нет».

На всякий случай Елена сделала ещё пару уколов вещества, что вызывало ускоренную очистку организма, и, накинув халат, отправилась в душ.

...В душевой былолюдно – там сидело несколько женщин, что кроме собственно мойки, занимались и стиркой – Елена и сама часто так делала – простирать майку или футболку в душе куда быстрее и проще чем организовывать для сего богоугодного дела целую ванну.

– О да это наша Старшая Лейтенант, – проговорила отчаянно намыливающая себя молодая женщина. – Привет, меня Варя зовут. Я нашему Алхимику, начальнику лаборатории, помогаю. Тебя вчера не видела, но сегодня, уж ты мне поверь, про тебя много чего интересного рассказали – аж страшно становится.

Елена присмотрелась к Варе – молодая женщина, лет двадцати восьми, волосы тёмные, как и глаза. А вот лицо явно имеет какие-то восточные черты – глаза миндалевидные, нос курносый, да и скулы широковаты.

На теле не было ни единой татуировки, или шрама, если не считать странных отпечатков на бёдрах и низу живота и красивой цветной татушки – цветок вишни на плече. А вот руки покрыты следами от ожогов – причем, судя по форме и цвету – от каких-то химикатов.

– Меня зовут Елена Иванова, – представилась Елена, вытаскивая мочалку и мыло. – Вы лаборантка? Руки вон все в следах от ожогов

– Ого... Смотри-ка, настоящий Шерлок Холмс, – фыркнула Варя, и принялась смывать пену с головы. – А что ещё можешь рассказать такого необычного обо мне?

– Немного... только то что вы родом с Дальних Курил. Какое-то время были знакомы с японскими рыболовами. Но учились во Владивостоке а, сюда приехали полгода назад, – улыбнулась Елена.

– Эм... – Варя отшатнулась так, словно Елена прямо у

неё на глазах, превратилась в хинноэмма, и заявила о своём желании немедленно приступить к трапезе. С Варей, в роли главного блюда. (Хиноэмма – горный суккуб, или горная ведьма из Японии – кровожадное чудовище-насильник что нападает в виде ужасной старухи на молодых девушек, дабы высосать из них их красоту и молодость. Примечание автора).

– Татуировка на плече – только японцы так помешаны на вишнях, что накалывают их в цвете. Кроме того ты выбрита снизу, – Елена указала пальцем. – Эту моду из Японии привезли. (В Японии «зону бикини» наголо выбривали только юдзе – женщины торгующие своим телом – из-за обилия некоторых видов насекомых на этой самой зоне. Приличные женщины должны были пренебрегать стрижками в этой части организма. Из Японии мода на «гладкое тело» неожиданно для всех, «растеклась» на США и СССР. Примечание автора). На теле заметны следы загара – в этой местности загорать, да ещё без одежды, явно не полезно для здоровья. Во Владивостоке же «дикарей» и их пляжей много – там есть, где развлечься. Правильно?

– Ну...было дело, что уж тут, – скривилась Варя. Но на Елену начала с откровенной опаской посматривать.

– Что это у вас за следы такие? – Елена ткнула в странные отпечатки на теле женщины и стала намыливать голову.

– Осьминог насильничать пытался.

– Кто?!

– Осьминог. Я в море купалась, а тут он меня – цап за ногу своими щупальцами и давай лапать. Чуть не утопил... Держал, главное одним щупальцем – а вторым... скотина похотливая. Точно видимо мужик попался у них одних такие мысли и привычки, – Варя указала на свои странные шрамы. – Держал меня крепко. Я билась, пыталась вырваться – да куда там, с тем же успехом могла бы попробовать трос стальной порвать.

– Хм...

Елена знала, что головоногие моллюски – очень сильные существа, и, напав на неподготовленного купальщика, могут его утопить достаточно легко и быстро. Но это в случае нападения на растерявшуюся жертву, а не на опытного пловца, умеющего обращаться с головоногим. Чаще всего человек, которого сцапал осьминог – просто тонет захваченный врасплох. Согласитесь, если вокруг вашей ноги совершенно внезапно обовьётся холодное пульсирующее и очень длинное щупальце, то риск захлебнуться очень велик.

– А потом он меня давай лапать, – с усмешкой продолжила Варя. – Причём, как видно, профессионально лапал. Явно со знанием дела. Знал где и куда залезть...

– Это вы на него напраслину зря наводите, – усмехнулась Елена, смывая мыльную пену с волос. – Осьминог обычно ищет в складках человеческого тела всякие вкусняшки – там моллюсков, крабов или ещё что. Насиловать он никого не собирается...

Варя взяла мочалку и начала тереть спину Елены.

– Да мне как то по барабану, чего он хотел, а чего нет – главное ведь мог. Я тогда долго боялась, что забеременею от него. Ночами не спала пока «дни» не начались – никогда ещё их с таким облегчением не встречала. Гадкое животное, что ни говори. Видела хоть раз таких? С сильным волнением проговорила она – даже забыв, что к Елене следует обращаться на «вы».

Елена вспомнила бездну Тихого Океана и всплывающие из неё глаза исполинского кальмара – каждый глаз был больше её тела.

– Много видела таких... И больших и маленьких. Кстати, вам особо боятся нечего было – осьминоги чаще всего не так как мы размножаемся. Один вид осьминогов может даже отделять своё щупальце, что бы оно плыло по волнам и само искало самку, дабы оплодотворить.

– Хм... что, настоящий плавучий...

– Ну да. Вот так бывает, – улыбнулась Елена.

– Кстати, ты очень произвела впечатление на наших парней, уж поверь...

– Это верно, товарищ старший лейтенант, – прогудела полноватая женщина, что как раз смывала с головы снопы мыльной пены. – Парни вчера только о тебе и рассказывали – как ты через тундру тащила Павла, на самодельной волокуше. А потом Вилку наземь бросила... Ты можешь себе представить, Варя – Вилку, который нас всех тут достал своими

сказками о том, какой он жёсткий парень умеющий в дзюдо, эта тощая белобрысина шваркнула о землю так, что у того только искры из глаз посыпались – Серафим и Гена-Копоть видели.

– Здорово! – усмехнулась Варя. – А ты, тётя Эвелина, что вчера так поздно пришла? Что там, в радиорубке случилось? Ты обычно обеды уже к десяти растаскиваешь по постам... Тётя Эвелина, старший лейтенант, у нас ночные вахты и дежурных кормит-поит.

– Да Гавриил там со своей радиостанцией замаял всех – говорит, что какие-то мощные помехи в радиосвязи появились – понять не может что – вчера до двенадцати ночи сидел, настройки крутил, да сигналы «чистил». Только ничего не смог. А Алхимик твой что? Чем вчера занят был – свет горел почти до утра.

– Он вчера до утра с какими-то пробами работал. Да с Бобром нашим лаялся. Тот что-то нервный бегаёт, ругается на всех. Так что ты смотри – если что, то под руку Бобру не лезь. А то прилетит, промеж рогов. Сегодня сяду снова пробы, что парни с пятого участка прислали, чистить... Только позавтракать сначала надо, а то сидеть тут с голодухи – не особо интересно.

...В столовой было тихо – Елена специально подгадала время, что бы основная масса народа успела поесть и покинуть здание – привлекать к себе особо пристальное внимание она ну никак не хотела.

Однако в столовой обнаружился и Серафим. Он лениво ковырял картофельное пюре с котлетой, и выглядел жутко помятым.

Но Устрицы преклонных лет

Не выплыли на зов.

К чему для странствий покидать

Страну своих отцов?

Ведь можно дома в тишине

Прожить в конце концов.

А юных Устриц удержать

Какой бы смертный мог?

Они в нарядных башмачках

Выходят на песок,

Что очень странно – ведь у них

Нет и в помине ног.

– Приветствую вас, – помахал он рукой Елене. – Как выспались?

– Спасибо, омерзительно – Елена поставила поднос с завтраком – яичницей, бутербродами с колбасой и несколькими ломтями хлеба с маслом и сахаром. Украшал всё это стакан чая. – Никто больше в эту Долину Поющих Флейт не гонял? А то мне как-то не по себе от того, то я там видела.

– Как только мы подобрали вас, и Павла, то немедленно дёрнули назад, в посёлок. Таков был приказ, приказ Иннокентия. Так что никто туда особо не катался – и, говоря по

правде, не шибко рвётся. По посёлку бродят слухи о том, что в этой долине завелись привидения. Ночью, как мне говорят, у парней, да и не только, были кошмары. А собаки ведут себя странно...

Елена вспомнила, что в момент её сражения с келе – ветер дул от гор в сторону посёлка – неужели это странное наркотическое оружие донесло до посёлка? Но это, же немислимо – что за отрава такая, способная не терять своей силы даже разносимая на десятки километров?

– Я тут вот о чём думаю – проворчал Серафим. – Мне не даёт покоя та дыра в скалах, которую вы и Павел видели. Вчера я сходил непосредственно к Павлу и тот мне её описал, как следует.

– Он что, пришёл в себя?

– Ага. Говорит, что ничего не помнит и всё такое... но мы то знаем, что он на вас напал из-за золота, – Серафим проговорил последние слова совершенно будничным тоном. – Такова уж Природа «золотого дьявола», сводить с ума... Иннокентий попросил вас подписать пару бумаг о том, что Павел себе голову разбил при падении.

– Подпишу – не вопрос, – отмахнулась Елена и отправила в рот кусок яичницы.

– Точно? Осмелюсь напомнить, что он на вас напал и пытался убить... – Серафим понизил голос до полушёпота, – вы сейчас фактически его задницу вытаскиваете из очень крупных проблем.

– Это мои проблемы, не думаете? – мило улыбнулась Елена, отпивая персикового компота. – К чему ломать жизнь парню.

– Ничего себе... говорите, так, словно он вас не пытался из-за этого золота ухлопать.

– Товарищ Серафим... Если вы думаете, что мне не доводилось видеть ранее ничего подобного – то вы сильно ошибаетесь. Алчность творит с людьми жуткие вещи, и уж кому как не мне это знать... Что до Павла... ну не сдержался он... Что теперь, ему жизнь из-за этого ломать? – Елена отставила стакан и стремительно расчленила котлету. – Лучше расскажите мне, что там вам по поводу той пещеры не понравилось?

– Ну... Павел описал мне её размеры, характер разлёта осколков и всё такое... И я вам могу сказать только одно – это всё странно. Мне надо увидеть этот пролом самому. Полагаю, что когда Иннокентий выдаст разрешение, то я смогу отправиться туда и глянуть на этот пролом своими глазами.

– Хм... Надеюсь, что я сумею вам составить компанию, – проговорила Елена, делая глоток компота. – Слушайте, Серафим. А чего вам так нравятся эти стихи – ну «Морж и Плотник»?

– Да я разные стихи люблю, – поговорил Серафим. – Просто эти попала на язык, когда вы прилетели. Вот и всё...

– Хорошо, тогда сейчас я позавтракаю... И не поможете мне кое какое оборудование у ваших химиков получить?

– Конечно.

...Лаборатория была расположена на втором этаже и оборудована по последнему слову – Елена никак не ожидала увидеть в заполярье базу с таким современным оборудованием.

Сам начальник лаборатории был весьма представительным мужчиной, с гривой седых волос, золотыми очками, и несколько надменным выражением лица. Елена и Серафим нашли его в его кабинете, где он подписывал какие-то бумаги.

Увидев его, Елена выпучила глаза, и, с трудом, сдержалась от того, чтобы наброситься на Алхимика и, заломив ему руки выше головы, сдать Василию и Вилке. Кое-как переборов свои инстинкты и убедившись, что Алхимик не узнал её, Елена спокойным голосом надиктовала список химических веществ, нужных для её работы, и приборов. Чисто для проверки добавила в список ещё одно – совершенно бесполезное для её работы.

Начальник лаборатории спокойно (даже не задумавшись для чего Елене нужен аммиак и бертолетова соль) подписал её запрос, после чего принялся рассматривать, уже с чисто мужским интересом.

– Как я понимаю, именно вы нашли то самое самородное золото, товарищ старший лейтенант? Могу вас поздравить – в наших краях мало кто может похвастаться таким достижением, – проговорил он. – Кстати, золото я обследо-

вал, взял с него соскобы, и поверил на наличие отравляющих веществ...

– И?

Алхимик потёр сухие ладони, тем же самым до боли знакомым Елене жестом, которым он потирал руки тогда, в блокадном Ленинграде, когда готовился проверять на качество золотые коронки умерших людей и стягивать с отсечённых пальцев мертвецов кольца.

– В общем не моё дело это, закладывать своих друзей... Но есть то, что вы должны знать. Я могу рассчитывать на то, что вы не будете трепать моё честное имя, если я вам кое-что расскажу?

– Нет. В КГБ нас учат, что источник информации надо беречь пуще глаза своего.

– На золотых слитках обнаружено какое-то вещество, что... Можно без официоза? По простому?

– Конечно.

– Короче – золотые слитки покрыты какой-то чёртовой дурью или ядом. Я положил один самородок в клетку с лабораторными крысами – они пробежались по нему несколько раз, затем стали вести себя неадекватно, а дальше померли. Сейчас мои помощники изучают тушки, но уже понятно, что речь идёт о каком-то мощном веществе, что смертельно для нервной системы. Нервно-паралитический яд, если быть точнее, – Алхимик снял очки, положил на стол и стал тереть переносицу. – В общем, дела...

Елена скосила глаза на очки что как раз лежали под настольной лампой, чей абажур был сделан из обычного медного листа, методом грубойковки – были заметны следы молотка и грубые швы от сварки. Свет лампы падал прямо на очки, и было хорошо видно, что стёкла в них прозрачные, не линзы. (Линзы очков немного искажают свет – поэтому тень от очков с линзами – мутная. А с простыми стёклами – прозрачная. Примечание автора).

– Утром ко мне пришёл наш главный врач. Бобров. Он потребовал у меня справку об этом веществе. Ну... в общем он считает, что вы находитесь под действием наркотика и ваши поступки и дела могут быть не совсем адекватными. Собирается, видимо, написать на вас жалобу вашему руководству с требованием снять вас с этой должности и отстранить от расследования. Я ему пытался объяснить, что такая штука может ему обойтись «раком», но походу он уже закусил удила так, что и слушать ничего не хочет, – Алхимик вздохнул и нацепил очки. – Лично я ещё не настолько обезумел, что бы «бодаться» с вашим КГБ из-за какой-то тупой глупости. Так что считаю своим долгом вас предупредить. А то мало ли что? Учтите – Бобров всерьёз хочет сделать из вас наркоманку, которой от всякой дури мерещатся какие-то чудища и демоны... Так что имейте в виду.

– Хорошо, учту. Спасибо, – Елена мило улыбнулась Алхимику. – А что можете сказать о золоте, что я нашла
– Хм... Минутку.

Алхимик встал и, повозившись с сейфом, открыл его.

Затем вытащил оттуда кулёк из промасленной бумаги и – с явной натугой, приподнял и положил на стол. Судя по натужному скрипу стола – самородок в кульке весил явно не пару кило, а куда больше.

– Вот... кстати, у него очень большой вес – у тех самородков, что мы находили, такого веса не было.

– Что это значит?

– Ну... видите ли, в Природе чистое золото практически не встречается – даже в песке золотом есть примеси минеральных и органических веществ – при переплавке это хорошо заметно. Самородки тоже имеют включения посторонних веществ – это нормально. О весе золота можно судить только после его переплавки и фильтрации, – Алхимик достал из стола пару тонких резиновых перчаток. – Поэтому самородки могут иметь самый разный вес. Но – золото очень тяжёлое. Не читали сказку Бажова о бабке Синюшке?

– «Малахитовая шкатулка»? Конечно, читала – помню, как там Илья отказался от предложенных этой самой Синюшкой – хранительницей горных богатств, множества золотых слитков размером с буханку хлеба, сказав, что ни один человек такое не снесёт. Что, кстати, логично золотой слиток размером с ковригу хлеба будет весить почти пятнадцать килограмм. (Под ковригами следует понимать круглый хлеб, не буханки. Примечание автора), – усмехнулась Елена – А так же я читала, что основным отличием пирита, он же «зо-

лото дураков», от настоящего золота является его вес.

– Не только вес, но и плотность... Знаете, это как потрогать гранитную плиту и металлическую плиту – определить камень от металла всё же можно. Многие наши ребята, что тут работают, умеют на ощупь различать разные виды камня – наострились, за годы работ. Так вот – эти странные самородки имеют вес максимально близкий к весу золота. И плотность аналогичную. По крайней мере, она выше, чем плотность свинца. Даже чистого. (Плотность свинца почти в два раза меньше, чем плотность золота – так что золотым слитком колоть орехи смог бы только очень мощный и сильный человек. Примечание автора). То есть это самородное золото высочайшей – невероятно чистой, пробы.

– Но у него странная форма... Я никогда не слыхала о том, что где-то может, встречаться золото подобного вида, – проговорила Елена, глядя на золотой самородок.

При ярком освещении самородок выглядел ещё более непрезентабельно – кучка галечного камня, что слиплась в бугристую массу размером чуть ли не с боксерскую перчатку. Впечатление портил только густой, сочный золотой цвет и какое-то внутреннее сияние которое Елена видела только у хорошо отполированных золотых слитков.

Сияние притягивало к себе взгляд – казалось, что кто-то отломил кусок солнца и положил его сюда, на стол, что бы можно было погреться в его сиянии. Становилось понятно, почему золото было почитаемо у многих народов Земли –

обладать золотом, всё равно, что обладать частью силы Солнца...

– Вы уже делали его анализы или исследование?

– Пока нет. Иннокентий меня попросил помалкивать о золоте и вообще – распусть слухи, что это пирит или какая-то подделка. Честно говоря, я его понимаю – если все бросятся туда искать золото... Мы, ведь даже не знаем, что там творится. Да что там... одного того яда, который я удалил с этого золота хватит что бы убить всех жителей посёлка. Да и вообще... – Алхимик снял очки и, облизывая губы, стал нервно протирать их платком. – Если на этих самородках яд, то значит, есть и тот, кто этот яд произвёл и распылил. Логично?

В дверь застучали – Алхимик едва успел убрать золото на пол, а затем в кабинет вломилась невысокая девушка в белом халате.

– Товарищ старший сержант! У нас беда! – девушка кинулась к Елене и судорожно вцепилась ей в воротник. – Беда! Беда!

Судя по её широко распахнутым, обезумевшим глазам, она и находилась на каком-то шаге от истерики – губы дрожали, её трясло отс трудом сдерживаемого истерического смеха.

Елена отстранила её и отвесила деликатную пощёчину. Девушка отшатнулась, хриплый вдох, прижала руку к щеке и глубоко вздохнула.

– Спасибо... я уж думала...

Алхимик, молча, полез в стол и передал гостье небольшую кожаную фляжку, из которой ароматно пахнуло коньяком.

Девушка сделала глоток и немного успокоилась.

– Товарищ старший лейтенант... Елена... Бобров пропал.

...Искать главного врача поселения долго не пришлось – Елена приказала ничего не трогать в его кабинете, а сама, вместе с Серафимом, направилась к себе в комнату, что бы там оставить химикаты и переодеться. Ну и захватить кое-какие инструменты для осмотра.

Бобров обнаружился у неё в комнате. Он лежал на полу и мелко-мелко дёргался – а вокруг его шеи – жутким шарфом, обмоталось щупальце, которое Елена привезла с собой из останков лагеря «трясунов». Судя по всему, главный врач залез в комнату в отсутствие хозяйки, и слишком близко заинтересовался подозрительным свёртком, что Елена, хозяйственно, убрала в шкаф.

Шкаф, кстати, был закрыт на ключ, как и комната – но Бобров открыл и, то и другое, дубликатами ключей. Елена слишком поздно вспомнила, что согласно регламенту безопасности врачи должны иметь при себе дубликаты ключей, чтобы иметь возможность открыть дверь, если произойдёт какая-то нештатная ситуация – например, у жильца случиться сердечный приступ или ещё что – и он будет не в состоянии отворить дверь.

– Что это такое?! – Серафим выпучил глаза на щупальце.

К счастью при этом он не выронил то, что нёс в руках, а поставил на стол, и только потом подскочил к врачу.

– Да вашу-то мать! Что за детский сад? – Елена сцапала щупальце и дёрнула его на себя.

То отделилось от Боброва с такой лёгкостью, что девушка упала на спину, но тут же вскочила, удерживая оторванную конечность келе в руке.

Щупальце, очень вяло, пошевелилось, попробовало цапнуть чем-то колючим и царапучим, Елену за пальцы. И обмякло – судя по всему, даже его феноменальной живучести приходил свой срок.

Бобров, к величайшему облегчению Елены, был жив – просто пребывал в глубочайшем обмороке. Елена его вполне понимала – не так-то просто сохранить сознание, когда тебя за горло хватает какой-то мороженный тентакль...

— Скажешь кому слово без моего разрешения... – грозно прорычала Елена Серафиму. – Давай бери его и тащим вниз.

Серафим отстранил Елену, что примерялась схватить Боброва за ноги, и спокойно взвалил главного врача на свои плечи, после чего встал, и совершенно спокойно спросил:

– Как объясним его присутствие в вашем кабинете?

– Никак. Он у меня не был. Шёл ко мне. Упал и потерял сознание у дверей. Ясно? Иннокентию можешь рассказать, всё как есть. Но и только.

– Хорошо... Что это за дрянь? Щупальце? Это от той твари, что...

– Да. Понял теперь, почему я и Иннокентий не хотим, чтобы ваши парни шастали туда, где живут такие-то монстры?

– Ага... Однако живучесть у этого щупальца... Это ж сколько времени оно там у вас в шкафу пролежало? А всё же вцепилось в Бобра, когда тот полез смотреть, что у вас там...

По лестнице застучали шаги, и перед Еленой и Серафимом появился Иннокентий, в сопровождении Валентины и двух крепких ребят, похожих друг на друга, несмотря на разницу в возрасте.

– Так... – Иннокентий посмотрел на Серафима и Елену. – Вот это точно потребует некоторых объяснений товарищ старший лейтенант.

– Будут вам объяснения, – проворчала Елена. – Но сначала помогите Серафиму дотащить Боборова до медчасти. Скажите что у него нервный шок и обморок на почве глубокого потрясения. А вас, главный инженер, я попрошу пойти ко мне, для некоторой беседы...

Иннокентий растянул губы в стылой усмешке, и поглядел на Елену так, что та мигом припомнила об истории с проверяющим, которого главный инженер спустил с лестницы. Однако Иннокентий всё же контролировал себя неплохо и, кивнув, направился за Еленой.

Елена показала ему щупальце.

– Вчера я от вас утаила, что привезла с собой вот это... Щупальце одного из этих самых келе. Прошу прощения за это, – сходу пошла в атаку девушка. – Но я была вынуждена

хранить это в секрете, так как не знала – как вы отнесётесь к такому. Так что всё случившееся с вашим врачом – моя вина.

– Это да. А вот что он у вас тут делал?

– Ну... Мне уже успели сообщить, что ваш врач собирался мне ставить палки в колёса – конкретно – написать на меня донос или анонимку о том, что я употребляю наркотики и всё такое... Знаете, учитывая, что я таки траванулась этим наркотическим веществом, что распыляло это существо, у вашего врача были все шансы на успех... Ну, конечно, если бы он нашёл это вещество у меня в аптечке.

Иннокентий вздохнул.

– Да уж. Боюсь, что у вашего начальства о моём поселении создастся не самое хорошее впечатление.

– Всё нормально, – отрезала Елена. – Я сейчас займусь работой над этим щупальцем. Можно попросить у вас об одолжении?

– Каким?

– Пусть Серафим принесёт мне обед, сюда боюсь, что я буду очень плотно занята. А когда Бобров придёт в себя, то известите меня – я хочу с ним поговорить.

«Черновик записи вскрытия «Объекта Келе».

Вскрытие проводилось силами старшего лейтенанта Елены Сиротиной.

Объект представляет собой кусок щупальца некоего существа, которое местный народ называет келе – многорукое привидение-людоед, что часто нападает не только на людей, но и на животных. Объект был получен во время предположительной гибели келе – он взорвался, по непонятной причине напав на склад взрывчатки – это щупальце всё, что удалось разыскать после взрыва.

Сам объект является щупальцем, длиной в метр сорок восемь сантиметров (плюс-минус семь миллиметров). Вес – три килограмма.

Несмотря на то, что щупальце было оторвано при взрыве, оно до сих пор сохраняет подвижность – при его препарировании оно то и дело сокращалось – посему пришлось принять меры для ограничения его движений (прибить гвоздями к столешнице стола).

Кожа щупальца чёрная. Так же она покрыта огромным количеством каких-то малиновых точек. Не могу точно сказать, что это такое, но предполагаю, что эти точки имеют какое-то отношение к уникальной системе маскировки этого существа – оно становится фактически невидимым. Хотя, как я думаю, речь идёт не о прозрачности, а о цветомаскировке – существо не становится прозрачным, а просто принимает окраску окружающего мира, причём настолько точно, что без труда дублирует даже предметы, стоящие позади него. Поэтому предположительно это – хроматорфы, клетки кожи, отвечающие за изменение цвета у головоногих.

Щупальца имеют внутреннюю часть, усеянную очень острыми зубчиками, причём количество этих зубчиков, в каждом щупальце, невероятно огромное – больше пары сотен. Они все образуют довольно странный и запутанный ротовой аппарат, который в прямом смысле слова стёсывает с костей мясо, шерсть и раздирает внутренние органы и даже выскребает кости.

Судя по тому, что я наблюдала – келе просто опутывает свою добычу щупальцами и, стискивая их, «соскребаёт» с добычи шерсть, кожу, мясо и внутренности, оставляя только голый скелет. Такой способ питания в высшей мере странный, поскольку полученная таким образом пищевая масса уходит в тело по пищевым трубкам – хорошо различимым внутри щупальца сосудам, которые выполняют одну роль – транспортировки уже переработанной пищи в организм. Такой метод питания совершенно уникален – что-то подобное можно увидеть только у осьминогов, с их пищеводами, что пронзают головной мозг. Но даже у осьминогов нет ничего подобного связанного с такой уникальной системой питания – пищеводы эволюционировали в подобие вен, и растянулись на всё тело!

В этом щупальце один пищевод, соединённый с присосками-челюстями системой сфинктеров, благодаря которой перерабатываемая щупальцами пища поступает в него безостановочным потоком и проталкивается вглубь организма.

Абсолютно не представляю, для чего нужен такой метод

первичной переработки пищи – фактически функции первичной обработки пищи переданы конечностям.

Нервное волокно поражает своими размерами и сложностью – даже при помощи того инструмента, которым я располагаю (экипировка уровня В-3), можно сделать вывод, что оно в три раза больше, чем у человека. Те нервные волокна, что я смогла увидеть – они превосходят толщиной человеческие нервы. Даже с поправкой на размеры келе – он величиной со средний танк, его нервная система в несколько раз развитее, чем у человека.

Несомненно, это следствие его невероятной маскировки и странного способа питания – только это может объяснить наличие такого необычного нервного волокна – у этого существа есть нужда в крайне быстрой регулировке движения своего щупальца, питания и изменения цвета. Без малейших сомнений – именно необходимость этой координации столь разномастных требований – пищеварения, маскировки и движения, заставила келе развить нервную систему до высот, что в несколько раз превосходит нашу – человеческую.

Из наблюдений – келе был неуязвим для охотничьих боеприпасов – «Егерь» не сумел его остановить или ранить – заряды «Вьюги» просто отрикошетили от туши келе. Вне всякого сомнения, эти создания обладают каким-то необычным уровнем защиты. Непонятно как им удаётся отражать мощные боеприпасы, способные остановить и уничтожить даже

самых крупных и тяжело бронированных животных. Однако при этом – щупальца можно разрезать самым обычным скальпелем, не прилагая усилий.

Собственно говоря, трудно понять, зачем им вообще нужна такая броня? От кого они ей защищаются?

Остальные исследования придётся отложить до того момента как появится возможность передать исследуемый объект в Биоинститут...».

Елена оторвала голову от стола и прислушалась.

Тишина. За дверями было тихо... Но ведь что-то разбудило же её?

Елена стиснула кулаки и посмотрела на часы – те показали, что времени уже много, почти половина первого ночи.

За обследованием щупальца Елена провела почти весь день, и, съев принесённый Серафимом обед, а затем – и ужин, закончила работу и сев писать черновик отчёта, рухнула на стол и просто «вырубилась». Даже её организм имел пределы своей выносливости. А в поселении, в тишине зимней ночи, в прогретой комнате – спалось гораздо приятнее, даже за столом.

Но что-то разбудило её... Тихий шорох? Или лязг металла?

Елена встала и посмотрела на «Вьюгу», вспомнив рассказы жителей поселения о том, что здесь надо держать ухо остро из-за животных, что могут пролезть в дом. Однако

белый медведь, при всей своей тиши передвижения, мигом бы провонял воздух смрадом своей шерсти и тела – в тепле они воняют как сдохший два года назад и забытый на солнцепёке кашалот. А песец вряд ли бы смог лязгать чем-то металлическим...

Елена сделала глубокий вдох и вошла в «боевой шок» – тело окатило привычным холодком, а глаза и уши, обострившись до предела, мигом вычленили из тишины, что окружала девушку, посторонний звук.

За дверью кто-то дышал, причём очень тихо, выпуская воздух через рот, чтобы его не учуяли по сопению... Он стоял точно за дверью. И... делал всё, чтобы не быть замеченным. На медведя это не походило ничуть. Тут и натуралистом не надо было быть...

Елена посмотрела на горящую лампу и скрипнула зубами – лампа выдала её с головой. Тот кто таился за порогом явно увидел тень девушки и отдавал себе отчёт в том, что она проснулась. Потому и затаился за дверью... Ждал подходящего момента, что бы забраться к ней...

Елена, шагнув к стене, подняла «Вьюгу» и тут же услышала из-за тонкой двери тихий щелчок – очень характерный, который, как правило, перепутать с чем-то было невозможно. Взводимые курки оружия.

За порогом раздался громкий хлопок, и несчастном «элементе стеновой конструкции, предназначенном для заполнения дверных проёмов», появилась громадная дырища – об-

лако картечи просто снесло дверь, раздробив её в мелкие щепки – куча щепок и дробь разнесла вдребезги стол, матрас на кровати и стакан с недопитым чаем – стрелок успел увидеть, как его цель сдвигается к стене и тут же выстрелил. К сожалению, для себя явно не успев понять, что Елена сделала это для того, чтобы защитить «Оранг», стоящий на столах у противоположной стены.

Тут же стрелок бросился убежать, что-то бросив на пол.

Вскинув «Вьюгу», Елена выскочила в коридор, проломив дверь, точнее то, что от неё осталось...

И чуть не нарвалась на пулю – стрелок использовал нехитрый трюк, которому обучали еще диверсантов Германии в Первую Мировую войну – убегал спиной назад, видимо хорошо зная коридор и не боясь упасть.

Когда Елена выскочила из дверей, то он выстрелил в неё уже из простого револьвера.

Елена увернулась от пули – та свистнула у неё над ухом, и, вскинув «Вьюгу» – тут же бросила её на пол.

Противника следовало взять живым.

Неудачливый убийца, увидев, как Елена, тигром, бросилась на него, ухватил револьвер обеими руками и ещё выстрелил – Елена успела заметить, как пуля пронеслась мимо неё, снова свистнув в ухо. И тут же прыгнула вперёд, упала на пол и, перекатившись через голову, вскочила на ноги.

Для её противника все движения девушки были невысказанными быстрыми – он даже толком не успел понять, как Елена

исчезла из-под ствола его оружия и появилась рядом!

Елена подпрыгнула в воздух и со всего маху въехала ногой в грудь противника.

В обычном состоянии она бы даже не покачнула его – здорового, крепкого мужика, к тому же одетого в какую-то толстую одежду, что амортизировала часть удара. Масса самой Елены и её противника были несопоставимы.

Однако в состоянии «боевого шока», удары Товарища-Молнии принимали воистину сокрушающий эффект, особенно когда Елена имела под ногами упор в виде пола – стрелка просто отшвырнуло от Елены – только выпавший из руки револьвер шлёпнулся на доски пола, протащило по полу и остановило, только ударив спиной в перила лестницы.

Свет лестничной лампы упал на него – это был радист, Гаврила, что помогал налаживать свет в том мрачном сарае, с останками «трясунов»... Держась за бок, он со смесью ужаса и непонимания смотрел на Елену.

– Ты смотри, какие гости у нас по ночам гуляют, – усмехнулась Елена, выходя из «боевого шока» – вряд ли радист гулял тут увешанный оружием по самые брови – даже для поселения это необычно. – Смотрю, ты кое-что понял. Правильно?

Лестница снизу загудела от топота ног – народ, разбуженный ночным салютом, мчался по лестнице. Гаврила уцепился за перила, встал и посмотрел на Елену с искаженным от ярости лицом....

А потом просто оттолкнулся и полетел вниз – через перила, в лестничный пролёт.

Елена успела его поймать за ногу, но в данном случае масса тела радиста играла против неё – он был тяжелее и увлёк её за собой – в самый последний момент Елена успела выпустить его и вцепиться в перила.

Подскочивший Серафим и ещё какой-то мужик, перегнулись через перила и, сцапав Елену, вытащили на площадку.

– Тьфу ты... – Елена оттолкнула мужичка, что продолжал держать её, чуть ли не за декольте и посмотрела через лестничный проём. – Удрал гад...

– Что случилось?

– Извини, но это я только Иннокентию расскажу, – проворчала Елена. – Включите свет!

Серафим щёлкнул выключателем – коридор залило светом.

На полу валялся револьвер Гаврилы, а у дверей Елены, точнее того, что осталось от них – странный предмет – обрез охотничьего ружья, с привязанной к его стволам рукавами обычной ватной фуфайки. Такие необычные «глушители» Елена видела только в Европе – и то, у уголовников и мародёров Румынии, что любили с таким оружием грабить мирное население. Выстрел, благодаря рукавам от ватника, получался очень приглушенный. Правда, выстрелить без шума можно было всего один раз.

– Тьфу ты чёрт, – проговорил Серафим. – Ну что за... Что

тут случилось?

– Чё-чё... убить он её хотел, что, не видишь? Какого лучшего? Что тут за муйня творится?

– Товарищ сержант... и правда, что за непонятки?

Елена влетела в свой «кабинет» и, пощёлкав клавишами «Оранга», переводя его в боевой режим, схватила «Вьюгу» и рявкнула:

– Вон!!!

Серафим, что заглядывал в комнату, понятливо кивнул и отогнал от двери всех любопытствующих.

Елена быстро содрала с себя халат и майку с трусами и, запрыгнув в «Айзек», спешно застегнула его.

Выдернув из-под кровати сумку с боеприпасами для «Вьюги», она вогнала в оружие «Подвальную Смерть» и посмотрела на Серафима так, что тот, без слов, схватился за стоящую у окна скамейку и пододвинул её к выбитой двери.

– Кто попробует зайти сюда без моего разрешения – урою, – мрачно предупредила Елена окружающих. – Серафим, у тебя оружие есть?

– Ага.

– Живо на радиостанцию. И это... труп приберите в лазарет, – схватив патронташ с боеприпасами к ОКВ, Елена побежала вниз по лестнице, а затем перепрыгнула через перила, и легко и быстро спрыгнула по ним до первого этажа и – как твоя молния, вылетела на улицу.

...Всю дорогу до радиостанции Елена молчала, воображая

себе – какие ужасы увидит там. В радиорубке должно было всегда быть трое радистов – следить за радиостанцией и принимать радиogramмы. И неизвестно, что придумал Гаврила, что бы избавиться от нежелательных свидетелей.

К счастью реальность оказалась не такой страшной – влетев в прокуренную радиостанцию. Елена, с облегчением, увидела, что оставшиеся двое радистов лежат на большом столе и шумно дышат, пребывая в каком-то непонятном то ли сне, то ли галлюцинациях – в общем, не вполне хорошо ориентируясь в реальности, но пребывая в живом виде.

Воздух был крепко прокурен, но всё перебивал аромат сала с чесноком и свежего лука.

Серафим бросился щупать пульс у спящих, а Елена принюхалась к кружкам, что стояли на столе, накрытом драной и местами прожжённой окурками сигарет, клеёнке.

Густой аромат мяты и аниса был настолько мощный, что глаза заслезились, а нос мигом прочистился. Запустив палец в кружку, Елена чуть-чуть смочила его в остатках напитка и тщательно облизала.

– А, ерунда. Он им насыпал немного опиумного настоя. Ничего страшного – если их сейчас сунуть под капельницы физраствора с глюкозой и витаминчиком С, то они уже к полудню придут в себя... Хотя, конечно, непонятно откуда он тут опиум взял.

– Где-где... – Серафим скользнул взглядом по спящим. – У нас тут почта есть. Посылки часто приходят – при нуж-

де можно что угодно заказать.... Чёрт! Он разбил лампы в станции!

Елена присела на корточки и всмотрелась в осколки, усыпавшие пол под столом.

– Да... это он явно с перепугу сделал... видимо, когда до него дошло, то он не выдержал...

– Дошло? Что? – удивился Серафим, оттащив последнего радиста на пол и тщательно укрыв его шубой.

Однако Елена уже торопливо листала журнал дежурства, в который заносили данные о техническом состоянии станции.

– Так... вот! – проговорила она и провела пальцем по листам, исписанным чернилами. – Вот. Смотри – «появление странных статистических помех». Это запись от вчера. Когда я приехала. А вот тут – указано то, что статистические помехи носят странный, упорядоченный эффект. Вот... вот тут – «забит почти весь эфир. С трудом смогли передать сообщение». А тут – «ровный «белый шум», не мешающий нам работать». Вот почему Гаврила бросился убивать меня.

– Это то, чем бы я поинтересовался... – Иннокентий вошёл в радиорубку, скрипя зубами от ярости – таким злым его Елена ещё ни разу не видела.

Главный инженер был облачён в своё неизменный серый свитер из странной шерсти, в полинявшую, немного грязную, шубу из собачьего меха, валенки и ватные штаны – и почти ничем не отличался от обычных жителей поселения.

– Мне сказали, что Гаврила напал на вас, и вы его убили.

Это так?

– Отчасти да – я его хотела взять живым, но, увы, он предпочёл не связываться со мной.

– Что произошло? Почему он на вас напал?

Елена посмотрела на Иннокентия и посмотрела на одурманенных радистов, что по-прежнему крепко спали, изредка постанывая и шевелясь, пребывая в мрачных путах опиумного дурмана. Елена подозревала, что Гаврила использовал особый тип опиумного наркотика, который погружал своих жертв в долгий и практически беспробудный сон. К счастью ненадолго – часов через пять-шесть парни должны были прийти в себя.

– Гаврила перехватил сигналы, которые генерировал «Оранг» – моя лаборатория, – честно призналась Елена, присев на стол и вытянув ноги. – Моя мобильная лаборатория, что я привезла, является и передающей станцией, что... ну... в общем я подключилась к вашей радиовышке, и передавала информацию используя её каналы.

– Интересно... А кто вам это разрешил?

– Мне пришлось действовать самостоятельно и в тайне от вас. Дело в том, что Илья подозревал, что ваша связь с внешним миром находится под контролем третьих лиц. Кстати, он оказался прав – визит Гаврилы ко мне как раз и связан с тем, что ваш радист обнаружил, что я общаюсь в Биоинституте «через него».

– С чего бы это? – поинтересовался Иннокентий, отходя

от двери и пропуская выносящих радистов людей. – Что вам известно? Откуда у вас такие мысли?

– Всё просто – перед моим вылетом к вам, Илья позвонил в Свердловск и убедился, что там ни о каких сообщениях, о том, что тут случилось, не знают. Никто не присылал депеш о том, что тут погибло десять человек – этого просто не было ни в одной радиограмме, что получали в Свердловске от вас. Остальные ваши запросы и сообщения шли без малейшего исключения, – Елена посмотрела на картину, висящую на стене радиорубки. – Так что вот. Как только это стало известно, то Илья сразу же предположил, что кто-то из вашего окружения, скажем так, скрывает информацию, не допуская её в силовые службы.

– Хм... Значит вы прибыли сюда с вашей радиостанцией, что была способна дотянуться аж до Владивостока?

– Не совсем, – Елена замялась, нервно накручивая на палец прядь светлых волос. – В общем «Оранг» подключился к вашей станции и использовал её как усилитель и передатчик одновременно. Я не могу вам объяснить, как это делается – считайте, что это секретная информация. Через «Оранг» я поддерживала непрерывную связь со Свердловским филиалом Биоинститута. Именно сигналы «Оранга» и были теми самыми помехами, на которые обратил внимание ваш Гаврила. Видимо он не сразу понял что к чему... Но как только понял, то немедленно среагировал. Побежал убивать меня и уничтожать «Оранг».

– Для чего? Это очень глупо. Неужели он думал, что можно скрыть вашу смерть и уничтожение столь странного оборудования?

Елена подошла к окну и немного приоткрыла его, вслушиваясь в тихие напевы флейты, гул голосов за стенами и лай собак.

– Полагаю, что он просто запаниковал. Знаете, он понял – если «Оранг» способен отправлять сигналы, то он способен и принимать их. С того самого мига, как я установила личности «трясунов» и Маркиза Помидора – узнать, кто из их подельников пребывает тут – было уже вопросом времени. Именно это перепугало его до смерти и он, схватив оружие, побежал меня убивать.

– Гаврила был бандит? Или «трясун»?

– Хуже. Он был одним из бойцов РОА (Русская Освободительная Армия – предатели на службе Третьего Рейха во время Великой Отечественной Войны. Примечание автора). Избежал наказания и скрылся тут, в этом месте, на Севере. Тут, скорее всего и «снюхался» с Маркизом Помидором и его покровителем. Но всё это время, как я предполагаю, жил в страхе, что его разоблачат. Ну и когда до него дошло, что я получаю информацию через «Оранг»...

Иннокентий прикрыл глаза, вслушиваясь в далёкую трель флейты, что доносилась через окно, из заснеженной тундры и кивнул головой.

Эта странная девушка с удивительными глазами была пра-

ва – только радист мог скрывать информацию и подсовывать поддельные отчёты. Само собой, узнав о существовании дополнительной станции, он запаниковал – кто знает, что могла установить Елена? Да уже одного факта того, что радист не только не передал нужную радиogramму в Свердловск, но и подделал ответ – уже одного этого достаточно, что бы заметить некоторые вопросы к Гавриле. Радист отвечает за передаваемую ему информацию по статье.

Неудивительно, что он так «рыскнул».

– Так... – Иннокентий ещё раз вздохнул. – Получается, что этот тип мог быть тут не один?

– Нет, не один, – Елена прислушалась к звукам флейты, что становились всё отчётливее слышны. – Я убеждена, что тут их действует несколько человек. И один из них, как минимум, находится в вашем окружении – его положение высокое, он может отдавать приказы вашим людям.

Иннокентий согласился с Еленой – только это объясняло, как к «трясунам» попали взрывчатка и радиостанция.

– Полагаю, что это легко выяснить... – Иннокентий встал. – Не прогуляетесь ли со мной до склада взрывчатки? Мы там кое-что нашли.

– Что именно? – Елена закрыла окно и закрутила волосы в хвост.

Они вышли на улицу, и, пройдя мимо кучки геологов, что с интересом смотрели на них, направились к складу.

Тишина стояла необычная, её прерывал только гул ветра

и непрерывные трели флейты. Иногда гавкали собаки.

– Эта взрывчатка из США – оказалось, что у нас её целая куча. По документам она уничтожена вся. Но на самом деле, на складе её хранится, чуть ли не тонна. Можете себе представить? – Иннокентий поправил воротник – ветерок дул ему в спину. – Судя по всему ее, нужно было доставить в лагерь этих «золотоискателей», чтобы они вели с помощью него добычу золота.

– В этом случае полагаю, что найти виновника не составит труда. Гаврила вряд ли имел доступ к взрывчатке, да и явно не ему отдавать приказы об уничтожении... – кивнула Елена.

Около склада бешено залаяли собаки – могучие лайки рычали и гавкали, прижимая уши.

– Фу! Фу! – крикнул на собак Бегемот, что кутался в роскошную шубу из песка.

– Да не ори ты на них! – проворчал стоящий тут же завхоз, что как раз запихивал в рукав пару ручек. – Эта долбанная флейта их бесит. Нашёлся же придурок, что посреди тайги на флейте играет...

– Да, так только слепой идиот может веселиться! – проворчал Бегемот и топнул ногой. – Да заткнётесь вы, кабысдохи...

– Флейта... – Елена остановилась и побледнела. – Флейта!

Иннокентий открыл, было рот для вопроса, но, вспомнив рассказы Грота, тут же повернулся и посмотрел в сторону тундры.

Словно проследив его движение – из тундры раздался тонкий, звонкий, переливчатый звук.

Флейта.

К поселению приближался арктический монстр – келе...

«Сегодня мы будем разбирать ОКВ. Это письмо я прошу тебя по прочтении уничтожить. Оно... сложное. И неприятное.

Помнишь, я писал, что упустил кое-какие описания об этом оружии? Так вот, я и мои ребята решили про это не рассказывать никому. Но тебе – можно. Ты, мой друг, со мной Вьетнам и Фолкенды прошёл. Тебе я могу довериться. Могу рассказать кое что...

Господи, ты можешь поверить, что бы я не мог собраться с духом? Я всегда отличался смелостью решений и непоколебимостью. А сейчас вот...

В общем, вспомни мои письма тебе с описанием Оружейного Комплекса Выживания... Русские создали странное оружие. Какую-то чушь, если строго между нами. Ты же читал мои описания и знаешь, что ОКВ просто какая-то нелепица. Для войны она не подойдёт – всего три заряда, а потом надо перезаряжать. Да ещё «переламывая» ствол, как у охотничьего ружья. На войне это неприемлемо – там надо большой темп стрельбы. Да и боеприпасы этого ОКВ какие-то

чудные. Сложные, дорогие... непригодные для войны, если честно... Всё равно что из базуки по пехотинцам стрелять. Конечно, при попадании убьёшь, но не слишком ли затратный боеприпас на какого-то пехотника?

Ладно – перехожу к делу. Помнишь, я писал, что мы не смогли вскрыть корпус оружия? Мы пилили его алмазными дисками – они даже царапины не смогли составить, как и автоген. Сейчас мы одолжили у парней из лаборатории экспериментального оружия – лазер – пробуем им вскрыть ОКВ.

Так вот, то о чём я умолчал в описаниях и отчётах.

На этом, мать его, несокрушимом оружии – есть масса вмятин, царапин и выбоин. И знаешь что? Это следы от когтей и зубов. Когтей и зубов, которые оставили... существа – не знаю, можно ли назвать животным существо, что разгрызает сталь...

В общем ОКВ использовался для сражений с животными, что могут прогрызть сталь и керамику. Тварям, чьи когти оставляют царапины на металле, который тупит алмазные диски. Всё оружие изгрызено и исцарапано, словно его обладатель вступал в сражение чёрти с чем...

Я... я жалею, что взялся исследовать это оружие. Я не знаю... не знаю с кем сражались солдаты СССР. Не хочу знать, каких чудовищ повергало это оружие. И мне страшно думать, что подобные твари ещё могут жить в глубинках нашего мира.

Помоги нам бог, не встретиться с ними...».

(Автор записки – полковник армии США Франк Маршалл погиб во время взрыва, при попытке вскрыть образец советского вооружения известного как ОКВ «Вьюга» – при попытке вскрыть ОКВ лазером произошла самоликвидация оружия – взрыв и последовавший за ним пожар убил полковника, его ассистентов и уничтожил всю лабораторию.

Данные письма были найдены в портсигаре полковника, который тот хранил при себе.).

Иннокентий скрипнул зубами и посмотрел на Елену.

– Как я понимаю, у вас единственной опыт сражения с такими существами, да ещё увенчавшийся относительным, успехом. Так что начинайте – что нам следует делать? – спросил он.

– Ну во-первых не паниковать, – проговорила Елена. – Во-вторых – уберите собак. Отвяжите их и уведите подальше. Я бы их вообще выпустила – привязанные на цепи и поводках они не более чем лёгкая пища для этого существа. Убежать не смогут, а своим лаем и визгом только привлекут его нежелательное внимание.

– Слышал что сказано? – проговорил Иннокентий, повернувшись к Бегемоту. – Бегом выполнять.

Бегемот кивнул и, замахав руками, подзывая людей, бросился отвязывать собак.

– Во-вторых – какое у нас оружие в посёлке?

– Обычное огнестрельное – охотничье – карабины, двухствольные охотничьи ружья и револьверы.

– Это его не остановит. Скорее всего, он даже не поймет, что вы его атаковали этими «горохострелками», – прикусила губу Елена. – Нужно что-то посерьёзнее.

– Хм... Ну есть пара противотанковых ружей. Точнее говоря пять штук. Сняли их с налетевшего на мель судна... – встрял Серафим.

– Это да, совсем забыл... – скривил губы в болезненной гримасе Иннокентий. – Три года назад у нас тут браконьеры налетели на мель – с их судна мы и сняли противотанковые ружья. ПРСы. И боеприпасы к ним.

– Зачем браконьерам такое вооружение?

– На китов охотиться, вместо гарпунного оружия, – пожал плечами Серафим. – Разве не сталкивались с таким никогда? Гарпунные пушки получить трудно – лицензии и всё такое надо, проводить обучение персонала по пользованию таким вооружением... а «дуры» (прозвище противотанковых ружей во времена Великой Отечественной Войны. Примечание автора) найти проще, да и люди с ними умеют обращаться.

– Три года... – Елена уставилась на Серафима своими странными глазами, и её зрачки, на миг, расширились чуть ли не на всю радужку. – Они ещё пригодны к боевым действиям?

Иннокентий засмеялся.

– Ох, вы только Дяде Чёрту это не скажите – он вас тут же ремнём выдерет. Он за этими ружьями следит как за детьми – всегда смазывает и проверяет. Привычка у него такая еще с Великой Отечественной – он там знатным «бронбойщиком» был – от Москвы до Варшавы с «дурами» в руках прошагал, пока его у Кракова не подранило серьёзно – только осенью 1945 из больницы отпустили. Сразу домой.

– Тащите эти ружья и ставьте их на аэросани. И ещё – у вас есть дымовые шашки?

– Да, – Иннокентий вслушался в перелив флейт. – Хотите лишить этого монстра его оружия – невидимости?

– Это существо не невидимо, оно просто изменяет свою окраску соответственно рельефу местности. Правда делает это так, что осьминоги и хамелеоны просто давятся от зависти, – спешно проговорила Елена. – И ещё... Нужна взрывчатка. Только – та, американская, «Камнелом». Его нужно отвезти в тундру и сложить в кучу. На таком расстоянии, чтобы взрыв не задел поселение.

– Хотите его заманить туда и там взорвать? А он-то согласится сменить курс своего движения?

Елена сделала глубокий выдох и, перейдя в «боевой шок», всмотрелась в тундру. Теперь, когда она знала природу невидимости келе, то её способность видеть этих существ в состоянии «боевого шока», получила объяснение – келе очень быстро «переделывали» свою раскраску, под окружающую среду – молниеносно для человека, но не для Елены с её уме-

нием обострять работу нервной системы.

Несмотря на хорошо слышимые звуки флейты, келе пока видно не было – впрочем, Елена уже знала, что келе – невеликие мастера скоростного бега – от них можно убежать даже просто очень быстрым шагом или спортивной ходьбой. Однако в отличие от людей келе были неостановимы. Они двигались к своей цели с неторопливостью машин – не выбиваясь из сил.

Кроме того следовало понимать, что келе особо торопиться было некуда – поселение от него точно никуда не убежит. Неуязвимое для оружия людей арктическое чудовище могло спокойно добраться до жилищ людей и «обработать» их наркотическим веществом. Просто ловить и поедать добычу – отравленные люди сами выдадут себя. А силы келе вполне хватало, что бы разрушить любой дом или строение в поселении.

– Этому животному надо дать бой в тундре, – проговорила Елена. – Кроме того у нас есть преимущество. Я знаю, зачем он сюда идёт. Точнее предполагаю... Дикая теория, но она объясняет многое.

– И что же это?

– Дело в том, что там, в лагере «трясунов», келе полз за мной, ну я так думала, что он охотится за мной. Но – всё это время у меня за спиной был склад взрывчатки. Келе полз не ко мне, он полз к взрывчатке – я лишь торчала на пути у него. Как только келе добрался до склада, то тут же набро-

сился на него – словно тот ему денег был должен, и они взорвались оба. Я полагаю, что келе идёт не непосредственно к нам, а к «Камнелому» – взрывчатка имеет очень странный запах. Необычный. Так что у меня теория, что келе нападает именно на источник этого запаха.

– Хм... – Иннокентий и Серафим переглянулись. – Это вроде как если животное выделяет какой-то запах, что вызывает другого противника – на дуэль?

– Совершенно верно. Я думаю, что в случае с келе дело обстоит именно так. Не на нас он нападает – он атакует источник этого запаха. А этот звук флейты – это вызов на бой, как у некоторых животных. Так что если мы сумеем заманить его на взрывчатку то ему – конец. Тонну взрывчатки даже ему не осилить.

– А если вы неправы?

– Ну... Тогда я побегаю перед ним и заманю его на это минное поле сама лично, – Елена застегнула капюшон «Айзека» и, подняв «Вьюгу», спешно зарядила её двумя зарядами «Индры» и одним – «Горыныча». – Ну что? Приступим к операции?

...Серафим никому не доверил управлять аэросанями, в которые залезла Елена. Сам сел за руль. Кроме его аэросаней Иннокентий пригнал в помощь Елене ещё восемь штук, на пять из которых загрузили противотанковые ружья и боеприпасы к ним. Остальные аэросани должны были служить своего рода поддержкой – в бой не ввязываться, а следить за

ним со стороны и при нужде – мчаться в посёлок, сообщать о ходе операции.

Несколько человек притащили огромную волокушу и начали грузить её взрывчаткой. Поскольку в спешке такое делать было нельзя, то Елене выпала самая великая честь – удерживать келе как минимум полчаса.

– Мы постараемся сделать всё как можно быстрее – крикнул Иннокентий Елене, когда та залезла в аэросани. – Сразу же после того как справимся, отправим волокушу с взрывчаткой вон за те холмы – там как раз удобное место – взрывная волна будет остановлена складками местности.

– Хорошо! Мы попробуем подранить его или остановить – если вдруг моя теория с «Камнеломом» окажется неверна. Будьте очень осторожны – помните о его химическом вооружении – если оно оберётся – в бой не вступать. Понятно?

– На крайний случай мы сможем вытолкать его бульдозерами, – проговорил Иннокентий. – У нас есть старые противогазы где-то... Хотя на таком холоде от них особой помощи не будет... Стоп! Совсем забыл.

Затем Иннокентий усмехнулся.

– Делайте своё дело, товарищ старший лейтенант. Есть у меня тут кое-что что может помочь. В общем, разберусь – у меня тут три трактора – если что ты мы просо его будем таранить. В конце концов, это простой зверь. Справимся

– Ага...справитесь, – прорычала Елена, закрывая дверь кабины. – Что-то мне подсказывает, что у этого существа

есть в запасе её кое-какие сюрпризы. Это не то животное, которое можно напугать простыми криками и стрельбой в воздух. Более того я начинаю сомневаться, что первоначальный план сработает.

– Думаете?

– Послушайте, Серафим – это существо потратило немало времени, чтобы идти по ледяной пустыне, через всю вашу Долину Скелетов, к поселению. До этого они такое себе не позволяли – я думаю, что даже для этих существ погода Арктики не очень комфортна. Однако он идёт к нам, не обращая внимания на мороз и ветер. Так что тут выбор теорий невелик – его что-то привлекает так, что он стремится добраться до этого, невзирая ни на что. А такое любопытство келе проявлял только к «Камнелому». Более того – они даже на лагерь этих «трясунов» напали только когда те стали использовать взрывчатку.

– А почему тогда они сразу не уничтожили склад?

– Взрывчатка была запакована в бумагу, не пропускающую запах. Одну из шашек я надорвала – вонь была такая, что весь склад пропах – келе, что шастал по лагерю, сразу это почуял. Но до этого он явно не знал где она лежит – он ползал по лагерю и ловил оленей и медведей на завтрак и никакого внимания к складу не проявлял, – Елена выглянула в окно. – В вашем складе эта взрывчатка явно хранилась тщательно упакованная и скорее всего – даже припрятанная под чем-то, что полностью удерживало её запах. Но при ре-

визии, особенно когда стали искать конкретно её, всё распотрошили – ветер же дул в сторону Угодий Келе – вот мы и дождались гостя... И я допустила ошибку...

– Какую?

– Я только сейчас подумала – а что если их несколько?

Елена застегнула капюшон, натянула на лицо маску и выглянула из аэросаней.

На сей раз келе был хорошо виден даже без «боевого шока», хотя термин «хорошо» был уместен для Елены, которая умела примечать мелкие детали – простые люди даже в упор бы не заметили арктического монстра.

Келе видимо, по привычке продолжал маскироваться под окружающую местность, но делал это плохо – на его туше, то тут, то там были какие-то странные «вспышки», словно клетки кожи, отвечающие за маскировку, «работали» с какими-то сбоями...

Однако было видно, что это был совершенно не тот келе который гонял Елену по всему лагерю незаконных копателей. Это существо было немного выше и какое-то более стройное. Кроме того в его туше торчал то ли рог, то ли какой-то хорошо видимый нарост...

– Тормози! – Елена вытащила ракетницу и запихнула в неё дымовую шашку

Прикинув скорость движения келе – за час с небольшим тот уже спокойно доберётся до поселения, Елена выпустила шашку так, что бы она упала впереди келе – клубы дыма ука-

жут другим местонахождение монстра.

Дым исправно ударил во все стороны, обрисовав тушу существа, что вошло в фольклор жителей Крайнего Севера как многорукий великан-людоед. Сейчас стало видно, что издали, например, в тумане или пурге келе было действительно легко принять за многорукого великана – куча длинных щупалец – руки, и ноги.

– Ого. Прямо как в сказке, – проворчал Серафим, поворачивая аэросани. – Что жэто за существо такое? Демон?

– Демонов не существует, – проговорила Елена. – Где там наши ребята?

Остальные аэросани подкатили поближе. Из одной высунулся мужичок в драном ватнике и в шапке-ушанке с торчащим вверх «ушами».

– Серафим! Чё дальше?

– Да стреляйте все! – закричал Серафим. – Черт, эй, Чёрт

– Чо?

– Стреляй ему точно в тело! Смотри, не промажь!

– Счас.. да эта тварь поди, не такая крупная как немецкий танк будет... – Чёрт выдернул из аэросаней ПТРД и бросив на землю прыгнул рядом и загнал в оружие жирный патрон. – Счас мы его...

Противотанковое ружьё рявкнуло – Елена успела войти в «боевой транс и проводила его выстрел взглядом – мощная 14,4 мм пуля резво свистнула в воздухе и пронеслась до келе – и попала.

Чёрт явно имел боевой опыт – с первого выстрела попасть в движущуюся мишень – чуть ли не на расстоянии в полкилометра – тут явно нужно было иметь какой-то практический опыт.

Из келе брызнул фонтан какой-то жидкости, что окатила камни вокруг него. Тут же существо остановилось и мелко-мелко содрогнулась.

И выпустило в сторону стрелков какой-то ярко светящийся заряд!

Елена тигром бросилась на Серафима, сшибла его с ног – над спиной что-то пролетело и смачно плюхнулось. Тут же всё осветила ослепительная вспышка...

Перекатившись через плечо, Елена подняла «Вьюгу» и осмотрелась по сторонам, не совсем понимая, что происходит – её и аэросани окутывало странное, холодное сияние, словно на них вылили какую-то светящуюся краску... Вонь стояла такая, что дышать было просто нечем. Лёгкие категорически отказывались втягивать в себя воздух.

– Твою-то мать! – Чёрт яростно вытирался руками.

Серафим, светящийся так, словно и впрямь превратился в ангела, покашлялся и с трудом выдохнул воздух.

К счастью порыв свежего ветра разметал жуткое зловоние, и Елена сумела оглядеться по сторонам.

Аэросани, ПТРД, Чёрт, Серафим и она сама – а так же земля – светились каким-то ровным, ярким светом, что, впрочем, уже угасал по краям, превращаясь в простую мут-

ную жижу.

– Тьфу. Дрянь какая! – Серафим начал отплёвываться. – Что это было? Тьфу! Гадость какая-то...

Елена посмотрела на свой рукав, что излучал тусклое, какое то «холодное» сияние, и принялась.

Воняло гнилыми водорослями и какой-то тухлятиной... Запах был омерзительным... Однако никаких ассоциаций с чем-то опасным или отравляющим не вызывал.

– Тьфу! Охренеть! Чем он в нас харкнул? Это-ж за полкилометра в цель попал! А чёрт!!!

А Елена уже и сама поняла, в чём дело – высыхая и теряя свой свет, странная слизь начинала стягиваться, словно растянутая резина. Причём ей было как-то наплевать на лютую стужу – похоже мороз на это странное вещество вообще не действовал.

– Керосин тащи! – крикнула она Серафиму, и тот бросился в аэросани.

К счастью керосин оказался на высоте и мгновенно размочил странную слизь, освободив от её хватки всех троих.

Елена бросила беглый взгляд на лакмусовый анализатор «Айзека» – но тот упорно показывал, что странная вещь не токсична и никакого вреда, кроме как своего физического эффекта стягивания, не несёт.

– Твою мать! – Чёрт посмотрел в аэросани. – Продолжать охоту?

С остальных аэросаней уже бежал народ.

– Значит так – сейчас вы даёте по нему залп из ваших ружей, – проговорила Елена, глядя на вооружённых ПТРД людей. Потом никому не стрелять! Я попробую подбить его из своего оружия.

– Мы его чуть-чуть подранили из наших «дур», – проговорил кто-то.

– Подранили... А он вам вон как ответил... Что это за дрянь такая светящаяся?

– Позже давайте? – Елена присмотрелась к келе, который по-прежнему ковылял к поселению. – Всё поняли, что я сказала? Стреляете по нему и сматываетесь. И никому больше не стрелять – я и Серафим пойдём в атаку. Попробую его «пощекотать» огнём.

– Каким огнём? – удивился Чёрт, обтиравший лицо от слизи.

Елена сняла с плеча «Вьюгу», наставила ствол на ближайший валун и нажала на спусковой крючок.

Фуб!!!

Из дула «Вьюги» вылетел огненный шар, что врезался в валун и облепил его огромной огненной массой.

Затем раздался жуткий треск, и валун раскололся на пылающие части.

– Вот этим... Понятно?

– Тихо! – Серафим вскинул руку. – Твою мать!

Все прислушались.

И спустя миг слышали ещё одно пение флейты – вдали.

– Ещё один! Братцы! Ещё один!

– Да вы издеваетесь? Мы одного-то уделать не можем...

– Тихо!!! – рывкнула Елена. – Все – грузитесь на аэросани и катите вперёд, используете дымовые шашки, чтобы увидеть его. Стреляете – переезжаете – стреляете. Держитесь осторожнее – они вооружены явно не простыми штучками...

– Тебе не кажется, что мы упускаем инициативу? – Серафим, впервые обратился к Елене, на «ты». – Их двое, а мы и одного-то остановить не можем.

– Сможем, – проговорила Елена. – Гони вперёд, прямо на эту тварь. Живо. Есть одна идея...

– Хорошо, – не стал спорить Серафим, и запрыгнул в машину. – Держись.

...Келе двигался так, словно ничего особого не произошло, и в него не попало ни одной бронебойной пули. Впрочем, как успела обратить внимание Елена – попадание из ПТРД не причинило ему никакого вреда и никак не сказалось ни на скорости передвижения, ни на его маскировке.

Это уже было совсем странно – на кой Природе создавать существо, способное пережить прямое попадание противотанкового ружья? Что за существа были эти келе?

К вящему облегчению Елены гигантское существо повернулось и двигалось уже не прямо к поселению, а чуть-чуть вбок – в сторону склада взрывчатки, где спешно грузили «Камнелом». Чтобы это не было за существо, оно явно пришло в поселение ведомое запахом взрывчатки, которое учу-

яло на расстоянии в несколько десятков километров. Судя по тому, что в паре километров за ним шло ещё одно такое существо – эти запахи были притягательны для келе.

– Давай-давай, пронесись перед ним, – Елена затащила вонющий керосином комбинезон и выпрыгнула из аэросаней, перейдя в «боевой шок» уже в прыжке.

Приземлившись точно на ноги, и присев, чтобы амортизировать инерцию, Елена вскинула «Вьюгу» и посмотрела на келе.

Гигант шёл к ней, размерено перемещая щупальца – словно какой-то автомат или машина. Он шагал быстро, бесшумно и очень ловко. Елена вскинула «Вьюгу» и прикусила губу, всматриваясь в плавные и ловкие движения келе. Она уже видела такие движения, но не на суше... а... в воде.

«Ведь это странно – ведь у них, нет и в помине ног»... – мелькнула в голове у Елены строка из стихов «Морж и Плотник» что напевал Серафим.

Неожиданно до Елены дошло – кто такие келе и что это за существа.

И она даже сама удивилась – как можно было сразу не понять этого?

В следующий миг она надавила на спусковой крючок, послав в келе два сгустка фосфорной картечи – «Горыныч» – воспламеняющаяся на воздухе фосфорная картечь – врезались в тушу келе, объяв его огнём!

Келе издал жуткий звук, похожий на какой-то рокот и гул,

а затем...

Стал совершенно видимым – видимо обширные ожоги повредили его тонкую систему маскировки.

Перед Еленой возникло громадное существо, – какой-то обтянутый кожей шар, чернильно-чёрного света, усыпанный мириадами малиновых точек. Щупальца – всего их было двадцать, торчали как из верхней, так и из нижней части тела. Гигантское существо опиралось на них, причём не делало различий ни для верхних, ни для нижних конечностей.

Некоторые щупальца были скручены в плотные спирали и прижаты к телу – скорее всего они так грелись – каким-бы могучим не было это чудовище – его тело всё же явно не очень хорошо было приспособлено к холоду.

Это было жуткое, страшное, но одновременно впечатляющее существо, чья сила и мощь были слиты в странном, жутком теле.

Елена сейчас отчётливо увидела место, куда попал из ПТРД Чёрт – патрон торчал из бока келе, как заноза – да и само зимнее привидение относился к этому как к занозе.

Келе, не обращая внимания на охватившее его тело пламя, шагнул, перемещая щупальца, вперёд и...

«Вьюга» снова выстрелила – из ствола, оставляя тонкую струю сгоревшего воздуха, вырвался «Индра» – мощнейший бронебойно-разрывной снаряд врезался в келе – Елена до последнего следила за ним, находясь в «боевом шоке» – и успела увидеть, что у келе под кожей тела был какой-то

странный панцирь или костные пластины... неважно что – «Индра» проломил их и взорвался внутри тела келе!

Впервые оружие людей сумело пробить странную защиту арктического монстра – костяные пластины, отражающие даже выстрелы из противотанковых ружей.

Поток голубой жидкости, перемешанной с мириадами искр, хлынул из монстра, придавая ему сюрреалистический вид. Однако тут же на громадную рану налезли складки кожи – поток голубой жидкости, что заменяла келе кровь, тут же иссяк. Впрочем, Елена успела увидеть, что рана келе – поверхностная – бронебойный «Индра» пробил броню этого существа, но взорвался в его коже – рана была больше кровавой и болезненной, но никак не смертельной.

Келе издал громкий рык, уже совсем не похожий на мотивы флейты – на его теле приоткрылось какое-то отверстие похожее на сфинктер – и секунду спустя в Елену полетел толстый сгусток сияющей слизи

Девушка увернулась только благодаря «боевому шоку» – существо применяло своё странное вооружение со снайперской точностью – чем бы оно не видело – эти органы зрения позволяли ей атаковать с невероятной скоростью и точностью.

К счастью для себя Елена тоже была не простым человеком. Её рефлексы и умение перемещаться в невероятно скоростном ритме было отличным подспорьем в сражении с такими созданиями.

Что хуже всего, келе, похоже, понял, что его противник – Елена, видимо даже его примитивный мозг увязал человека с оглушающей болью причинённой ему. Он злобно дёрнулся и попытался схватить Елену щупальцами – к счастью его движения были какими-то замедленными и осторожными – он двигался как быстрый, ловкий человек – но не более.

Елена увернулась от одного щупальца, легко перепрыгнула через второе и вскинула «Вьюгу», целясь в арктического монстра. Однако выстрелить не усела – келе сцапал её за лодыжку обвив щупальцами.

Яростно дрыгнув ногами, Елена освободилась от жуткой хватки без малейшего труда – и тут же всадила в противника ещё одну «Индру» – чуть ли не в упор, с расстояния в пару метров!

На сей раз «Индра» сработал как надо – он проломил броню монстра, и взорвался не в верхних слоях кожи и панциря келе, а в его внутренностях.

Из туши келе хлестнул огромный поток голубой жидкости – а лакмусовый анализатор на запястье лены стремительно покраснел – существо просто источало свой наркотический газ отравляя окружающий воздух смертоносным веществом.

Елена торопливо отбежала в сторону, и потрогала дыхательную маску. Затем торопливо принялась перезаряжать «Вьюгу» глядя, как келе пошатывается, с трудом перебирает щупальцами, но, всё же удерживаясь на конечностях – продолжает движение.

Даже раненный, окровавленный дымящийся от огромных ожогов, этот монстр упрямо продолжал двигаться в сторону «Камнелома». Неизвестно из чего создавали эту взрывчатку в США – главное было то, что она по-прежнему привлекала это существо, заставляя его двигаться к ней, невзирая на раны и боль.

Что-то грозно зарычало – в следующий миг перед Еленой промчались аэросани, из которых – на всём ходу, выскочил Серафим. Аэросани, продолжая движение – протаранили келле. Полярный монстр хоть и был крутой и бронебойный, но удержать врезавшиеся в него аэросани, что мчались на скорости в пятьдесят километров в час, явно не мог – его просто смяло и снесло. Сани тут же перевернулись и грохнулись, прижав чудовище к земле.

Елена вскинула «Вьюгу» и всадила в аэросани «Индру», метясь точно в двигатель – она помнила, что рассказывали Иннокентий и Павел – в тундру машины ходят с дополнительными баками горючего...

Вспышка пламени озарила тундру, машина вспыхнула как факел.

Елена спешно перезарядила ОКВ и подскочила к Серафиму, который сидел на земле. вцепившись в ногу и имел подозрительно белый вид.

– Ногу чутка, подвернул, когда прыгал, блин! – пояснил он.

Сзади что-то зарычало и около Елены притормозило двое

аэросаней.

– Тащите его в госпиталь – приказала Елена. – Живо!

– Там такое дело... – крикнул один из водителей аэросаней. – Меня тут прислали, что бы вас в известность поставить, это, товарищ старший лейтенант...

– Да твою-то мать! Говори как есть! – взревел Серафим. – Ты что, как корова на сносях?! Бегом говори!

– Там ещё один звук флейты... Их на нас трое... – водитель посмотрел на пылающий костёр. – Точнее говоря – уже двое, идёт.

Елена окаменела, лихорадочно прогоняя в голове варианты. Впрочем, никаких вариантов не было – келе привлекал запах взрывчатки. Поскольку Елена уже понимала, с кем они имеют дело – то стало ясно, что келе не оступятся. Пока не дойдут до взрывчатки.

Однако неизвестно что будет, если эти животные – а то, что это были животные, становилось ясно, найдут поселение... Кто знает – не станут ли они совершать набеги на это место? Удобное место, набитое беспомощными людьми... Да и келе уже делали такое – если Грот не врёт.

– Меняем диспозицию, – крикнула она. – Передай Иннокентию – пусть запряжёт волокушу в трактор, который не жаль. Трактор и волокушу с взрывчаткой немедленно направить в сторону Угодья Келе. Передай – надо убрать взрывчатку из поселения в Угодья Келе. Передай...

Позади них что-то ярко вспыхнуло – Елена резко повер-

нулась, вскидывая «Вьюгу»...

Однако стрелять было не в кого – туша келе вспыхнула огнём, словно политый керосином стог сена. Видимо даже у него имелись свои пределы живучести и в борьбе с Еленой и её оружием он всё исчерпал.

Лакмусовый анализатор «Айзека» стремительно позеленел и начал бледнеть – что бы за отраву не использовали в своих целях келе – она стремительно разлагалась в огне на безобидные составляющие.

Елена закричала зубами, глядя, как стораёт в огне это существо, со своими удивительными биологическими тайнами...

...Чёрт выглядел точной копией мифического существа, в чью честь был назван. Грязный измазанный вонючим керосином, в порванной в паре мест одеждой. Разве что нос не пяточком. Однако глаза у него горели нехорошим огнём возбуждения и какой-то полубезумной радости

– Да что б мне всю жизнь чёрствым хлебом давиться! – восхищённо рычал он. – Ты, голуба, нам кого нашла? Мы многоногую эту тварь из «дур» лупим, как моя бабка – свою козу, а оно прёт на нас словно «Тигра» немецкая! От неё наши «горошинки» (шутливое прозвище бронебойных боеприпасов, в Великую Отечественную Войну Примечание автора) – отскакивают. Что за тварь-то такая?

– Осьминог, точнее говоря аммонит, – совершенно серьёзно ответила Елена.

– Чё? Они ж вымерли ещё до динозавров, – удивился Чёрт.

– Судя по всему не все, – проворчала Елена. – У него под кожей панцирь из каких-то плит. Не знаю, из чего они его производят, но он отражает почти все, что вы в него выпускаете – разве что в упор надо стрелять. Так же осторожнее с его кровью – судя по всему, она как минимум или ядовитая или ещё что... короче – советую держаться подальше от этой твари.

– И кстати там ещё одна прёт, – прошипел Серафим. – Они к нам в гости целым стадом решили заглянуть.

– Целым стадом? Да... Да мы тут одного то завалить не можем!

– Одного наш старший лейтенант уже «сделала» он там, на горизонте догорает...

– Сильно губы не раскатывайте – мне для этого чуть-ли не вплотную пришлось подойти. Да и то, если бы Серафим не протаранил это животное аэросанями... Для вас это не вариант, вы со своими ПТРД приблизиться не успеете к нему.

Елена посмотрела в сторону приближающегося келе. Его, долго и упорно, обстреливали из ПТРД, но остановить так и не сумели. Единственное чего добились – заставили «отключить свою маскировку – видимо при сильных повреждениях кожи, келе просто прекращали маскироваться.

Сам келе, кстати, тоже нашел, чем ответить – его светящаяся слизь вывела из строя одни аэросани – плевков случай-

но попал в двигатель и, несмотря на защиту от воды и влаги, закоротил всё что можно и что нельзя. Одному из стрелков светящаяся слизь попала в лицо – его срочно пришлось увезти в поселение – слизь забила нос и, частично рот. Поить беднягу керосином никто не решился – так что его отправили в больницу, дабы там оказать помощь.

К счастью, в отличие от тех же американцев, которые бы давно уже разбежались кто, куда только при виде одного такого монстра, советские геологи отличались хорошей закалкой и каким никаким боевым опытом – несмотря на то, что их атаковало совершенно немыслимое с точки зрения здравого смысла, существо, они относились к этому философски. Мол – на нас нападают? Будем держать оборону и контратаковать.

А то, что нападает огромное, размером с танк, головоногое, защищённое бронёй, от которой рикошетят противотанковые боеприпасы и способное плевать отравляющими и ослепляющими веществами – так это никого особо не ужасает. Бывает – и не таких видали.

– Что сейчас делать будем? – Чёрт посмотрел на Елену преданными глазами, готовый выполнить абсолютно любой её приказ.

– Значит так, товарищи... – проговорила Елена, собираясь с мыслями. – Мы знаем для чего эти твари идут в ваше поселение. Их привлекает запах одного вида взрывчатки. Потом всё объясню. Как видите – на её запах, они прутся це-

лым стадом, не боясь ничего и никого. Я сильно опасаясь, что они могут «протоптать» дорожку в ваше поселение...

Все, кто прятался за тремя аэросанями, выстроенными в ряд, посмотрели на Елену, и примолкли. Мощь и сила келе уже были очевидны – и было понятно, что такие существа, реши они, что поселение – хорошее охотничье уголье, быстро опустошат его.

– Поэтому наша задача проста – мы загрузили взрывчатку, что приманивает их на сани и отправим её в Угодья Келе. Там её и взорвем. Превратим в мину, на которую нападут эти твари. Этих тварей, что сейчас идут сюда – надо убить – они не должны вернуться...

– Понятно. Значит наша задача, какова?

– Прикрыть трактор с взрывчаткой, что движутся к Угодьям Келе. Так же двое аэросаней должны катить неподалёку от нас – что бы подобрать меня, когда я покину трактор.

– Ты? – удивился кто-то из слушателей – худючий мужик с измазанной грязью и камнями телогрейке, и со свежим синяком под глазом. – Какого хрена ты туда сунешься?

– Цапа заткнись, – проворчал Чёрт. – Старший лейтенант – я всё понимаю... но это дело, как я разумею, больше для мужиков. Чего ты-то голову в пекло несёшь?

– Такие дела ребята... Эти существа обладают отравленным дыханием. Они травят воздух своим дыханием. Никто из вас и секунды не выдюжит там, где они прошли. Их кровь, дыхание – всё это ядовито. Скажите спасибо, что эти светя-

щиеся чернила нетоксичны.

Елена накинула на лицо очки, маску и подкрутила вентиль баллонов с дыхательной смесью.

– Зато у меня есть защита от их отравы. Я там продержусь. Потому мне и идти... Это как бронбойщику с «дурой», идти против танка, а остальным – прикрывать его издали. Вы получили приказ – обстреливайте этих тварей. Дайте мне прорваться в Ущелье Келе...

– Сделаем, товарищ старший лейтенант... – Чёрт усмехнулся и вскинул голову к засыпанному звёздами небу. – Знаешь, такое ощущение, что я тридцать лет с себя скинул. Вернулся в молодость... Это невероятно... И это благодаря тебе... Спасибо, что на старости лет дала вспомнить то время, когда я воевал.

– Чокнутый придурок, – проворчал кто-то.

Однако Чёрт только оскалил зубы в усмешке.

Неожиданно воздух разорвал низкий, рокочущий треск – словно кто-то разорвал плотную ткань. Елена и остальные вскочили – горизонт вдали осветился призрачным сиянием, в котором легко угадывались чернила келе – только они, почему-то на сей раз, полное ощущение, были выпущены все сразу, образовав огромную, сияющую полусферу, хорошо различимую даже на расстоянии в несколько километров.

Самое жуткое, что это сияние было в стороне от двух других келе...

– Там ещё один! – крикнул кто-то.

– Что это такое с ним? Какого чёрта он вышвырнул сразу все свои чернила?

– Может они подрались друг с другом?

– Тихо всем! – Елена сделала глубокий вдох. – Ладно, парни... и пуха, ни пера...

– К чёрту!

...Трактор, что тащил волокуши с взрывчаткой, двигался чуть-чуть быстрее келе. Хотя даже такая скорость и то вызвала серьёзные опасения в том, что взрывчатка не среагирует на постоянную тряску.

– Эй! – Елена запрыгнула на крыло трактора и удивлённо уставилась на Иннокентия, что равнодушно сидел в продавленном сиденье, дёргая рычаги. – Что вы тут делаете?

– Я решил сам подогнать к вам трактор...

– Немедленно покиньте его! Мы сейчас въезжаем в опасную зону... Да и этих тварей тут полным полно. Уже три штуки. Они лезут из гор! – крикнула Елена.

– Не переживайте – если что, то меня подберут ребята... Аэросани гонятся за нами в отдалении. Однако я сейчас намерен дать вам любую помощь, какую смогу. Кроме того у меня есть кое что...

Иннокентий указал на лежащие рядом с сиденьем баллоны со сжатым воздухом и маску класса МВГ-2 (Маска водолазная герметичная. 2 класс – для использования в условиях низких температур. Примечание автора).

– Это мне из порта доставили, у нас там ведь водолазы есть – работать под водой, если во время штормов судно на мель сядет или ко дну пойдёт, – объяснил он. – Всё в порядке. Кстати я и для вас комплект взял.

Елена схватила один баллон и, накинув его на спину, прикрутила к нему трубку своей дыхательной маски – к счастью в Биоинституте предвидели такую возможность – использования в качестве дополнительного источника дыхания баллоны гражданского и военного подводного флота. Так что «Айзек» был снабжён переходниками для баллонов с воздушной смесью любого типа.

– Как у нас тут обстановка? – спросил Иннокентий. – Я слышал, вы одного из этих демонов завалили?

– Это не демоны! – рявкнула Елена так, что самой стыдно стало, – товарищ Север, не смейте больше звать этих головоногих – демонами.

– Почему?

– Признавая за ними мистические способности, вы лишаете себя защиты. Пока вы верите, что это – демоны, они непобедимы для вас. Или заставят делать глупости, типа бега на них с распятым или ведром святой воды, – Елена хлопала рукой по «Вьюге», – ...мы имеем дело с чудовищами, которых создала эволюция – и только тому, что создал разум – под силу уничтожить их.

– Хорошо. Но почему вы считаете, что это головоногие? Это кальмары, осьминоги и каракатицы...

– И их дальние родственники – аммониты, что вымерли ещё до динозавров, по не вполне понятной причине. Однако вымерли явно не все. Эти моллюски имеют внутренний панцирь, под кожей – видимо обросшая их кожей и плотью внешняя раковина. Да и очень многое в них указывает на то, что это головоногие. У них необычная нервная система, как у осьминогов. У них пищеварительная система странная – но не для осьминогов – у осьминогов пищевод идёт через головной мозг – так что осьминогам приходится измельчать добычу своим клювом или языками-тёрками, чтобы проглотить, – Елена выглянула в окно. – Маскировка как у головоногих... Светящиеся чернила, ядовитые железы и сам яд... в общем всё было у меня перед глазами! Всё! Не могу понять, почему я сразу этого не поняла. Впрочем, чего ждать от женщины?

– Ну-ну... Не корите себя. С кем не бывает, – проговорил Иннокентий. – Сейчас, когда мы знаем, что это головоногие моллюски... с ними, наверное, проще сражаться?

– Да как сказать? Раньше вы верили, что это какие-то демоны, против которых оружие смертных или неверующих людей бессильно... Сейчас мы знаем, что это на редкость живучие животные, непробиваемые почти любым ручным оружием, что у нас есть... Думаю да – какими бы они не были сильными, взрывчатка, что у нас есть с ними справится...

– Очень надеюсь, что эти твари не зачествят в наше поселение, – проворчал Иннокентий. – нам с ними будет трудно-

то справиться. Пушки и реактивные миномёты – это совсем не то, что я могу заказать без лишних вопросов.

– Осторожно!

Догадка Елены насчёт того, что привлекало келе, оказалась полностью правильной. Гигантские головоногие, как только к ним приблизился трактор с взрывчаткой, резко изменили своё движение и начали идти на перехват.

Елена открыла двери и, выбравшись из трактора, приоткрылась к арктическим демонам – те немного ускорили своё движение и, определённо, были полны решимости догнать трактор. Однако скорость у них была невелика, так что бояться того, что они их догонят, можно было не бояться.

И их было всего двое – хотя вместе с тем, кого таки удалось убить, этих существ было четверо. Одного убили Елена и Серафим, второй и третий шли наперерез трактору, а вот четвёртый исчез – сразу после той ослепительной вспышки – вспышки, подозрительно похожей на выброс чернил, для отпугивания кого-то...

– Старший лейтенант! У меня есть более продвинутая идея, – проговорил Иннокентий, не отрывая взгляда от тундры. – Что если мы попробуем загнать трактор на территорию этих чёртовых «трясунов»?

– А что такого?

– Я очень опасаясь, что после взрыва может остаться небольшой процент взрывчатки в воздухе. Мало ли что? Вдруг взрыв распространит запах, от которого эти келе ста-

новятся столь агрессивными и настойчивыми. На широкую территорию? И эти существа станут всё больше и большими количествами выбираться из своих подземных нор? Не думали о таком?

– Нет, не думала... – Елена посмотрела назад, на двух келе, что «повисли» у них на хвосте. – Есть идея... Там, в лагере этих браконьеров есть огромная дыра в горе – они пробили её взрывом и успели немного расчистить. Там можно проехать на тракторе. Бросим взрывчатку там, в этом тоннеле и подорвём.

– Кстати, это очень умная мысль! – улыбнулся Иннокентий. – Я...

– Осторожно!

Прямо на пути трактора появился ещё один келе! Его удалось увидеть только благодаря его чёрной, колеблющейся тени – какими бы мастерами маскировки не были эти существа, но отбросить физические законы – такие как тень, они не могли.

– Чёрт!!! – Иннокентий рванул рычаги, отчётливо понимая, что не успеет ни увернуться, ни убежать...

Елена, белкой, вскочила на крышку трактора и вскинула к плечу «Вьюгу», метясь в келе – она хорошо видела его – скользящего в темноте... Он находился в каких-то пятнадцати метрах от трактора. И увернуться от него – по крайней мере, на гусеничной технике такого класса, было нельзя.

Хуже всего было то, что даже если каким-то чудом удастся

миновать эту тварь, то она всё равно набросится на взрывчатку – и навряд-ли та не детонирует...

Елена вогнула себя в «боевой шок», до предела обострив скорость реакции и прицелившись в келе – «Индра» мог пробить его броню, но только при выстреле почти в упор – так что нужно было выцелить хоть какое-то уязвимое место!

Стоп!

Елена резко опустила ствол – нацелив его на основание щупалец – щупальца не имели панциря. Они росли прямо из тела. Если попасть в основание щупальца, то есть шанс что «Индра» пробьёт тело келе и детонирует изнутри.

Что-то длинное, похожее на огромный клок тумана метнулось к келе – Елена только успела заметить, как того что-то оторвало от земли и...

Всё залила ослепительная вспышка! Перед трактором вспыхнуло ослепительное сияние – огромная сфера искрящегося света, от которой стало больно даже глазам Елены. В нос ударила хорошо знакомая вонь – светящиеся чернила келе, которые тот, для чего-то, выплюнул в виде огромного светящегося облака, а не тугого сгустка слизи.

Спрыгнув на крыло трактора, Елена спешно схватила рычаг управления и дёрнула его от себя, увеличивая скорость.

Внутреннее чутьё девушки подсказывало ей, что сейчас в этом месте очень опасно находиться.

– Какого чёрта это было? – начал Иннокентий, но Елена схватила МВГ-2 и спешно прижала её к лицу Иннокентия.

Тот сделал судорожный выдох, «продув» маску и тут же трактор оказался в огромном облаке какого-то странного, стремительно тающего тумана, густого, медового цвета – келе применили своё жуткое химическое оружие.

Елена вдохнула воздух из баллона и выдохнула, посмотрев на лакмусовый анализатор, который покраснел с такой скоростью, словно наполнился кровью...

В клубах тумана что-то мелькнуло. Нечто огромное, что ударилось в землю, в паре метров от кабины и снова взлетело – странным, непонятым движением. Затем оно исчезло – Елена только успела рассмотреть, что это существо было очень большим, почти с келе толщиной, а высотой – выше арктических чудовищ в несколько раз.

В следующий миг это существо исчезло, но до Иннокентия и Елены донёсся ужасный звук – какой-то грозный, влажный скрип и хруст. Земля содрогнулась, но тут же всё стихло.

Елена, прижав к груди «Вьюгу» выскользнула из трактора, и осмотрелась по сторонам.

Трактор и его жуткий груз вырвались из тумана, что образовался после химической атаки келе, и двинулся к Угодьям Келе. Оглянувшись, Елена увидела, что келе продолжают их преследовать – только на сей раз, они ползут не прямо за телегой, а заложив какую-то дугу, словно боятся чего-то, что скрывается в облаке отравленного воздуха и медленно угасающего тумана из взвеси светящихся чернил.

Посмотрев на лакмусовый анализатор, Елена слотнула и покачала головой.

Дождавшись пока они покинули зону отравления. А ветер – к счастью дующий от моря в сторону тундры, сдует отравленный воздух. Елена сняла маску.

– Что это было? – спросил Илья, осторожно приподняв маску. – Какого хрена это было?

– Не знаю... – Елена поёжилась. – Но думаю, что против этого «не знаю», мы с вами – мураши под ногами слонов.

– Чёрти что творится! – Иннокентий свирепо сплюнул в окно. – Эти арктические кальмары всё ещё за нами ползут?

– Даже не пытаются отстать или передохнуть, – проговорила Елена, посмотрев в окно. – Не понимаю, что там за запах, от которого они сходят с ума.

– Сходят с ума?

– Да, их поведение какое-то неестественное для животных. Они упрямо идут напролом к своей цели, совершенно игнорируя огонь, боль и сопротивление.

– Может больные? Или бешенные?

– Нет... Они бы тогда проявили себя раньше, – Елена прикрыла глаза, вслушиваясь в переливы флейты. – Есть дикая теория – что если этот запах у них ассоциируется с началом сезона размножения? Самец чует запах, самки и идёт к ней, невзирая ни на что. Что если этот запах он оказывает на них именно такое действие? Тогда хоть как-то объясняется их безумие.

– Полагаете, если мы от него избавимся – то они оставят нас в покое?

– Полагаю что да – они сами по себе скрытные – вся их жизнь, сплошная...

Яркий свет фар пронзил ночь – в следующий миг трактор нагнали аэросани, за рулём которых сидел Вилка, а на крыле саней стоял Серафим, кутавшийся в какую-то фуфайку.

– Эй ты что, сдурел?! – крикнула Елена. – Вали отсюда!

– Ага, счас, – Серафим поморщился от боли и прыгнул на трактор.

Елена бросилась на Серафима и, ухватив его за руку, за-тащила на крыло трактора.

– Спятил?!

– Ничего, всё в порядке, – Серафим подмигнул Елене. – Товарищ старший инженер! Докладываю – эти твари явно тащатся за вами. Но судя по всему начинают отставать... Вполне возможно что они немного выдохлись. Это хорошие новости.

– А плохие какие?

– Через полтора часа нас накроет «ледяная морось»....

– Да уж... – Елена застонала. – Доехать то успеем?

– Успеем. Взрывчатке в этой «ледяной мороси» ничего не будет.

– А нам?

– Ну... – Иннокентий замялся. – Стоит ли обсуждать этот вопрос? Меня другое больше интересует – что насчёт этих

красавцев?

– Спокойно переносят даже «ледяную морось». Не исключаю, что они вообще могут замёрзнуть во льду, а затем ожить, без проблем для своего организма, – вздохнула Елена, вспомнив как тот келе, которого они с Павлом сбили аэросанями, провалялся без сознания во время «ледяной мороси» и при этом не утратил ни силы, ни ловкости, ни здоровья – только разве что аппетит нагулял, – придётся загнать трактор в тот тоннель, что пробили эти чёртовы «трясуны»!

– Тоннель? – Серафим вздохнул. – Товарищ старший лейтенант... я точно помню, что никакого тоннеля там не было. И все ребята, с которыми я общался, тоже говорят, что там ничего не было.

– Более того, вы говорите, что там даже дорогу к нему расчистили, от осколков и валунов... – проговорил Иннокентий. – Так вот – у этой экспедиции не было ни тракторов, ни машин. Чем они могли расчистить эту дорогу? Да и для чего им там автострада, по которой трактор проедет? Привлечь наше внимание к ней? Они должны были, по логике, вообще работать кирками и лопатами не привлекая внимания.

– Да ведь я пока не дура! – возмутилась Елена. – Я отлично помню, что там, в горном массиве был пробит громадный – диаметра тоннеля метро, проход. Более того, я полагаю, что келе именно из него и ползут. Сами понимаете – если эти существа подземные жители, то, скорее всего именно через этот тоннель они и лезут. Он же, как ветровая труба – все

запахи внутрь себя втягивает, логично же

– Логично...

...Тоннель, в очередной раз, опровергая теорию Хаоса, оказался там же, где Елена видела его в последний раз – в склоне горы.

Только вот дорога к нему стала раза в три шире – теперь по ней могло без труда проехать сразу три штуки танков.

Иннокентий и Серафим всматривались в этот тоннель, молча, но по их лицам было видно, что они изрядно удивлены.

– Сможете загнать туда трактор и взрывчатку?

– Сможем... Только вот...

– Что?

– Этот тоннель – его пробили ИЗНУТРИ.

Елена несколько секунд смотрела на Серафима и Иннокентия. А затем перевела взгляд на тоннель.

Насколько она понимала, келе не были замечены в таких сложных горнопроходческих потугах. Если они и вылезали поохотиться на оленей, то, скорее всего через обычные пещеры, или щели. Да что говорить – этот тоннель был сделан после того, как келе убили незаконных старателей, а кости этих самых старателей были увезены Иннокентием и его людьми.

То есть – келе не надо было ломать горную породу и делать тоннель, через который без труда проедет целый поезд...

А это значило только одно – тоннель был сделан кем-то

иным...

– Едем туда, – решительно сказала она. – Заезжаем в тоннель, как можно глубже. Волокушу и трактор бросаем там – Иннокентий придётся у вас изъять трактор на нужды государственной безопасности.

– Да без проблем спишем как-нибудь, – отозвался Иннокентий. – Сами-то успеем уйти?

– Как получится... я поставлю минут на пять взрыватель, да и продублирую бикфордовым шнуром, – встрял Серафим.

– Келе, скорее всего, просто разнесут трактор и взрывчатку в клочья, – проговорила Елена. – Детонаторы тоже могут повредить.

– Я поставлю сразу штук шесть, даже если какой-то, и повредят – остальные сработают, – отмахнулся Серафим. – Но если они станут лупить взрывчатку своими щупальцами, то могут порвать оболочку и раскидать её по всем углам.

– Придётся использовать трактор как баррикаду... Отсоединим его от волокуши и поставим перед ней – такую преграду они не сразу перевернут, – проговорила Елена.

Трактор загрел гусеницами и осторожно покатился по странной дороге, грохоча по ней волокушей, что заставляло всех, кто сидел в ней, страдальчески прикидывать, как «Камнем» отнесётся к тряске.

Келе не отставали. Однако у них кое-что произошло – они перестали маскироваться – видимо даже их могучие организмы имели пределы своих сил и они, порядочно исчерпав

их, уже не могли нормально поддерживать свои маскировку.

Включив фары, Иннокентий ввёл трактор в тоннель.

Внутри тоннеля стало совершенно очевидно, что те, кто его проделал в толще горы, делали это изнутри – горная порода была раздроблена ударами изнутри – из глубин гор к поверхности – на стенах и потолке были хорошо видны следы каких-то царапин, словно тот, кто дробил породу, пребывал в какой-то ярости и неистовстве.

Самым странным был, конечно, пол – обычно живое существо роет подземный ход в виде круглого отверстия, так гораздо проще – не приходится тратить силы на выравнивание пола.

Однако таинственный создатель этого подземного тоннеля ломал камень и замороженную породу в виде полусферы – делая округлые стены и потолок, и совершенно гладкий пол.

Впереди замаячил какой-то тусклый свет – Елена и Серафим напряжённо уставились вперёд. Иннокентий выключил фары – но полной темноты не наступило – напротив, с каждым мигом стало всё светлее и светлее, а затем трактор и волокуша выехали в какое-то совершенно необычное место.

Тут было очень и очень тепло, настолько тепло, что вода в этом месте не замерзала ничуть. Хотя тут была не вода, а что-то на неё похожее.

Больше всего это напоминало самое обычное подземное озеро, только с какой-то немного мутной водой. Обычно во-

да в подземных озёрах очень чистая, некоторая даже прозрачна, как воздух, но тут было что-то совсем иное. Впечатление было такое, словно в воде развели огромное количество муки, которая замутила воду и «висела», не собираясь осесть на дно.

Озеро было очень большим, его было видно на километр, как минимум, а дальше оно уходило под горную породу. Его размеры не поддавались никакому, даже приблизительному, измерению. Елена прикинула, что видимая часть этого озера имеет размеры в несколько километров – и это то, что видно.

А вот кое что иное было совершенно диким... Весь берег был засыпан, вместо гальки, золотыми самородками, хорошо знакомого Иннокентию, Серафиму и Елене типа – слипшиеся округлые камни, самого разного вида и формы. Отражающийся от них свет светящихся стен усиливался до невозможности – в пещере было светло как днём.

– От ведь бабушкиной мамы чёрт – прохрипел Серафим, накидывая баллон с воздушной смесью на спину и выпрыгивая из трактора. – Товарищ инженер – да тут просто какое-то золотое Эльдorado! Тонны золота. Тысячи тонн!

– И что? Золота не видел? – Иннокентий посмотрел на воду. – Отцепляйте, бегом мой трактор! Я перегороджу им тоннель и будем сматываться!

– Думаете, что мимо этих уродов пробежим?

– Не плачь, я уже всё продумал!

Елена и Серафим отцепили волокушу от трактора и Ин-

нокентий начал отгонять его к тоннелю.

Вскинув голову, Елена посмотрела в потолок этой странной пещеры – тот как-то тускло и почти невидимо, светился – свет отражался от золотых самородков, которыми был завален берег.

Однако в одном месте – вдали, чуть ли не в километре от этого тоннеля, свет был какой-то неправильный – слишком яркий и насыщенный... И пульсирующий, словно... словно в этом свете что-то двигалось искажая его источник. Например – ветер несущий снег

Серафим и Иннокентий спешно возились с ящиками на волокушах, украшая их детонаторами. Елена стискивала «Вьюгу», осматриваясь по сторонам. Иногда она погружала себя в «боевой шок» но келе поблизости не было. Эти существа для чего-то сделали огромный крюк, обходя место, где исчез их приятель. Это дало значительную фору Елене, Серафиму и Иннокентию.

– Готово! – Иннокентий посмотрел на свои руки, испачканные в вонючей пыли, что была в ящике со взрывчаткой. – Минуту!

Он подскочил к воде и спешно окунул руки в неё, смывая с себя запах, который приводил в состояние бешенства и неудержимости келе.

Из тоннеля раздались переливчатые трели флейты – келе вошли в тоннель и стремительно приближались к тому, что вело их словно дудочка Гамельнского Крысолова – крыс.

– Надо уходить!

– Твою мать!!!

Серафим и Елена оглянулись – Иннокентий стоял на коленях и яростно пытался вырвать руки из воды. Мутная вода сгустилась вокруг его кистей рук, превратившись в какой-то студень, что не выпускал его руки.

– Да помогите же мне!

Серафим прыгнул к Иннокентию и схватив его за плечи, попытался оттащить от берега, но странный «студень» в который превратилась вода, алчно затаскивал главного инженера назад, словно водяной из русских сказок...

– Заткните ему уши! – рявкнула Елена, сдирая с плеча «Вьюгу».

Серафим спешно закрыл руками уши Иннокентия, и сам вжал голову в плечи...

Елена прыгнула к Иннокентию, всадила ствол «Вьюги» в странную студенистую воду выстрелила «Подвальной Смертью».

Вода вскипела, и Иннокентия с Серафимом отшвырнуло на берег – при этом Иннокентий треснулся затылком о золотые самородки, но к счастью, шапка спасла главного инженера от участи Павла.

На руках Иннокентия остался огромный кусок серого студенистого вещества, в котором утонули его пальцы и ладони.

Впрочем, Елена даже не успела поднять Иннокентия, как странный «студень» превратился в потоки воды и, ухнув на

берег, поползли назад, в озеро...

Иннокентий спешно поднял кисти к лицу явно ожидая увидеть на их месте обглоданные дочиста кости, но руки были на месте – причём выглядели так, словно их как следует, промыли в горячей бане, не жалея мыла и мочалки.

– Что это? – прохрипел он.

– Бегом отсюда! – Елена кинула быстрый взгляд на странную воду.

Там где воду поразила «Подвальная Смерть», вода была чистой, немного замутненной песком и медной пудрой – странное серое вещество расступилось перед этим местом, оставив почти метр чистой воды

– Что за зараза? Ты видела? Она напала на инженера, когда тот сунул руку в воду, – быстро проговорил Серафим.

– Не суй руки, куда не надо, – огрызнулась Елена. – Потом объясню – бежим! Нужно убираться отсюда...

Раздался жуткий треск и звон – келе напали на трактор и стали его яростно трясти, и дёргать. К счастью в отличие от аэросаней, сдвинуть трактор весом в несколько тонн, да ещё и стоящий на гусеницах, было той ещё проблемой даже для этих несокрушимых чудовищ. Однако они старались, неостановимо ударяя своими телами по преградившему им путь механизму.

Елена обратила внимание, что келе не используют щупальца для ударов по трактору. Они просто приподнимаются на кончиках щупалец и бьют по преграде тушками. Учиты-

вая что они весили как минимум пару тонн, их слила ударов рано или поздно окажет свой эффект и столкнёт трактор.

Или они догадаются его тупо обползти.

– Осторожно вдавите животы и аккуратно...

Свет в тоннеле померк, но тут же блеснул и снова померк.

Елена бросила короткий взгляд в тоннель. Там двигалось что-то огромное и мощное – оно заполонило собой весь тоннель... Оно двигалось, дёргалось и содрогалось, двигаясь вперёд! Приближалось...

– Бежим!!!!

Елена дёрнула Иннокентия и Серафима и, дёрнув их за руки, побежала прочь, по усыпанному золотыми самородками пляжу.

– Бегите!!! – кричала она, спешно выдёргивая из патронташа «Индру» и загоняя его в оружие вместо израсходованного боеприпаса.

– Да что там... – Иннокентий, мчался изо всех сил.

– Беги – Серафим, видимо, не парился вопросами – если Елена сказала – «всё бросай и беги», то надо бежать...

Дальше Елена смутно помнила – они втроём мчались, скользя ногами по золотым самородкам – счастье, что никто не упал или не подвернул ногу.

За спиной послышался грохот – что-то ударило в трактор и, с необычайной лёгкостью, перевернуло его...

Затем прогремел взрыв...

«Боевой шок... Они зовут это «боевой шок» – русские любят придумывать глупые названия своим дурацким фокусам... Боевой шок... подумать только – адреналиновый «всплеск», что мобилизует все резервы организма. Можете представить? Человек, который, на некоторое время, входит в «пик» предела возможностей своего организма.

Перемещается быстрее пули, способен рвать голыми руками металл и всё такое...

Чушь! Чушь и чушь!

Прости за такие резкие слова, но, по-моему, ваше УСС (Управление Секретных Служб – предшественник ЦРУ. Примечание автора), чересчур увлекается наркотическими средствами, в качестве «расширителей сознания», раз им мерещится такая чепуха.

Официально заявляю, что никакого состояния «боевого шока» не существует. Адреналиновый шок творит необычные вещи, но это неконтролируемая реакция, возникающая от крайнего нервного перевозбуждения – страха или нервного потрясения.

И никак иначе!

Для «боевого шока», как его видят упоровшиеся наркотой агенты УСС, человек должен иметь несколько надпочечников и нервную систему, что действует на температуре сверхпроводимости. То есть – замороженные чуть ли не до аб-

солютного нуля.

Мышечная ткань. Связки, сухожилия – ты представляешь, какая нагрузка ложится на них даже при примитивном увороте от пули? Никакое тело не выдержит этого.

Кости и суставы при таком резком повороте просто не выдержат ничего... Никаких сил не хватит. Извини, но «боевой шок» – это просто выдумки.

Так что посоветуй своим агентам поменьше употреблять наркотики из аптек. Тогда, глядишь, им и не будут мерещиться советские суперагенты, что перемещаются со скоростью молнии...».

Закрытое письмо Дональда Говарда, более известного как «Громокряк», неназванному офицеру Управления Секретных Служб (США). 1947 год.

Елена открыла глаза и несколько долгих секунд смотрела в сплошную тьму, что окружала её со всех сторон – жирным, густым и непроницаемым туманом, поглощающим звуки и свет...

Сделав глубокий вдох и убедившись, что воздух таки поступает в её тесный мир, девушка вытянула руки и упёрлась во что-то крепкое и холодное.

Судя по всему, это был камень или кусок породы.

Набрав полную грудь воздуха, Елена набрала полную грудь воздуха. «Боевой шок» больно ужалил её тело – мышцы приобрели твёрдость камня, а затем девушка с трудом

отвалила валун – судя по тому, с каким трудом его удалось отбросить, в нём было не меньше пятисот килограмм – мало какой человек в мире смог бы отбросить такую тяжесть. Даже Елене это удалось только благодаря тому, что она упиралась спиной в землю и имела точку опоры.

Стоило только «выйти» из «боевого шока», как на Елену накалилась чудовищная тяжесть, усталость и головокружение. Ей захотелось немного полежать на этом камне, благо, что в «Айзеке» она могла даже на снегу спать без спального мешка, и отдохнуть...

Однако – долг есть долг. Нельзя ни спать, ни отдыхать...

Осторожно перевернувшись на бок, Елена нашла тончайшую леску, что соединяла её запястье с «Вьюгой», и начала деловито наматывать её на запястье, пока, к её облегчению, из-за какого-то валуна не выскользнул ОКВ. Подтянув его к себе, девушка осторожно осмотрелась по сторонам. Убедившись, что никто не собирается на неё нападать, она привстала на корточки и, держа оружие наготове – осмотрелась.

От угла пещеры, где они оставили трактор, волокушу и келе не осталось ничего – один только камень. Тоннель не просто завалило – даже немного обвалилось камней с потолка, что полностью запечатало эту часть горы.

Было удивительно – как только не взорвалась вся пещера... Впрочем кто знает – тонна взрывчатки это страшно когда она взрывается в замкнутом пространстве, но никак не в огромной пещере... Многие авиабомбы Второй Мировой

весили и побольше тонны этой взрывчатки – тот же ФАБ 5000НГ нёс пять с половиной тонн взрывчатки, однако наибольшую силу они демонстрировали при взрывах в тесных, замкнутых постройках.

Одно только было понятно – келе, и то странное существо, что мчалось по тоннелю в глубину пещеры, мешать не будут – вряд ли они пережили такой взрыв – тонна взрывчатки – это тебе не два ящика «Камнелома», тут всё серьёзнее будет.

Так что за келе можно было не бояться.

Елена перевернулась и встала, осматриваясь по сторонам.

А Плотник молвил: «Хорошо

Прошлись мы в час ночной.

Наверно, Устрицы хотят

Пойти к себе домой?»

Но те молчали, так как их

Всех съели до одной.

донеслось откуда-то из-за камней.

– Товарищ Серафим! Живой?

– Можно подумать я тут тороплюсь помирать, – проворчал Серафим, выглядывая из-за валуна и садясь среди золотых самородков. – Слушайте, товарищ старший лейтенант... только честно – у вас на работе такие заварушки всегда? Или это только мне повезло?

– Это... боюсь что вы редкий везунчик.

– Главный инженер тут, – Серафим указал на Иннокентия, что лежал на спине, сложив руки на груди, и всматривался в

тускло светящийся потолок.

– Хорошо тут лежится, в тишине и спокойствии, – проговорил он, перехватив взгляд Елены. – Вы уж простите... Меня немного тут головой об это чёртово золото приложило. Немного времени дайте – в себя прийти. Кстати. Серафим. Не в службу, а в дружбу – у меня там фляга в кармане лежит... Достань? Пить охота.

– Да счас я вам чайку плесну. Прихватил с собой в фляжке, когда бегал за комплектами для дыхания. Как знал ведь, что не помешает...

– Спасибо, Серафим... А то эту воду как-то пить не тянет, в этой пещере – она нас самих чуть не съела...

– Ага. Что это вообще было? Очень похоже на какой-то колониальный организм, – Серафим открутил пробку у своей фляжки и передал её Иннокентию. – Я в книге какой-то читал, что в одном тропическом острове нашли странное существо, оно в воде было взвесью невидимых животных, но умело соединяться в одно, свирепое и сильное существо, способное сжирать даже акул.

– Скорее всего, это такое существо и было. Природа, она, знаешь ли, умеет такое делать, что ни одному фантасту не присниться. – Елена присела на валун и посмотрела на лакмусовый анализатор. – По крайней мере, тут безопасно, что ни говори. Воздух не отравлен, и в принципе бояться этой заразы не стоит.

– Что там было такое?

– Тот, кто проделал этот тоннель, решил вернуться, – вздохнула Елена, осматриваясь по сторонам, а затем приняла от Серафима флягу с водой, которую тот достал из кармана Иннокентия и сделал небольшой глоток. – К счастью мы успели убежать. Сейчас немного отдохнём и направимся к выходу. Я успела заметить тут кое-что – если повезёт, то выберемся.

– Это хорошо... Выбраться то выберемся. А что скажем? – Иннокентий поднял золотой самородок и немного его подержал в руках. – Вот это уже плохо. Очень. Если кто-то узнает про это золото, то нам, поверьте, будет плохо. Народ повалит сюда за этим металлом, и начнутся проблемы с этими живыми танками. Не хочу казаться пророком, но я бы с этими существами воевать не хотел – они даже будучи животными, могут задать жару. Согласны?

– Да. Поэтому я полагаю, что Илья тоже решит не обнародовать это месторождение, а скрыть его.

– Почему? – удивился Иннокентий, отбрасывая самородок.

– Ну... скажем так, у него есть свои причины. Дело в этих существах... Это ведь явно головоногие моллюски. Они довольно необычны, и владеют кое-какими секретами, которые явно не из тех, что надо передать людям. Скажу более – никакое золото не компенсирует те беды, что несут эти существа.

– Она говорит об этой «семе» – это же концентрированная

наркота, которой эти животные травят свою добычу. По сути дела – мощнейший наркотик. Товарищ Иннокентий, эти сухопутные аммониты производят жуткую по своей силе наркоту, – поддержал Елену Серафим. – Лучше всего, что бы об этой «дури» никто не узнал. А если сюда поедут добывать золото, то секрет этой «сомы» неминуемо попадёт в широкие массы. А что тогда будет, никому неизвестно. Вон что из-за поганого опиума и кокаина в мире творится – а тут нечто ещё смертоноснее. Оно нам надо, такие проблемы взваливать, на свою голову?

– Это верно. Последствия этого я даже гипотетически боюсь представить, – вздохнула Елена, и постучала пальцами по «Вьюге», что лежала у неё на коленях. – Так что, товарищи, я надеюсь, мы пришли к выводу, что об этом никто не должен знать.

– Я рад, что наши мысли бегут одними путями, – согласился Иннокентий. – Но сначала было бы неплохо выбраться из этого места. Как я понял, у вас, товарищ старший лейтенант, есть какие-то идеи?

Когда мы попали сюда, я видела, что вон там... – Елена махнула рукой в сторону видимого только ей светящегося марева... – ...есть что-то странное. Какой-то странный свет, похожий на солнечный. Судя по всему там пещера, через которую эти головоногие лезли на солнце, поохотиться на оленей.

– Надеюсь, мы там не столкнёмся с этими тварями? Мы

тут устроили такой грохот и взрывы, что, скорее всего все келе в радиусе нескольких километров нас слышали...

– Сильно подозреваю, что все твари в радиусе нескольких десятков километров, уже тут... Точнее вон там, – проворчала Елена и указала на завал оставшийся после взрыва. – Но нужно держаться осторожно... мы находимся в очень замкнутой экологической системе – и не знаем, что тут нас ждёт... Идём!

...Елене в этом месте было не по себе – она чувствовала себя очень нехорошо – ей казалось, что за ними следят. Причём очень внимательно и без остановки. Скорее всего такое ощущение возникло не на пустом месте... Однако оно было. И очень, очень тревожное.

Снайпер. Именно такие ощущения были у Елены, когда она, в Будапеште, попала под огонь снайпера РОА. Тот оказался хорошим стрелком, но ему и в самом страшном сне не могло присниться, что он столкнётся с девушкой, умеющей применять «боевой шок».

– Стойте... – девушка остановилась и, вскинув «Вьюгу» к плечу, осмотрелась по сторонам. – Ложись!!!!

Иннокентий и Серафим, ничего даже не спрашивая, рухнули, как подкошенные.

Стрелок, что следил за Еленой, отреагировал на чистом автомате – если цели разбегаются – подстрели хоть одну...

Выстрел щёлкнул как удар кнута – Иннокентий и Серафим успели увидеть только, как Елена превратилась в раз-

мазаный силуэт – настолько быстро она среагировала. Пуля выбила искры из золотых слитков и, отрикошетив от них, улетела в озеро, где и угомонилась.

Елена, уже на чистом автомате – отследила траекторию полёта пули и – вычислив «лётку» стрелка, вскинула оружие...

«Вьюга» издала грозное жужжание – из ствола ОВК вылетела струя дыма – и поразила громадный валун, что валялся на полу пещеры. Валун превратился в крошево окровавленной щебёнки, что разлетелась на пару сотен метров...

– Что это?! – крикнул Иннокентий, перекатившись под защиту большого валуна.

Елена, белесой тенью, метнулась к куче щебёнки, и покачала головой. Затем опустила «Вьюгу» и помахала рукой.

– Кажется это один из ваших приятелей, главный инженер...

Иннокентий и Серафим подошли к Елене и всмотрелись в жертву её ответного огня.

«Индра» расколочил камень и взорвал его, превратив в смертельную, режущую плоть и рубящую кости шрапнель, что в прямом смысле слова изрубила находящегося за ней снайпера – винтовка, что валялась рядом с ним, была самой обычной охотничьей «одностволкой». В поселении такие таскали все, кому не лень, начиная от геологов, заканчивая хэстами.

Тело человека было изуродовано до неузнаваемости. А

вот лицо таки было почти неповреждённым.

– Да это ж Вилка, – проговорил Иннокентий. – Что за чёрт?

– Почему он хотел... – Серафим замолчал. – Приятель Гаврилы?

– Конечно. Мы совсем забыли об этих «незаконных копателях» – «трясунах», – покачала головой Елена. – А ведь и коню понятно, что без поддержки извне – а точнее говоря из самого поселения, они бы тут многого не добились.

– Да что ж такое-то... – проговорил Иннокентий.

– Я считаю, что вам надо собрать людей и взорвать все пещеры в этих горах. А ещё лучше – все склоны этих гор – только так можно будет закупорить келе в их уютном и тихо мирке, который они покидают, чтобы полакомиться свежим мясом. Думаю, что моё начальство вам поможет с охотой, – проговорила Елена, осматриваясь по сторонам. – А теперь пойдём отсюда

– И желательно – побыстрее... – каким-то странным голосом проговорил Серафим и посмотрел назад.

Елена повернулась, вскинув оружие.

Мутная вода в озере странно зашевелилась и забурлила, словно её изнутри взбивало что-то невидимое. Затем на берег плеснула волна, то так и осталась на берегу – словно мутная серая взвесь, кишащая в воде, осталась на берегу и тянулась вперёд, по золотым самородкам, к людям...

Серая масса всё нарастала и нарастала, пока наконец не

превратилась во что-то вроде огромного шара, размером чуть более баскетбольного мяча. Затем вся эта масса пока- тилась по берегу, двигаясь точно к троим людям.

Иннокентий схватил оружие Вилки, но тут же скривился – патронов там не было – патронташ был на Вилке, и после попадания из оружия Елены определить где патроны, а где кости не представлялось возможным.

– А ну назад! – Елена приподняла «Вьюгу», и, держа шар на прицеле, осмотрелась по сторонам. – Смотрите по сторо- нам – тут должна быть пещера или тоннель, через который сюда прошёл Вилка. В эту штуку не стрелять... ему нужны не мы.

– Не мы? А кто? – Иннокентий осмотрелся по сторонам, что далось ему не так и просто – учитывая, где он находился.

– Как мне кажется, эта штука, чем бы, она не была, хочет съесть труп Вилки, – проворчал Серафим.

– Верно. Только вот боюсь, что оно может не остановиться на достигнутом и решить закрыть продовольственный во- прос уже нами, – проворчала Елена.

В Южной Америке девушка уже сталкивалась с одним неприятным делом – бродячие муравьи, которые обычно нападали на мелких животных, создали свой муравейник над могильником, в котором было захоронено множество останков людей, погибших при незаконной разработке урановой руды. Кроме того в могильнике находились ещё кое какие вещества, что превратили муравьёв в жутких людо-

едов – муравьи стали целенаправленно охотиться именно на людей. Биоинститут, совместно с американским «Щитом Жизни» («Щит Жизни» – название американского филиала ОБО распущенного и расформированного в 1955 году. Примечание автора) сумели уничтожить муравейник, и перебили муравьиных «королев» способных выводить таких муравьёв-людоедов. (Речь идёт об операции «Ледяной Шип» (1954 год) – документы о ней хранятся в архивах ЦРУ. Код доступа «Альфа-Ноль» – чтение документов без выноса из архива и копирования. Примечание автора).

– Товарищ инженер... Я хочу сжечь тело Вилки – Елена быстро достала и затолкала в «Вьюгу» два «Горыныча». – Но мне необходимо ваше согласие.

– Согласие получено, делайте, – проговорил Иннокентий. – Делайте, что сочтёте нужным. Я полностью вам доверяю.

Елена подняла «Вьюгу» и нацелила её на жалкие останки помощника участкового поселения.

– Вон там, – Серафим указал на кучу валунов. – Вон выход из пещеры. Видимо на улице ночь, вот и не видно.

– Уходите туда. Я сейчас, – Елена посмотрела в сторону озера.

Вода в озере довольно сильно бурлила и оттуда выбирались всё новые и новые шары, что ползли к останкам Вилки. Их было уже полдесятка.

Самый шустрый шар, наконец-то, докатился до останков

Вилки и словно «лопнул», выплеснув своё содержимое на останки

Серая жижа облепила несчастный труп и поползла по нему, накрывая какой-то странной, мерзкой пульсирующей плёнкой. Даже капли крови на золотых самородках не остались без внимания – странная серая масса обволакивала их, алчно очищая.

Остальные шары присоединялись к жуткому пиршеству – они лопались, добавляя свою массу к массе собратьев.

Елена достала пробирку и осторожно взяла образец этой серой массы – попав в стеклянный плен, масса тут же прекратила сопротивляться и снова стала изображать обычную неорганическую взвесь.

Отступив на несколько метров, Елена всадила в останки Вилки и опутавшую его плотоядную массу, три выстрела из «Горыныча»! Огненный боеприпас охватил все, сжигая труп и опутавшую его сероватую водяную живность...

Убедившись, что все, что не сторит – обуглится до состояния золы, и в пищу уже будет непригодно, Елена побрела к Серафиму и Иннокентию

Но тут её в глаза бросилось нечто совершенно невообразимое и, на первый взгляд, невысказанное – пылающий самородок.

Странный самородок, сверкающий золотым блеском – горел. Причём горел ровным, ярким, синим пламенем, ничуть не отличающимся от того, что горело в конфорке газовой

плите, когда Елена ставила на плиту чайник с водой.

Елена удивлённо похлопала глазами, а затем заскрипела зубами от злости к себе и с огромным трудом, подавила желание врезать себе прикладом «Вьюги» по голове – в гневе на свою глупость. Это надо же было не видеть очевидного?

Убедившись, что остальные самородки гореть не собираются (видимо им была нужна очень высокая температура – как у горящего фосфора, что использовался в «Горыныче»), Елена побрела к Серафиму и Иннокентию.

– Что вы там увидели?

– Эта взвесь в воде – это микроскопические колониальные животные – они, скорее всего, атакуют то, что приходит в озеро напиться, и съедают всё органическое, что можно найти на берегу, – проворчала Елена, похлопывая по сумке с образцами. – К счастью они медленные и неторопливые – убежать или вырваться от них на суше можно без труда.

– Меня они сумели удержать, – заметил Иннокентий.

– Конечно – они держались за дно. Приклеились к дну и удерживали вас благодаря общей площади своего «тела». Вполне возможно, что они, таким образом, охотятся на животных что приходят попить водички. Ну и как видите – они могут ползать по поверхности, если надо съесть останки чьего-то обеда... Мне кажется, что именно они отполировали здешние самородки в такую форму. Вполне возможно тут есть, фаза прилива или ещё что-то...

– Тогда надо убираться отсюда, пока не наступил прилив.

Смотрите, что мы нашли, – Иннокентий указал на аккуратно пробитый в стене проход.

– А вот тут уже били снаружи, – Серафим осторожно осмотрел края пролома. – Причём работали аккуратно – пробили тоннель и тщательно стесали все неровности. И было это ох как давно...

Впрочем, Елена и сама это уже видела – вбитый в стену крюк, на котором висела керосиновая лампа, служащая ранее для освещения места работ, был порядком проржавевший, да и сама лампа выглядела тоже потрёпанной временем.

– По моему этому тоннелю лет сто. Минимум, – поговорила она и достала фонарик. – Держитесь за моей спиной. И посматривайте назад – кто знает, что там ещё из озера вылезет...

К счастью всё прошло довольно спокойно – никто, с гастрономическими предложениями, к Елене и Иннокентию с Серафимом не приставал и они спокойно прошли по пробитому в скале тоннелю до большой пещеры, в которой нашли останки какого-то лагеря.

...Елена, закинув «Выюгу» на плечо, с интересом рассматривала останки древнего лагеря, который, если судить по раскиданному оборудованию и останкам одежды, был создан как минимум лет сто назад. А то и дольше – Серафим нашёл несколько монет, кои уверенно определил как европейские, времён правления Наполеона Первого над Европой.

– Тут вот немецкие, австрийские монетки и наполеондор... – Серафим положил монеты на стол. – Причём смотрите – эти монетки, они не так, просто в кошельках валялись – их явно использовали как памятные медальоны. Пробили дырки и таскали на шее, как ожерелья. Так иногда делали простые солдаты – они так оставляли себе память об освобождённых от Наполеона страны. Ну, вместо медалей и отличительных знаков. А вот тут мундир, останки висят – явно морской мундир времён Александра Первого...

– То есть этот лагерь – останки экспедиции Российской Империи, что была отправлена в эти края после Наполеоновских Войн?

– Да. Ну... Зачем они сюда приехали – это понятно – вон какой тоннель пробили, причём очень аккуратный. Явно работали не торопясь. А вот золото...

Елена горько вздохнула и, с трудом, сдержала смех.

Воистину, местные очень «точно» прозвали умопомрачение золотом – «золотым дьяволом». Сколько людей погибло, привлечённые золотом келе? Наверняка много – и ведь никто так и не понял, насколько всё было бессмысленно...

– Почему они погибли? И почему никто не попытался искать их?

– Не знаю... Может их убили келе? Но всё равно – они тут пробыли долго, и скорее всего их кто-то сюда привёз. В этой экспедиции участвовали солдаты и рабочие – они должны были оставить документы о себе и своей работе в архивах, –

Серафим посмотрел по сторонам. – Ничего не понимаю.

– Скорее всего, документы об их экспедиции были засекречены или утеряны. Такое часто случается, – предположила Елена. – И я считаю, что они были именно утеряны, а потом найдены. Это объясняет экспедицию «трясунов», которую уничтожили келе. Скорее всего, Маркиз Помидор и какой-то из начальников поселения, создали эту экспедицию для поиска золота, опираясь на документы, найденные в архивах. Они собрали людей, провели работу по подкупу некоторых людей из поселения и пригнали сюда экспедицию, для поиска «полой земли».

– А в итоге оказались правы, ага? Тут есть полая земля, населённая совершенно невероятными чудовищами... – Серафим покачал головой. – Мне кажется, их эти чудовища – келе отравили – выдохнули в них свои наркотические газы... ну они и выскочили из пещеры на свежий воздух. А там и умерли... И их съели.

– Надо будет взорвать тут всё. Весь склон этих гор, – проговорил Иннокентий. – Эти горы убили очень много людей.

Елена села на колени и осмотрела пол. Пол был грязный, пыльный занесённый надутым мусором. Снега, правда, тут не было – из подземелий тянуло тёплым воздухом, что мигом расправлялся с заносимыми снежинками...

Встав, она обошла пещеру, осматривая стены, трогая прогнившие скамьи и взломанные побывавшими тут раньше нелегальными добытчиками золота, сундуки. «Трясуны» тут

явно перешарили всё что можно – даже утащили отсюда оружие, пороховницы и пули.

Однако Елена знала о том, что и в былые годы члены экспедиций редко доверяли простым людям, которые выполняли «черновую работу» и всегда делали тайники, что бы прятать ценности от остального коллектива... Нужно было, только уметь искать. А уж искать Елена умела на совесть – этому её учили в Биоинституте с малых лет опытные государственные инструкторы, и даже специально для таких уроков переведённые из лагерей воры, поднаторевшие в искусстве искать спрятанное.

Тайник оказался, что называется, «на виду» – его сделали прямо под порогом – тремя толстыми плитами из камня.

Отвалив один такой камень, Серафим и Елена вытащили толстую книгу из пергамента, два мешочка с золотыми и серебряными монетами, дубинку из уже знакомого бакулюма моржа, осколок странного предмета, похожего на сломанный пополам зуб и ещё одну пороховницу из панциря черепахи под основание набитую шариками «сомы». Так же Елена нашла необычную вещь – пачку металлических пластин, на которой кто-то рукастый и предприимчивый выгравировал весьма юных (даже очень юных) девушек, без одежды и в фривольных позах.

Завершал список кожаный мешок набитый непонятной трухой. Их горловины торчала трубка, в которой Серафим и Иннокентий безошибочно узнали трубку для курения опи-

ума.

– Да уж... Века сменяют друг друга, а изымаемый у рабочих нелегальный «груз» (прозвище личных вещей. Примечание автора) остаётся всё тем же... – проворчал Иннокентий, осмотревнаходки.

«Давным-давно, ещё до начала Мировой Войны, я повстречал в Италии одного путешественника и исследователя – американца Эйнджела Снарка-Младшего. Станный был тип, что ни говори, однако без его помощи и советов мне бы никогда не удалось найти способ создать «камни Парацельса».

Хотя кого я обманываю? Именно Снарк указал мне на возможность существования этого вещества – мне понадобилось почти тридцать лет, чтобы создать «камни Парацельса» заново.

Кстати, это было не так сложно – в Средние Века такое умудрялись делать на оборудовании тринадцатого века. А что говорить об оборудовании 1925 года? Самое главное было – поверить в то, что такое возможно, ну и... ну и найти деньги.

С деньгами, скажу тебе, по секрету, было тяжело – Веймарская Республика это тебе не Германская Империя. До Мировой Войны мы, немцы, владели половиной мира и са-

мой совершенной промышленностью. А сейчас – выпрашиваем деньги у других стран и спокойно смотрим, как нас грабят наши соседи... «горе побеждённым»? Ну как бы не так – весь мир ещё убедится, что немцы отстаивают свою свободу не золотом, а железом... (последние слова в письме были затёрты – их удалось восстановить только при помощи тщательной работы в криминалистической лаборатории Новгорода в 1955 году. Примечание автора).

Вы посмотрите на меня... Даже сейчас, когда я уже понял ЧТО сотворил – я не могу избавиться от той ненависти, что сжигает меня... Снарк был прав, когда сказал, что ненависть помогает творить чудеса, но она же – могильщик твоих самых лучших чаяний.

Создать «камень Парацельса» мне удалось без труда, как я говорил – несмотря на его невероятность, он довольно простой по рецептуре. Хотя там было одно... очень редкое вещество. Я не буду тебе описывать его – скажу только то, что именно это вещество вошло в русский фольклор как «живая и мёртвая вода» – вне сомнения, те работы, что я делал – делали и стародавние времена. Так вот – без этого вещества «живой воды» «камень Парацельса» не работает.

Я проверил работоспособность «камня Парацельса» – наши молчаливые помощники из СА (да-да, мне помогало именно СА знаменитого Рема, а не СС Гитлера), доставили мне несколько подопытных. Я вырастил в колбах органы живых существ (взял от разных видов) и вшил их в их организ-

мы, на место удалённых.

Всего было десять подопытных – умер только один, и то – из-за небрежности моего помощника, что занёс заразу в его тело при операции.

Остальные выжили. Более того, органы, которые я переса-дил, они быстро «вросли» в тело, заменили удалённые. Ни-каких следов болезни или неприятностей для пациентов за-мечено не было.

В общем, после этого я начал работать над проектом «Хумбаба». Скажу сразу – это было нечто монструозное. Полностью искусственное существо, которое надо создать «в пробирке» и вырастить для уничтожения целых армий про-тивника.

Видел бы ты, что я создал! Даже мне не по себе от того, что я натворил. Если такая сила, когда-нибудь вырвется из-под контроля... (последние слова в письме были затёрты – их удалось восстановить только при помощи тщательной ра-боты в криминалистической лаборатории Новгорода в 1955 году. Примечание автора).

Я тогда не понимал, почему же в Средние Века и в Древ-ней Руси, отказались от применения этого удивительного ве-щества...

А потом понял.

У «камня Парацельса» есть один недостаток. Он полно-стью гасит у созданного с его помощью существа агрессию. Ты понял? Нет агрессии. Каким бы чудовищным ты не со-

здал «гомункула», он не станет агрессивным. Он не будет нападать на других, кроме как из чувства голода или самозащиты.

Для гомункулов совершенно не понятна сама суть такого термина как «война». Они абсолютно бесполезны в военных действиях. Они не станут сражаться – они убегут с поля боя.

Всю свою жизнь я потратил на то, чтобы создать что-то совершенно бесполезное.

Снарк был прав, когда говорил, что «остерегайтесь применять знания созданные не вами – ибо неведомо нам, для чего они нужны».

Личное письмо учёного Роберта Фуджира, адресованное кому-то в СССР (установить имя адресата не удалось). Письмо было найдено только в 1978 году среди документов, которое США получили из Германии в 1945 году.

В посёлок вернуться удалось без труда, поскольку Вилка оставил свои аэросани у пещеры. По прибытии в поселение Иннокентий быстро установил, что Вилка передал в больницу одного из рабочих, что пострадал от светящейся слизи, заправил аэросани до упора и умчался, назад сославшись на прямой приказ Иннокентия.

Так же выяснилось, что светящаяся слизь, которой так ловко и метко орудовали келе, оказалась далеко не простой – все кто в ней был перемазан, или хотя бы прикоснулся к ней незащищённой частью тела – заболели.

Поскольку Бобров по-прежнему пребывал без сознания, то все медработы легли на плечи заместителя – мрачного, жутко тощего парня, по прозвищу Костлявец.

Елена, вернувшись из поездки, отправила «Айзек» в стирку, а сама – ушла в душ, где Валентина, и та молоденькая медсестра, что сообщала о пропаже Боброва, оперативно отмывали её от керосина, грязи и следов слизи келе.

Медсестра, которую звали Каря, рассказала, что симптомы заболевания начались где-то через два-три часа. Они характеризовались резким повышением температуры и странными судорожными движениями мышц, а так же невероятной сонливостью. Иными словами люди просто засыпали, будучи неспособными даже ходить.

В данный момент все, кроме Елены и Серафима, кто контактировал с этими светящимися чернилами келе, пребывали в странном состоянии, схожем с анестезией. Они крепко спали, хотя и реагировали на внешние раздражители.

– Поставьте антибиотики, – проговорила Елена, выйдя из душа и скручивая волосы в узел, что бы выжать их как следует. – Полагаю что это действие микроорганизмов из чернил.

– Микроорганизмов?

– Ну да. Дело в том, что эта светящиеся чернила – это ни что иное как особый вид бактерий, что светятся в темноте. Головоногие часто используют эти чернила для того, что бы ослеплять противника – в глубинах моря, где постоянный мрак – вспышка такого сияния в глаза противника, что при-

вык к полной темноте – очень болезненна, – объяснила Елена. – Сильно подозреваю, что болезнь вызвана именно этими бактериями.

– Это опасно?

– Честно говоря, не знаю, но попробую предположить, что для людей эти микробы опасности не несут – скорее всего тут дело не в заражении, а в работе нашей иммунной системы, что подавляет и уничтожает эти микробы. Обязательно возьмите у заболевших анализы и проверьте на мёртвые микроорганизмы. Вы уже сделали соскобы с одежд и личных вещей пострадавших? Надо изучить эти бактерии как следует.

– Костлявец запретил это делать и велел всю одежду и снаряжение немедленно сжечь, – проговорила Каря. – Сам и сжёг, и даже лично присутствовал.

– Что-о-о-о?! – возмутилась Елена. – Он спятил?!

– Он сказал, что не может допустить присутствия заразы в больнице и в посёлке... – Каря вздохнула. – Но вы не беспокойтесь, я знала, что вы захотите исследовать эту светящуюся гадость и сделала соскобы со всего, до чего руки дошли. И убрала пробирки. Только Костлявцу не говорите об этом, он слишком расвирепел. Он боится, что эта штука – заразная, и что если не принять мер, то весь посёлок заразится. Как бы вас в карантин не посадил...

– Не беспокойтесь, я ему кое скажу... – Елена скрипнула зубами. – Он у меня мигом научится не путать науку и бю-

рократию. Кроме того особо не переживайте – сюда уже вылетел спецборт из медицинского института, с врачами более высокого класса и специалистами из КГБ. Могу вас уверить – их очень заинтересует, для чего заместитель главного врача занимается целенаправленным уничтожением улик.

– Ну, он так то действовал по инструкции... Одежда и вещи подвергшиеся заражению или вступившие в контакт с неизвестной инфекцией, должны быть уничтожены.

– Только после сбора образцов заразы и согласования с другими врачами, – отрезала Елена, подходя к зеркалу, что висело в «предбаннике» душевой комнаты и рассматривая себя.

В зеркале отразилось нечто, жутко похожее на привидение – бледная кожа, впалые щёки – всё тело покрыто синяками и кровоподтёками – даже «Айзек» не мог отразить силу от некоторых ударов.

В общем зрелище то ещё.

...Костлявца искать не пришлось – он стоял прямо в коридоре и вертел в руках «Вьюгу».

– Так, это что такое, товарищ заместитель главврача? – ледяным тоном поинтересовалась Елена, застёгивая верхние пуговицы халата. – Вам не кажется, что вы себе много позволяете? Кто вам разрешил брать спецсредство?

– Да ладно, я просто его посмотреть взял, – ухмыльнулся Костлявец. – Но вообще я пришёл вас осмотреть. Насколько я знаю, вы и Серафим единственные, кто имел контакт с этой

заразной дрянью, от которой у меня все палаты в больнице забиты. Правильно?

– Да. Это так. И что?

– Просто это странно – у вас нет никаких следов заражения этой непонятной болезнью.

– Возможно, если бы вы закончили какой нибудь медицинский университет, или отучились нормальном мединституте несколько лет, то вы б знали о таком эффекте как «реакция иммунной системы». Именно с ней мы сейчас и имеем дело. То, что вы считаете болезнью – это просто ответ защитной системы организма, на попадание в тело бактерий из которых состояли светящиеся чернила келе. Сами бактерии для людей опасности не несут и более того – заразить не могут. Я и Серафим не боеем, потому что вся эта зараза нейтрализована в наших организмах. Кстати, я попрошу вас, немедленно, пройти со мной к главному инженеру.

– Это ещё зачем? – удивился Костлявец.

– Необходимо поставить его в известность о том, что вы, по каким-то причинам, остающимися для меня неизвестными, активно мешаете. Для чего вы приказали сжечь всю одежду людей, что участвовали в обороне поселения?

– Потому что она содержала заразные вещества. Люди что касались этой слизи светящейся – потом заболели. А значит что? Это значит, что она была заразна. И я её приказал уничтожить... – Костлявец растянул губы в усмешке. – Я поступил правильно. Кто угодно поступил бы так на моём месте.

Елена протянула руку к Костлявцу и послала ему очаровательную улыбку.

Несколько секунд заместитель врача явно колебался – отдавать оружие Елене он не хотел, это было хорошо видно. Но и спорить с ней тоже желания не было, учитывая место работы Елены. Несколько долгих секунд Костлявец боролся с собой, а затем, вспомнив Гаврилу, отдал «Вьюгу».

– Знаете, я слышала такую интересную историю – в славном городе Новгород жил да был санитар из студентов, что не смог осилить даже первый курс медицинского ВУЗа. Поэтому он поступил работать в сумасшедший дом – тоже простым санитаром. В местечко, что известно как «Мёртвый корпус» – отделения для больных с необратимыми повреждениями головного мозга... – Елена послала помрачневшему Костлявцу очаровательную улыбку. – И вот туда как-то раз привезли молодого студента, что как раз закончил учёбу, а отмечая это дело, так перебрал с выпивкой, что получил травму головы. Несовместимую с разумной жизнью. Ну и санитар, как я слышала, украл документы этого бедняги и, присвоив себе его имя, отправился в новую жизнь... Красивая сказка, согласны?

– Ключевое слово – сказка, – проворчал немного побледневший Костлявец.

– Да... Согласна. Счастливая сказка – с ужасным концом, – Елена вздохнула. – Ну, так что, идём к Иннокентию? ...В кабинете Иннокентия был и Бегемот, что подписывал

какие-то бумаги. Увидев Елену, он натужно улыбнулся.

– Товарищ старший лейтенант, боюсь, что ваш визит сюда надолго запомнится... Я вас, кстати, искал. Нужно подписать документы о том, что вы изъяли у нас взрывчатку для своих нужд. Иннокентий уже всё подготовил – но необходима ваша подпись.

– Хорошо... – Елена подписала документы. – Мне нужно разрешение на уничтожение горного склона в Угодьях Келе.

– Зачем? – прищурился Бегемот.

– Я уже сказал тебе – там дело очень сложное. Нужно запечатать как можно больше горных пещер. В идеале – взорвать весь склон, чтобы замуровать норы и пещеры.

– Ладно, сделаем... – проговорил Бегемот.

– Я вот только одного не пойму – полагаете, что эти твари, не могут прорыть новый тоннель? – поинтересовался Василий, что сидел за столом и покатывал меж пальцами крупные шарики от подшипника.

– Дело в том, товарищ участковый, что мы имеем дело с очень уникальным случаем – эти существа – келе, они попытались напасть на нас только по той причине, что у нас было то, что их привлекает. А именно – взрывчатка США.

– Не совсем понимаю, – протянул Костлявец.

– А что понимать? Это взрывчатка привлекала их, ввергая в своего рода безумие, заставляя ползти за ней на целые десятки миль. В том веществе, из которого её создали, явно есть что-то необычное. То, что заставляет этих существ

бросать всё и ползти за ней, – Елена села в кресло и расслабилась. – Они готовы на всё, что бы добраться до неё. Это совершенно нетипично для людей, но вполне понятно для животных.

– Вы точно уверены, что эти головоногие все перебиты? – проговорил Бегемот. – Мы потеряли много людей из-за них. Я бы хотел затеять взрывные работы, только убедившись, что людям ничего не грозит.

– У меня есть основания полагать, что эти существа, по крайней мере, те, что вылезли на поверхность, перебиты, – проговорила Елена. – Что до опасности – в этих горах тысячи пещер и нор, через которые эти существа могут выбраться. Поймите правильно – только взорвав хотя бы часть этих гор, мы можем немного защититься от них. То, что случилось тут – это недоразумение и случайность. Не будет больше этого американского «Камнелома», не будет и нападений келе. Ну, разве что кто случайно пойдёт в их норы.

– А их там не могло быть только пятеро? – проговорил Василий, и посмотрел на Елену, исподлобья. Может, мы их всех перебили?

– Нет-нет. Их там много. Я считаю, что там очень устойчивая популяция, насчитывающая сотни таких вот существ. Поверьте мне. Сами понимаете, какой опасности мы подвергаем себя.

– Хорошо... – Иннокентий отложил подписанный лист. – Мы начнём работу по подрыву склонов Угодий Келе...

– Товарищ Громов. У вас есть что сказать? – Бегемот посмотрел на Костлявца.

– Ну... Есть. Товарищ главный инженер – боюсь, что часть людей, просто не сможет работать. Они отравлены этой дрянью – светящимися чернилами келе... Они пролежат... ну не знаю. День или два...

– Товарищ главный инженер, в этом случае я считаю, что действительно стоит немного подождать, – проговорила Елена. – Я считаю, что ваши люди отравлены светящимися чернилами келе. Это не совсем отравка – просто в кожу впитались светящиеся бактерии, которые и заставляют светиться чернила этих келе. Организм ваших людей с ними сражается и, скорее всего, они скоро придут в норму.

– У меня тут навалом другого народу, что отлично может справиться с подрывом, – проговорил Иннокентий.

– Это так. Но я бы хотела иметь своего рода резерв. На тот случай, если дела пойдут не так.

– А что может пойти не так? – поинтересовался Иннокентий. – На мой взгляд, всё должно пойти нормально.

– Мало ли что? Не забывайте – мы имеем дело с нестандартной ситуацией. Я бы не хотела отправлять людей на совершенно неоправданный риск. Давайте не будем спешить. Начнём работу только когда у нас будут все на ногах.

– Ладно... – Иннокентий кивнул. – Будет вам время. Громов, что ты мне хотел сказать?

– Я бы... надо Серафима и старшего лейтенанта поме-

стит в карантин. Под временный арест. Поймите правильно – у них нет никаких симптомов той болезни, что вызывают светящиеся... чернила. А это странно. Подозрительно. Вдруг они будут как «Тифозная Мэри»? Сами не болеют, а других – заражают? Вы готовы нести такую ответственность?

– Я ценю твою озабоченность, но полагаю, что у старшего лейтенанта есть своё оборудование, которое позволит ей вычислить любую... заразу. Кроме того завтра прилетает спец борт из Свердловска, с врачами и сотрудниками КГБ. Он возьмут ситуацию под контроль и помогут разобраться с ней. Посему я считаю, что меры, которые ты хочешь предпринять – вполне понятны, но несвоевременны, – Иннокентий отложил в сторону перо, и, закрыв чернильницу, посмотрел на Бегемота. – Я полагаю, что вы поняли задачу? Наберите людей и взрывчатку. Мы проведём серию взрывов – обрушим склоны Угодий Келе, перекрыв путь этим существам наружу. Это план на ближайшие два дня.

– А что с золотом делать будем? Ну, тем, что там нашли? Бросим? Сделаем вид, что его не было?

– Золото... Полагаю, что опасность, что исходит от келе, делает невозможным добычу этого металла. В любом случае завтра мы установим связь со Свердловском и Москвой и узнаем, что нам делать.

– Что, радиостанцию уже отремонтировали? – удивился Василий. – Я думал этот урод, Гаврила, там всё разнёс.

– Да. Он умеет ломать...

– Гаврила – один из солдат РОА, проходивший обучение в диверсионных войсках Вермахта, – проговорила Елена. – Конечно, кому как не ему учиться ломать и уничтожать. Он разломал несколько незаменимых деталей, и пока мы не получим из города нужные запчасти...

– Попрошу особо не паниковать, – проговорил Иннокентий, подтягивая к себе лист бумаги. – В Свердловске имеют весьма яркое представление о том, чем мы тут занимаемся. Могу вас уверить, что после того, как оборвалась связь, там уже собрали самолёт со всем, что может только пригодиться.

– Откуда они знают, что у нас могло сломаться? – удивилась Елена.

– Ни откуда, просто они привезут новую радиостанцию. Это обычный протокол действий в таких случаях – если пропала связь, то мне везут новую радиостанцию. Что такого? Это логично – никто же не знает, что сломалось и сколько времени пройдёт ремонт. Проще привезти новое, чтобы обеспечить непрерывную связь. – Иннокентий сложил руки под подбородком и проговорил: – Товарищ старший лейтенант... Я надеюсь, вы отдаёте себе отчёт в том, что делаете?

– Да. И не переживайте – всё будет хорошо.

– Ваши бы слова, да Богу в уши, – Иннокентий постучал по столешнице. – Делайте то, что сочтёте нужным. Я вас поддерживаю в ваших начинаниях. С моей стороны для вас ни единого препятствия не будет.

...За время злоключений Елены по тундре, плотники при-

тащили новую дверь, но памятуя об обещании хозяйки убить любого, кто завалится к ней в комнату, собственно менять дверь постеснялись, и терпеливо дождались Елену. Это уже указывало на то, что Елена заработала определённый авторитет среди суровых работяг этого места – раз они беспрекословно выполняли все её приказы.

Елена явилась не одна, её сопровождала Каря, что при-тащила несколько пакетов с физраствором. Вместо вешалки для них Елена приспособила спинку кровати.

– Что вы собираетесь делать?

– Две капельницы – для чистки организма. Кто знает, какой отравы я там нахваталась. Эти головоногие – ползучие машины по выработке смертельных веществ.

– Для чего? Зачем им такой арсенал? Товарищ старший лейтенант... эти моллюски – настоящие танки. Они не пробиваются противотанковыми боеприпасами – слышали бы вы как кричал Старый Чёрт, когда рассказывал о этом... Эти келе используют какую-то отраву, да ещё плюются светящимися чернилами, как снарядами. Для чего им это? Для чего им такое вооружение, словно они воюют танковыми армиями? А ещё эта маскировка их... – Каря перевязала руку Елены жгутом и, похлопав по локтю, осторожно ввела в вену иглу, к которой присоединила сразу два пакета физраствора.

Елена прикрыла глаза. Она уже кое-что понимала в этом, но опасалась сказать, так как хорошо осознавала – правда перепугает людей до полусмерти. С другой стороны, умал-

чивать тоже не дело – как только люди отойдут от того, что здесь произошло, то они и сами станут подозревать неладное. Серафим, кстати, скорее всего уже всё понял, потому, и не болтает о том, что видел там, в глубинах этой подземной пещеры.

– Пока мы не знаем ничего... Достаньте вон ту сумку, – Елена указала на кровать, куда свалила свои вещи. – Эй, прикройте двери.

– А чо? – один из плотников заглянул в дверь, но тут же получил в лоб стаканом и отшатнулся. – Ай твою мать! Закрываю!

– Ничего себе вы... – Каря положила сумку на кровать и подобрала стакан. – Это с такого расстояния, да так метко в лоб зарядить!

Елена фыркнула и швырнула в Карю три стальных иголки от шприцов.

Те пролетели через всю комнату и метко угодили в стакан, что держала в руках Каря.

– Доставай из сумки синюю бутылочку, на которой написано «Яд». Не бойся. Название только для проформы... А теперь добавь всё содержимое в последнюю капельницу. Перемешай с физраствором... Так...

Елена поморщилась и стянула с себя одежду, оставшись совершенно голой.

– Помоги мне лечь в кровать, осторожно, держи капельницы, чтобы иголки не выскочили.

Каря помогла Елене лечь на кровать и, положив под голову подушку, положила руку с трубками капельницы так, чтобы она не мешалась.

– Отлично. Теперь... – Елена сглотнула.

Применять тот странный раствор, что создали в Биоинституте, было трудновато – его надо было вводить строго в одну точку тела – почему-то действие этого вещества, которое Илья называл «Связь», проявилась только, когда его вводили строго в одну и ту же точку организма.

– Теперь втыкай иглу вот сюда... – Елена взяла руку Кари, что сжимала иглу, а запястье, и прижала к низу живота. – А вот тут... Да не смотрите вы на меня так! Сюда вгоняйте иглу... Давай... Ох... всё... Теперь дай сюда моё оружие...

Каря подняла «Вьюгу», удивившись её лёгкости – мощное и громоздкое оружие весило всего пару килограмм, положила на кровать, рядом с Еленой.

– А теперь немного посиди со мной. Когда капельницы опустошатся – то сними их. Иглы выдерни и помажь места проколов содержимым того тубика. И ничего не бойся...

– Что я вам ввела? – Каря поглядела на синеватую жидкость из пакета с физраствором.

– Это своего рода то, что заменит мне полноценный суточный сон и снимет усталость... – глаза Елены закатились, и она уснула.

Каря притащила стул и села рядом с Еленой, вертя в руках тубик из её аптечки, который ничем не отличался от обыч-

ного тюбика с помадой – разве что «помада» в нём была сочного, зелёного цвет, с резким запахом какой-то плесени.

Отложив странную помаду в сторону, Каря, посмотрела на Елену.

Девушка крепко спала, во сне её лицо сильно расслабилось, и стало видно, что она совсем молоденькая – Каря ни за что-бы не дала её больше двадцати пяти лет. И вот эта тощая, стройная девица, с гривой красивых, светлых волос, спокойно перенесла удары Арктики, которые могли бы сломить крепкого мужика. Серафим отзывался о Елене с восхищением – говорил, что такую как она – не сломать. Да и убить не так просто.

Мнению Серафима Каря доверяла полностью – он уже заслужил в поселение определённый авторитет – отлично разбирался в людях и практически всегда чем-то, да помогал новичкам. И психологом он был неплохим – помог Каре прийти в себя, когда она прибыла сюда, мрачной, злой на весь мир студенткой, которую бросил жених. Променил её на подругу из общежития – не очень красивую, но зато богатую...

Уже тут, в поселении, Каря узнала, что на второй день после свадьбы её жених, будучи пьяным до «зелёных чертей», отправился на кухню и поставил чайник на пустую комфорку, которую открутил до упора. Затем зажёг папиросу...

Погиб сам, а вместе с ним погибла и его жена, что зашла на кухню, чтобы узнать, почему там так воняет газом...

Одна из капельниц опустела, а затем и вторая – Каря показалось, что пакет с физрастором опустел гораздо быстрее, чем обычно. Однако задумываться над этими странностями девушка не стала и, прижав ватный тампон к игле, воткнутой в руку, вытянула иглу из вены и тут же помазала странной «помадой» из тюбика.

То что случилось дальше немного походило на колдовство – странная помада запузырилась и кровь, между прочим текущая из вены, остановилась, а затем высохла, превратившись в прочную корку. Елена немного поморщилась, но так и не проснулась.

Каря убрала капельницу, и как следует, накрыла Елену одеялом. А затем осмотрелась по сторонам.

«Оранг», что стоял на столах по-прежнему попискивал и подмигивал кучей разноцветных огоньков, причём издаваемые им звуки действовали довольно умиротворяющее, заставляя Карю клевать носом.

В самой комнате стоял странный запах – запах медицинского спирта, каких-то цветов и странный – хорошо различимый аромат, напоминающий ландыши...

Каря села у окна и стала рассматривать снежный простор тундры, хорошо знакомый ей за последние три года, что она жила тут, в этих снежных просторах. Бескрайняя снежная гладь, под чистым, словно тщательно промытым небом, действовала на неё успокаивающе – глядя на эту бесконечную пустоту, как то быстро забывались все свои беды, и на душе

наступал покой и умиротворение.

Посёлок же пребывал в состоянии привычного хаоса. Народ бродил туда-сюда по своим делам, иногда прокатывались трактора, тянущие за собой вязки досок – пиломатериал доставляли в поселение кораблями. Детвора, а в поселении были и дети, бегали туда-сюда, играя в свои нехитрые игры.

Из-за ближайшего склада для хранения металлических изделий (запчастей для тракторов и бойлеров), вышли Бегемот и Крот. Завхоз был какой-то мрачный, размахивал руками и что-то объяснял Бегемоту, причём тыкал рукой при этом в сторону окна Елены.

Каря с удивлением, проследила за их спором, а затем стала смотреть на простор тундры...

И уснула.

...Грот толкнул дверь и заглянул в комнату Елены. Девушка, по-прежнему, лежала на кровати, и спала, а на подоконнике навалившись на него грудью и подложив под голову руку, дремала Каря.

Шаман пошевелил ушами – в отличие от простых людей, Природа подарила ему забавный атавизм – хорошо развитые мышцы ушей, что позволяли ему шевелить ушами как собаке или коту, и даже прижимать их к голове. Именно этот атавизм позволил молодому Гроту выжить в Веймарской Республике – доктор Фуджир, заметив эту особенность у одного из своих подопытных, выделил Грота из толпы остальных «экспериментальных объектов» и провёл над Гротом

несколько опытов, которые увенчались успехом.

Видеть глазами Грот не мог, но это не мешало ему ориентироваться в пространстве – он умел смотреть не глазами, а другими органами, которых у людей просто не существовало.

В отличие от простых людей Грот отлично ориентировался в темноте и даже был способен различать предметы, что лежали в карманах у людей. Кроме того шаман умел вызывать страх у окружающих, благодаря тому, что подарил ему Фуджир.

Ну и кое-что другое было...

Грот присмотрелся к Елене, прямо через одеяло – оно не было преградой для его необычного зрения...

Рука Елены выскользнула из-под одеяла и направила ему в лоб странное и непонятное оружие, которое напоминало какой-то гротескный трёхствольный обрез, в окованный металлом. Весить такое оружие должно было больше чем автомат Калашникова, но Елена держала его одной рукой.

– Товарищ Грот, вам бы пора понять, что я чувствую ваше «звуковое зрение», – проговорила Елена, не открывая глаз. – Прекратите на меня смотреть. Я это чувствую.

– При всём уважении к вам, прекратить смотреть на вас я не могу – это всё равно, что закрыть уши и пытаться слушать, – покачал головой Грот. – У меня нет глаз, и я вижу не так, как простые люди.

– Я знаю. Эксперименты Фуджира для нас не тайна. Тайна

только происхождение того вещества, что он применял для них, – Елена повернула голову к Гроту и её странные, полупрозрачные глаза хищно сверкнули. – Каря можно помочь мне сесть, а то у меня пока тело плохо двигается, из-за лекарства.

– А может быть Гроту проще подождать, пока вы выспитесь?

– Нет. Не стоит, – Елена с трудом села на кровати – Каря положила ей под спину пару подушек. – Надеюсь, товарищ Грот, вы не в обиде, что я разговариваю с вами в таком неприемлемом виде?

– Я уже знаю, что случилось вчера в поселении. Мне известно, что вы убили одного келе, и известно, что вы выбрались живой из их угодий... Так что я вполне понимаю трудности, через которые вы прошли. И уважительно отношусь к вашему состоянию, – спокойно ответил Грот. – Я хочу поговорить с вами... И дело будет очень важное.

– Мне, наверное, надо уйти, – сразу уловила намёк Каря.

– Я полагаю, что тебе надо остаться, – покачала головой Елена. – Мне может понадобится помощь. Но я была бы рада, если ты принесёшь нам из столовой что-нибудь попить и поесть. Желательно побольше воды.

– Конечно, Елена, всё сделаю.

Елена проводила Карю взглядом и посмотрела на Грота. Тот постучал по полу своим посохом.

– Нас не подслушивают, – мрачно сказал он. – Ладно, к де-

ду, Победительница Келе... Я знаю, что вы изволили ходить в мрачные каменные пещеры, откуда выбираются эти ужасные существа... И я знаю что вы там нашли «сому». Потому и пришёл... спросить – есть ли что-то, что заставило бы вас расстаться с ней?

Несколько секунд Елена размышляла.

– Есть такое... – проговорила она. – Но можно я чуть-чуть издалека начну?

– Если понадобится – можете говорить весь день. Шаман привык к речам духов мира мёртвых. Они любят говорить долго и путанно.

– «Сома» – мощный наркотик. Он очень мощный, это я знаю... Вы используете его для своих ритуалов, камланий и всего такого прочего. Правильно?

– И не только. Если вы отведаете «сому», то любая блоха, вошь или кишечный паразит умрут, отведав вашей крови и плоти. (Как выяснилось впоследствии, содержащиеся в «соме» вещества парализуют нервное волокно кишечных и кожных паразитов и те просто умирают – распространяется даже на кисты с зародышами. Примечание автора). Даже дикие животные не трогают тех, кто пьёт это зелье. Эта штука важна для нас.

– Однако также я знаю, что это сильный наркотик. Причём смертельно опасный. Сами понимаете – передать такое вещество в третьи руки – это очень большая ответственность. Кто знает, что случится с этим наркотиком, попади он не в

те руки... Правильно?

– Да, вы правы. Наш мир сильно изменился... Но потому я и пришёл к вам. Уж лучше получить «сому» из ваших рук, чем лазать за ней в эти ужасные пещеры, наполненные привидениями. Что вы хотите взамен?

Елена посмотрела на Грота.

– Трудно сказать... Я работаю в месте, которое ставит своей задачей – поиск и сохранение древних знаний и тайн прошлого. Знаете, что среди простых людей есть такое поверье – мол если истребить старинные и никому не нужные знания, то мир сделается спокойнее? Так вот – это не так. Посмотрите на себя. Фуджир сумел создать вас, используя восстановленные им знания, которые известны ещё со Средних Веков. И он нашел их сам. То, что он сделал с вами... в Средние Века, таких как вы, называли «гомункулами». Их умели создавать в Средние Века. Церковь уничтожила все книги, знания и прочее о «гомункулах», стёрла знания о них и заменила лживыми, карикатурными мифами о «человечках из колбы». И что же? Церковь потеряла свою силу, рухнула её власть, сменились и исчезли люди... А вы – вы, один из «гомункулов», сейчас сидите передо мной.

– Разве «гомункулы», это не искусственно выращенные люди?

– Да. Искусственно созданные. Но – вы не совсем настоящий «гомункул». Фуджир проводил на вас опыт по вживлению в тело органов животного другого вида. Но эти орга-

ны он как раз и выращивал по технологии «гомункулов». Он вживил в вас органы рукокрылых – летучих мышей. Благодаря этому вы и способны «видеть» без глаз – звуковое зрение.

– Как я могу видеть, не имея глаз?

– Всё просто – вы постоянно издаёте звуковые сигналы, как и летучая мышь – подозреваю, что это делается при помощи дыхания. Однако когда звуковые волны возвращаются или хаотично перемещаются в пространстве, вы воспринимаете их «отклик». А ваши уши тут же передают эту информацию глазным нервам. В итоге вы видите без глаз. Просто Фуджир заменил вам глаза ушами. Это как поставить человеку протез – протез не часть тела человека. Но он заменяет ему её.

– Интересно. А зубы? – Грот улыбнулся, блеснув полным ртом жутковато выглядывших керамических зубов.

– С зубами вопрос более сложный... – Елена вспомнила документы, которые предоставили Биоинституту «Меченосцы» и американцы об обстоятельствах сопутствующих смерти Фуджира. – В общем Фуджир работал не только над созданием «гомункулов» но и над возможным применением их в военных целях... Ладно это неважно.

Она потёрла лоб и вздохнула.

– Фуджир мёртв, а его великий проект – проект «Хумбаба» – создание «гомункулов» для военных нужд, попросту пропал. Исчез вместе с секретами учёного. Вы, Грот, один из

немногих «гомункулов» уцелевших после разгрома его лабораторий. И ваше тело хранит в себе секреты Фуджира. Я отдам вам «сому» только в обмен на его секреты. Вы позволите мне обследовать себя, взять все анализы и образцы, которые я пожелаю.

– Вам проще меня арестовать и забрать с собой.

– Нет, – Елена усмехнулась. – Видите ли, такие как вы иногда встречались... Американцы их арестовывали, забирали в лаборатории и всякие военные базы... В итоге у США сейчас нет ни баз ни лабораторий – и «гомункулов»... В СССР умеют учиться на чужих ошибках. Проще получить то, что мне надо от вас – добром и дать вам то, что вы хотите. Это будет честно.

– Согласен. Но... – Грот постучал по полу. – Всё равно не понимаю.

– Да что тут понимать? Для меня вы не созданное сумасшедшими немецкими учёными чудище. Вы – человек. И относиться к вам надо как к человеку. Как бы вы не выглядели, какие бы органы у вас не были внутри – важнее всего то, что у вас внутри. Не то что вам было дано другими, а то, что вы создали сами...

Иннокентий посмотрел на радиостанцию.

– Ну что, готова она к нормальному диалогу с «большой

землѣй»?

– Через три или четыре часа будет готова, – проворчал техник по прозвищу Укус, выглядывая из-под радиостанции. – Это вы вовремя вспомнили о радиостанции, что была у тех «трясунов»...

– Это не я, это старший лейтенант Сиротина, – поморщился Иннокентий, и повернулся к кутающемуся в меха своей роскошной шубы Бегемоту. – Единственное, чего не могу понять, почему до сих пор самолёты не прилетели. Пропажа радиосвязи с нашей «Плутонией» – это уже само по себе, ЧП областного масштаба. А тут вообще какой-то сюр – ни на смерти этих «трясунов» не среагировали, ни на пропажу связи. Мол «моя твоя не знай, твоя моля не понимай».

– А не думаешь, что эта девка и сама всё это провернула? – проговорил Бегемот, утирая вспотевшее лицо. – Сам посуди, её начальник всё знал – ты сам ему говорил. И что? Вместо опергруппы выслал какую-то «швабру тараканью».

– Поосторожнее с языком, – Иннокентий неободрительно посмотрел на своего помощника. – Эта девица сумела в кратчайшие сроки разобраться со многим. Да и с этими подземными чудищами – тоже хорошо разобралась. Не знаю, чем там занимается этот Биоинститут, но явно он зря хлеб не ест.

– Думаешь? Ну да ладно... – Бегемот облизнул губы и вышел на улицу. – Красота то какая... Небо чистое – вон самолёт прёт – его хорошо видно...

– Самолёт?

Иннокентий выглянул в окно, а затем вышел из радиостанции.

Самолёт пролетел над поселением, затем, очень грамотно, сделал круг и пошёл на снижение.

Иннокентий остановил проезжающий мимо трактор, заскочил на его крыло и указал на аэродром. Трактор помчался вперёд, распуская людей на «улице».

Самолёт был несколько необычный – яркий и чистенький, словно прямиком из сборного цеха. А вот двигатели у него явно были старые, немного «изношенные», опытному уху было слышно «покашливание» в одном из двигателей.

Сам самолётик был простым пассажирским бортом, какие много где летали

Вёл его, сразу стоило отметить, профессионал – летел аккуратно, осторожно – на снижение пошёл очень ловко и приземлился – быстро и аккуратно – одно загляденье.

– Товарищ главный инженер, с борта не поступило ни одной радиограммы, – проговорил радист.

Иннокентий кивнул – Гаврила разбил передатчик, что позволял держать связь с «большой землёй», однако передатчики для связи на короткие расстояния оставались, и вполне работали. Кроме того был ещё «Оранг», который даже после разрушения основной радиостанции уверенно держал связь с крупными городами.

В зал аэропорта влетел запыхавшийся Василий, сопровождаемый Лунем – мрачным парнем, что после гибели Ви-

ки, стал помощником участкового.

– Это что такое-то? – спросил участковый.

– Пошли проверим...

Из самолёта выбралась целая компания – аж четверо человек.

Первым шёл высокий, широкоплечий мужчина, в шубе, накинутой поверх мундира. За его спиной семенил, иного слова не подобрать – смуглый, вертлявый парень, с громадной папкой, которую он нёс словно блюдо с хлебом-солью. За ними шла парочка крупных мужчин, каждый из которых был выше Иннокентия чуть ли не на голову.

– Старший инженер поселения «Плутония», – проговорил Иннокентий, протянув руку плечистому мужику в шубе. – Север Иннокентий.

– Старший майор Комитета Государственной Безопасности Лихов Игнат Аркадьевич, – проговорил мужчина, крепко пожимая руку Иннокентия.

Посмотрев ему в лицо, Иннокентий приподнял удивлённо бровь – у Игната были разные глаза – правый – чёрный. А левый – светло-серый.

Сам Игнат выглядел таким «справным крестьянином», что оставил деревеньку и пошёл служить в КГБ. Впрочем, двое здоровенных «амбалов» за его спиной, выглядели точно так-же – хоть счас за плуг ставь, поле пахать. А вот вертлявый, смуглый парень смотрелся вообще как-то странно, больше ассоциируясь с кабаками и ресторанами.

С другой стороны работники КГБ и должны выглядеть простецки. Чтобы удобнее было общаться со своим контингентом, который явно не всегда стремится «плакаться» в мундир офицерам сего заведения.

– Товарищ главный инженер, простите за долгую задержку, но то, что у вас на поселении находится на редкость опасная особа, мы узнали только сегодня. Как узнали – сразу прыгнули в самолёт и помчались к вам. Практически в чём были – только документы из сейфа похватали. – майор поправил шубу. – Где Товарищ-Молния? Ну, вы её скорее знаете под именем Елена Иванова, хоть это и не её фамилия.

– А кто она?

– Елена Сиротина. Опасная преступница, которую мы уже давно ищем. Умело скрывается. Очень опасная. Если бы не ваши радиogramмы – то мы бы и не узнали где она скрывается.

– Преступница? – удивился Иннокентий, и посмотрел на Василия. – Прошу прощения. Но вы что-то путаете. Я сам, лично, пригласил её сюда, для расследования одного неприятного преступления. И, говоря честно, она с этой миссией справилась.

– Ха! Пора бы вам поумнеть, главный инженер. Кто угодно мог к вам прибыть под её именем, – майор скривил губы в гримасе. – Идёмте, нам нужно срочно арестовать её... Ах да, вот...

Он засунул руку под шинель и вытащил красное удосто-

верение, что передал Иннокентию. Инженер осмотрел его и вернул. Тем временем смуглый адъютант извлёк из папки лист бумаги и протянул Иннокентию.

Тот вошёл в здание аэропорта и прочитал лист под светом лампы.

Это был приказ от Свердловского Комитета Государственной Безопасности оказать всяческое содействие Лихову Игнату в аресте некоей Елены Сиротиной (фамилия могла быть изменена).

Дальше шло описание Елены – причём на редкость детальное и чёткое.

Из описания Иннокентий, к своему изумлению, узнал, что Елена Сиротина является весьма опасной преступницей, которую разыскивают за мошенничество, нелегальные хирургические операции и по подозрению в каких-то убийствах. Так же сообщалось, что Елена очень опасна при задержании, поскольку является, не много не мало – инструктором в рукопашном бое без оружия.

Всё это было каким-то бредом – Иннокентий даже посмотрел в окно, ожидая увидеть, что за ним проскачет куча розовых мамонтов. Однако ничего не было. Если не считать самолёта, в котором мелькали какие-то тени. Кто-то ещё остался в салоне.

– Хорошо, я полагаю, что можно вас проводить к ней и поговорить. Я вас уверяю – это какое-то недоразумение, – решительно кивнул Иннокентий.

– Хорошо, тогда давайте ведите нас к ней. И осторожнее – эта девка опаснее, чем вы думаете...

Игнат мрачно объяснил, что в Свердловске долгое время получали от поселения только обычные, не тревожные радиограммы. Однако вчера пришла срочная радиограмма, из «агентурного источника», что в поселении появилась странная особа – и приметы Елены. В КГБ мигом определили что это – разыскиваемая преступница, и рванулись арестовывать её.

Иннокентий ничего так и не понял – никаких радиограмм в Свердловск отправить не могли по той причине, что связи не было. Или... или была? Вот тут следовало много чего понять.

Сам Игнат и его группа прибыли, чтобы арестовать Елену и забрать с собой золото, которое она нашла. И желательнее поскорее, поскольку Свердловск ждал как можно более быстрой реакции на поступившее донесение.

– Вам наверное с нами не стоит лететь – проговорил Игнат, входя в общежитие и скидывая с плеч шубу, чтобы она не мешала ему. – С нами достаточно будет вашего помощника. Он подтвердит ваши показания и вернётся, доложить вам всё, что знает.

– Где Елена? – спросил Иннокентий, заглянув в госпиталь. – Куда она ушла?

– Так она тут с Гротом сидела. Сделала его рентген, причём несколько снимков. Кое что взяла и пошла наверх.

Каря села рядом с кроватью, на которой лежал Старый Черт, и провела рукой по его лицу.

– Ну что там?

– Да уже лучше. Дыхание выровнялось, температура падает, думаю, они вскоре выздоровеют, – Каря посмотрела на майора и его сопровождающих. – А это кто такие, товарищ старший инженер?

– Это из КГБ. Прибыли решить пару вопросов – объяснил Иннокентий.

– Что-то у вас тут, как я посмотрю, всякие проблемы с медициной? – Игнат посмотрел на госпиталь, заполненный кроватями с людьми. Эпидемия какая? Или просто праздник какой-то был, и все на рогах после него?

– Скажем так...были некоторые проблемы, – вздохнул Иннокентий. – Разве вы не в курсе?

– У нас строго ограниченный доступ к информации. Каждый должен знать только то, что должен. Идёмте.

...Поднявшись на второй этаж, Игнат достал из кармана пистолет – длинноствольный «ТТ», и осторожно передёрнул затвор.

– Аккуратнее с ней, – проговорил он. – Дрын, Дубина – готовьтесь, если что...

Два здоровяка кивнули и шагнули вперёд.

На Иннокентия накатила какая-то волна неправильности. Что бы тут не происходило – это было неправильно и неверно. Что-то было не так...

Игнат толкнул свежеставленную дверь и открыл её. Затем шагнул в комнату.

Елена сидела на подоконнике и смотрела в снежную даль тундры. Вид у неё был расслабленный, да и занималась она совершенно будничным делом – в одной руке сжимала стакан какао, а другой – останки сдобной плюшки.

– Так-так! Елена Сиротина? – грозно проговорил Игнат и вскинул пистолет. – Попрошу поднять руки вверх! Живо!

Елена, что как раз запихивала в рот останки плюшки, повернула голову к нему. Её странные глаза – глаза какой-то феи, или, на русский вариант – русалки, остановились на гостях...

В следующий миг Иннокентий увидел всё своими глазами.

Лицо Елены побледнело, на висках набухли вены, зрачки глаз, на миг, расширились на всю радужку, а затем сузились. В следующий миг Елена как-то странно дёрнула рукой, и спрыгнула с подоконника.

Игнат успел выстрелить, но Елены на подоконнике уже не было – она превратилась в какую-то белесую тень – глаза простого человека не успевали за её движением. Пуля ударила в ручку окна и отскочила – строго в потолок.

«Вьюга» вылетела из какого-то угла комнаты – Иннокентий успел увидеть, что ОКВ привязан к руке Елены тончайшей нитью, и словно прилипла к пальцам девушки

Ни на секунды не размышляя Иннокентий, рухнул на пол

– он уже видел в действии оружие Елены и усвоил одно – когда стреляют из ОКВ – надо падать и желать того, что бы оказаться просто раненным. . .

Над его головой загрохотали выстрелы, а затем послышался знакомый гул – выстрелы из «Вьюги» – сопровождаемые жуткими звуками – чавкающим хрустом ломающихся костей и раздираемой плоти.

– На лоскуты порежу! Ы-ы-ы-ы

Иннокентий вскинул голову успев заметить, как Елена, молниеносным, стремительным движением, выбивает из руки Игната пистолет, а затем со всего маху бьёт его в коленную чашечку «Вьюгой», используя оружие как дубинку – причём так, что даже Иннокентию стало больно. Всё это произошло так стремительно, что и без сурдопереводчика стало ясно, откуда у Елены такое прозвище – Товарищ-Молния.

Игнат выпучил лаза и, забыв обо всём, схватился за колено, но подуть на отбитую ногу у него не получилось – Елена схватила его за одежду и, вскинув над головой (!!!) со всего маху приложила об пол.

Звук при этом раздался такой, что стало ясно – без посторонней помощи Игнат не сразу встанет.

В следующий миг Елена ухватила Иннокентия за плечи и оттащила подальше.

– Бафоялась. . . – Елена прожевала и проглотила плюшку. – Боюсь, как бы кровяца вам одежду не испортила.

Иннокентий оглянулся.

Двое громил представляли собой в высшей мере неаппетитное зрелище – боеприпасы «Егерь» превратили их в нечто совершенно омерзительное. Смуглому, вертлявому адъютанту снесло голову, но даже, несмотря на такое ранение, он так и не выпустил из рук какого-то странного пистолета – что-то вроде старенького немецкого «Вальтера» Р.38К, к дулу которого было прикручено что-то странное – какой-то цилиндр, обмотанный обычной изолентой, какой пользуются электрики.

Иннокентий посмотрел, как Елена, торопливо, перезаряжает «Вьюгу» и склонился над трупами громил.

У одного из них разорвало одежду – «Егерь» проломил грудную клетку и вышиб часть позвоночника, и на обнажившейся груди было видно кучу татуировок. Причём это были не те татуировки, что накалывает сходящая с ума от безделья молодежь. Это были серьёзные татушки – такие ни один сопливый малолетка не наколет от скуки – побоится.

– Они представились сотрудниками КГБ. У них даже документы были, – проговорил он.

В памяти Иннокентия всплыли слова Кости, которые тот произнёс той ночью, когда к нему приехала Елена.

«Ты не знаешь кто она... Она демон войны, чудовище... Не обольщайся её видом... она ужасна...».

Тогда Иннокентий не поверил Косте.

Сейчас он видел всё своими глазами – эта девушка справилась с четырьмя крепкими, вооружёнными людьми, кото-

рые застали её врасплох...

Двери в комнату распахнулись – на пороге появились Серафим, Василий и ещё куча народу.

– Твою-то мать! – Серафим склонился над останками адъютанта. – Ух ты, хорошенький мушкет. Да ещё с глушителем! Впервые слышу, чтобы в КГБ «Вальтеры» таскали. Да ещё с такими самодельными глушилками...

– Какого чёрта?! Опять стрельба! – Василий отпрыгнул, что бы не наступить в лужу крови.

– Серафим, не в службу, а в дружбу... – Елена демонстративно встряхнула «Вьюгой». – Притащи ко мне вашего завхоза в кротовой шубе. Пусть он глянет на документы этих, с позволения сказать, сотрудников... Он вроде бы у вас умеет фальшивки определять.

– Да погоди ты, – Иннокентий посмотрел на Елену. – Там в самолёте ещё остался кто-то. Пилоты и скорее всего ещё пара-тройка громил. Не исключаю, что с оружием.

– Что-ж, тогда не будем их заставлять ждать, правильно?

Елена перевернула Игната на спину и с помощью Василия и Иннокентия, содрала с него шубу и мундир, а затем задрала рубашку на груди.

Сразу стало видно, что прикидываться майором КГБ Игнату позволяла только его униформа. Видимая часть тела у него была густо испещрена татуировками – причём очень качественными и красивыми.

– Бля, настоящая картотека... «Сидел по малолетке»,

«грабёж с применением оружия» «отрицаловка»... – проговорил Василий, почёсывая в затылке и рассматривая тату. – Что за хрен с кондачка?

– Игнат Лихов. По прозвищу «Лихо Двуглазое». Или просто – «Лихо». Уголовник рецидивист, один из тех, кого кличут «старыми ворами».

– «Законник»?

– Нет-нет. «Пахан» . Очень авторитетный, но всё же не воровская элита, – Елена достала из своей аптечки шприц. – Счас мы ему снотворного укол сделаем, и пусть спит сладким сном.

– Ты его что, знала?

– Скажем так – я его описание не раз читала – он достаточно известен. Да и сами видите, какая у него примета особая – глаза разного цвета. Не могу понять, зачем он сюда пришёл собственной персоной. Неужели думал, что я его не признаю?

– Скорее всего, именно так и думал, – вздохнул Иннокентий, глядя, как Елена делает укол Лихо. – Такие как он очень высокого мнения о себе и даже мысли не допускают, что их можно обмануть. Кто вы для него? Простая девица – а он вон какой урка значимый... Вот и решил, как у них говорят, «на лысом газоне проскользить».

...В шубу Игната нарядили какого-то из работяг, а в роли громил выступили уже знакомые Елене здоровяки, помощники Иннокентия. Роль смуглявого адъютанта играл сам Се-

рафим.

Иннокентий шёл рядом с Еленой, которую его помощники вели, со скованными за спиной руками, удерживая за плечи. Конечно, руки у Елены не были связаны, просто она держала их так, что бы со стороны показалось, словно её ведут против её воли.

Со стороны казалось, что Елену и впрямь конвоируют. Оставалось надеяться, что такой карнавал проведёт бандитов, что засели в самолёте.

Сама Елена подозревала, что в самолёте сидят далеко не самые тупые люди, поэтому внесла в маскарад, немного коррективы. На лицах у громил были намотаны бинты, красиво украшенные пятнами зелёнки, а «Игнат» прижимал к лицу платок – в общем, со стороны всё походило на то, что Елену не удалось скрутить без рукоприкладства, и она успела захватить паре-тройке своих пленителей «по сусалам».

Идущий рядом с ними Иннокентий должен был немного снизить градус напряжённости – раз уж он идёт вместе с отрядом, пленившим Елену, то, скорее всего всё нормально, всё обошлось и маскарад бандитов не раскрыли.

В общем, всё было «смётано на живую нитку» и Елена сильно надеялась, что сидящие в самолёте бандиты на это «клюнут». Сколько народу было в самолёте сказать было трудно, но Серафим предположил, что не больше четырёх – везти прорву народа собой опасно, да и если бы маскарад Лихо вскрылся бы, то его и его бандитов не спасло бы ничто

– в поселении все таскали собой оружие. А самолёт это не бронебойный келе – даже из обычных револьверов его легко превратить в решето. Тут вся ставка была на то, что Иннокентия удастся смутить фальшивыми документами. А Елену – скрутить без лишнего «шуму и пыли» и уволочь в самолёт, пока народ не начал прикидывать «шиш к носу».

– Вы нашли Бегемота? – спросила Елена у Иннокентия и, играя на публику, начала вырываться из лап своих помощников.

– Нет. Пропал куда-то. Дверь заперта – не отвечает. Счас найдём ключи и откроем.

– Топором ломайте, да поосторожнее.

– Полагаете, что это он всё затеял?

– Как минимум координировал работу, – Елена посмотрела на самолёт, ощерилась и снова попыталась вырваться из рук своих «конвоиров».

Те принялись удерживать её – «Игнат» повернулся и пошёл спиной назад, внимательно следя за Еленой – по крайней мере, так должно было показаться тем, кто следил за ними.

Они дошли практически до самого самолёта – до импровизированного трапа, который был сколочен из досок и использовался в аэродроме, когда выглянувший из машины человек – тоже в мундире, кстати, КГБ, уставился на «конвоиров» Елены. Судя по всему он был хорошо знаком со всеми, так-как его лицо исказилось от удивления и он, ощерив пол-

ный блестящих «фикс» зубов, начал кричать:

– Осторо...

Больше он ничего не успел договорить.

Елена метнулась вперёд, словно молния. Взлетев вверх по трапу, она пнула крикуна меж ног и вкатилась в самолёт

Из самолета грохнуло несколько выстрелов, а затем машина пошатнулась и вздрогнула – ветровое стекло вышибло дождём осколков! Из салона донёсся странный звук – словно кто-то приложил кого-то головой об пол.

Иннокентий и Серафим влетели в самолет, чудом вписавшись в узкое отверстие дверного проёма.

Там уже всё было в порядке – тот, кого Елена пнула меж ног, валялся на полу держась за отбитое и матерно постанывал.

На полу валялся ещё один – правда, он ничего не говорил, поскольку с тем, что осталось от его челюсти, говорить было проблематично. «Вьюга» сама по себе – без своих боеприпасов, была жутким оружием – особенно если по зубам приложить.

Двери в кабину экипажа не было. Как и части фюзеляжа – Иннокентий уже привык к действию боеприпасов ОКВ и вообще-то удивился только тому, что сама кабина управления уцелела.

Сама Елена стояла над ещё одним бандитом, который уже не пытался «лезть на рога, а растянулся на полу как шкура, и даже дышал через раз, всем своим видом демонстрируя пол-

ную покорность и желание сдаться на милость победительницы.

– Пилот за оружие схватился. И, как я смотрю, он под своим ватником какой-то бронированный жилет носил – вот его и расплющило – объяснила Елена.

Уцелевших бандитов скрутили и вытянули из самолёта. Покойного пилота оставили лежать там, где он лежал, хотя Елена, ради интереса, полезла смотреть, что за бронежилет на нём

Бронежилет оказался, в общем-то, обычным немецким бронежилетом из пластин металла, сцепленных друг другом проволочными кольцами. Такие жилеты, как тут же сообщила Елена, выпускались, в очень ограниченных количествах, в Германии, незадолго до Великой Отечественной для нужд полиции.

– Тяжёлые очень – в таких особо не побегаешь, вот и не пошли в производство.

– Откуда у какого-то урки такой бронежилет? – Иннокентий осторожно отодвинул куски одежды на трупе и убедился, что покойник весь «исколот иголочкой, да наколочкой».

– Спёр наверное. Судя по его останкам, это Режь-Полицай, ворюга из Киева – организовал шайку что грабила семьи фронтовиков или фронтовиков-инвалидов. Видимо у кого-то этот трофей и стащил... надо же. Вону него на руке татушку видите – вся в странных шрамах? Это его в 1957 году одна пенсионерка раскаленной сковородой приложила.

Ну, он после этого видимо и смылся «под крыло Лихо» – раз самолёт пилотировать умеет, то для него место среди бандитов всегда сыщется.

– Надо же какое умное преступление организовали, – Иннокентий приподнял оружие убитого пилота – ППШ со спиленным прикладом и приделанной к стволу пистолетной рукоятью. – Униформа, поддельные документы... Даже самолёт нашли где-то...

– Скорее всего, их задачей было ликвидировать меня. Я слишком много поняла о личностях этих незаконных добытчиков золота. Если бы я передала сведения что успела собрать в КГБ и Биоинститут, то эту шайку миом бы накрыли. Вот они и решили действовать на опережение. И ведь почти получилось...

– Ты говоришь, что их прикрывал Бегемот? Мой заместитель по хозяйственной части?

– Да. И я сильно подозреваю, что Бегемота в его комнате мы не найдём...

...Комнату Бегемота пришлось взламывать – но лишь для того, что бы найти там страшный беспорядок. И вскрытый тайник – Бегемот не стал придумывать ничего оригинального и просто приделал к стене своей комнаты фальшивые панели, а в промежутке меж ними установил радиостанцию. Поскольку заместитель главного инженера имел доступ практически ко всем запчастям и грузам «Плутонии», а так же мог прибегнуть к помощи профессионалов, то радиостан-

ция у него получилась мощная, не хуже чем в самом посёлке.

– Вот и ответ как он поддерживал связь со своими соратниками по нелёгкому труду «топора и кастета», – Елена потрогала панель радиостанции. – Ловко, да?

– Ловко и стыдно. Я, считай у себя под носом, такое дело проглядел, как это называется?

– Всё в порядке... – Елена перевернула бумаги на столе, с радиостанцией, а затем пошла в комнату Бегемота. – Знаете, мне всегда нравилось кормить Красавцу... Бегемотиху в Ленинградском зоопарке. Берёшь дыню, подносишь к её носу, а она как откроет пасть – прямо чемодан с зубами... Я дыню ей на язык осторожно положу и смотрю... А Красавица эту дыню – хрусть! И проглотила.

– Это вы к чему сейчас?

– К тому, что я любила Красавицу, и когда была в Ленинграде, всегда отправлялась проведать её. Да и из Ленинградского зоопарка и Зоологического музея не вылезала. И конечно помнила историю о том, как сотрудник зоопарка пытался убить Красавицу, дабы «накормить голодных детишек». Ну и не могла не знать, что на самом деле этот тип имел иные планы – которые, кстати, осуществились – уехать из Блокадного Ленинграда, имитировав попытку преступления. Дети, которых он бросил, кстати, Блокаду не пережили. Так что вот... Сами понимаете, что как только я услышала историю, почему вашего заместителя по хозяйству зовут Бегемотом – то тут же связалась с КГБ. Там мне предоставили

полный словестный портрет вашего замначальника. А так же рассказали, что после той истории в Ленинграде он, у вас вёл безупречную жизнь – что называется «не придраться».

– Это верно. У меня не было никаких особых оснований не доверять ему – Бегемот качественно работал, и у меня не было причин ему не доверять. Знаете, когда работаешь с человеком почти пятнадцать лет, то очень хорошо изучаешь его. И не ожидаешь таких вот сюрпризов от него.

Елена перевернула стол Бегемота и отодрала приклеенную к столешнице папку. Поставив стол на место, она выложила документы на него и осторожно перебрала.

Даже Иннокентию было понятно, что это очень старые бумаги – немного пожелтевшие, расписанные чернилами. Буквы были архаичные и с необычными завитушками, какие были в моде во времена Царской России.

– Хм... Если верить вот этим датам, то это документы аж за 1820 год.

– Почему Бегемот хранил их у себя?

– Потому что, скорее всего, украл их и боялся доверить кому-то другому, – объяснила Елена. – Извините за резкие слова, но вы очень переоцениваете благородство уголовников – узнав об огромном золотом месторождении, они вполне могли спокойно забрать эти документы у Бегемота, а его самого – убить. Не забывайте, для ни он был чужой... У него хватало ума хранить эти документы при себе. Он никому не доверял.

– Что за документы?

– Доклад о той экспедиции. Лагерь, которой мы обнаружили, когда выбирались из пещеры. В общем, эта экспедиция была отправлена чуть ли не самим графом Аракчеевым, после Наполеоновских Войн. Тут вот написано, что карты доставал сам граф Аракчеев. Экспедиция прибыла в наши края. Успела организовать лагерь и добыть кое-какое золото... – Елена пробежала глазами по листкам бумаги. – А вот интересно чем заканчивается этот документ... «По прибытии экспедиции из сих краёв дальних, мы передали то золото, что нашли, в руки академиков, что известны своей мудростью и умениями в науках разных. И представляете, что они нам сказали...».

– Что они сказали?

– Дальше ничего нет. Эта часть документа оторвана, и судя п. всему – очень давно...

Иннокентию показалось странным, что в России так спокойно отнеслись к известию о находке огромного золотого месторождения. Экспедиция что оставила эти документы была отправлена самим графом Аракчеевым – навряд-ли тот «пустил бы их под сукно» – не тот человек был.

Однако, по какой-то причине. Российская Монархия не проявила интереса к золоту келе. Почему?

Елена осмотрелась по сторонам.

Комната Бегемота была очень неплохо обставлена – импортная мебель, дорогой магнитофон, куча аудиокассет. На

полу – шкура белого медведя, стены обклеены дорогими обоями, а уж про люстру и говорить нечего – не из дешёвых.

Бегемот явно жил весьма и весьма неплохо, раз сумел обставить свою комнатку, тут, на Севере, с таким тщанием и вкусом. Трудно было представить, сколько у него лежало денег на сберегательной книжке... И всё это он спокойно и без труда заработал совершенно нормальной, незапятнанной ничем жизнью.

И что же его заставило всё бросить и начать безумную и дикую охоту за каким-то проклятым золотом?

– Тут исчезла одежда его и обувь, – проговорил Иннокентий. – Та самая одежда, в которой он по тундре раскатывал.

– Мм-м-м-м! – Елена сунула бумаги за пазуху. – Я – дура! Скорее! Скорее!

Вылетев из комнаты, она ухватила за шиворот Серафима, что сидел в коридоре и торопливо зажёвывал бутерброд, и поволокла его за собой. Иннокентий, ничего не понимая, но уже привыкший доверять Елене, выскочил за ними.

Дверь в лабораторию была закрыта, но Елена, сдёрнув с плеча «Вьюгу» прицелилась в её середину и выстрелила.

Раздалось громкое «пубуф»! и дверь превратилась в крошево деревянных щепок и измятые металлические ручки.

Держа «Вьюгу» у плеча, Елена влетела в лабораторию и поводила по сторонам стволом.

– Ох, ты-ж, твою мать! – Серафим бросился к столу и сбил с него свечу, что горела в очень оригинальном подсвечнике –

из трёх шашек горной взрывчатки, чьи фитили были вплотную прислонены к её боку – буквально пары минут свете не хватило, чтобы добраться до бикфордова шнура и, запалив его – взорвать эту самодельную мину. Кроме того к столу были приставлены несколько канистр с бензином. – Похоже, они тут решили небольшой пожар устроить...

– Они? Алхимик! Куда делся этот дурень?

– Тихо, – Елена подошла к закрытому гардеробу и распахнула её двери.

Из гардероба выпала Варя, с перемотанными руками верёвками, и заклеенным, куском лейкопластыря, ртом. Девушка была облачена в немного запачкавшийся лабораторный халат и, судя по её лицу, перепугана до полусмерти.

– Так... – Елена спокойно распутала верёвки и освободила рот девушки – Это ещё что за новости?

– Извините... они на меня набросились... Бегемот и Алхимик... – прохрипела Варя.

– Говори, – проворчала Елена, рассматривая обрывки верёвки, коими была скручена Варя.

– А что говорить? Бегемот примчался сюда когда на аэродроме стрельба была – они меня скрутили, сунули в шкаф и потом стали ругаться... Бегемот как сошёл с ума, орал что надо увезти золота как можно больше, что они пропали, что всё кончено... Потом вот...

Елена посмотрела на останки свечи и на взрывчатку. Потом на обрывки верёвки.

– Кажется у вашего заместителя не слегка «поехала крыша», – проговорила она. – Как вы там говорите – «золотой дьявол»?

– Ага... – Иннокентий усмехнулся. – Полагаете, что Бегемот покатыл в Угодья Келе? Набирать золото. И Алхимик с ним?

– Думаю, там ещё есть ещё как минимум один помощник.

– Это был... Это был Кочерга... – Варя всхлипнула. – Я его голос слышала...

– Главный инженер, я прошу вас немедленно организовать погоню за вашим замом. Серафим, не в службу, а в дружбу, отправляйся за ребятами – разбери тут всю эту самодельную мину. А я провожу Варю до её комнаты.

– Да я и сама дойду...

Елена посмотрела в глаза Вари и улыбнулась – жутковатой, стылой улыбкой, от которой исходил какой-то мертвенный холод. В сочетании с её странными глазами эффект создавался просто пугающий.

Варя встала и посмотрела на Елену, что, демонстративно «переломила» «Вьюгу» и загнала в неё боеприпас «Горыныча».

– Это особый вид картечи. Зажигательной... Она обычно вылетает из дула ОКВ плотным шаром и загорается уже в полёте, – любезно проговорила Елена. – Очень неприятная штука. Поверь мне. Сжигает до костей. Верёвку на руках ты завязывала. Да и рот себе сама заклеила. И на свечах нага-

ра почти нет. И руки – смотри – не распухли от верёвок, а ведь туго завязаны узлы... Ты слышала, что мы подходим к лаборатории, зажгла свечу и связала себя уже в шкафу. Я права.

Варя села назад и уткнула лицо в руки.

– Ну, я не знала, во что они меня втягивают, товарищ старший лейтенант... – прошептала она. – Алхимик... он был дурак набитый... Бегемот говорил, что от него пользы только в том что он может подписывать бумаги и прикрывать от главного инженера... Золото... Поймите правильно – Бегемот просто спятил. Видели бы вы его лицо... Он просто помешался на этом золоте – «золотой дьявол», что ни говори... А я испугалась... он хотел взорвать... пожар устроить. Отвлечь всех от себя... Мне приказал...

– Почему ты не сообщила ничего мне или Иннокентию? – холодно проговорила Елена и села рядом с Варей, прямо на пол, прислонившись спиной к стене. – Неужели ты думала, что меня так легко обмануть? Хотя да, не скрою – Алхимику удалось ввести меня в заблуждение. Но когда ты стала говорить о том, что проводила осмотр и взятие проб золота что я принесла... Я не сразу поняла, что ты меня обманываешь. Но я поняла.

– Как вы догадались? – поразилась Варя. – Алхимик сразу же отобрал золото и спрятал его. Он не хотел его пилить или портить. Приказал мне говорить, что золото это – редкий тип самородков – невероятной чистоты.

Прервавшись, Варя посмотрела на Елену. Оперативник Биоинститута откинула голову и засмеялась, чистым, искренним и громким смехом.

– Воистину говорится – что «жадность затмевает глаза и лишает разума», – проговорила она и, склонив голову, посмотрела на Елену. – Ну и вот что мне с тобой делать?

Варя, опасливо, покосилась, на «Вьюгу», что лежала на полу рядом с Еленой. Потом она сглотнула и, задрав голову, посмотрела в потолок.

– Поступайте, как считаете нужным, товарищ старший лейтенант. Я уже... устала от всего этого. Что бы вы со мной не сделаете – это уже будет ваше решение...

Аэросани летели по тундре, обгоняя позёмку.

– Он не уйдёт... Пусть у него и есть фора – но он взял самые дурные сани, которые ещё починили после столкновения с этими подземными аммонитами, – проговорил сидящий за рулём Серый Пёс – крепкий мужик, в полушубке из собачьего меха, и шапке-ушанке, с задранными вверх «ушами». – Не знаю, на кой он сцапал их...

– А сам не понимаешь? – Елена торопливо нацепила на «Вьюгу» странный оптический прицел – больше похожий на телескоп. – Именно эти аэросани оставались без присмотра. Чего их сторожить, если они так и так сломаны...

– Всё равно, как то странно...

– А что тут странного? Нету вашего Бегемота – овладел им ваз «золотой дьявол» – он сейчас ни о чём, кроме золота думать, не способен. Так что смотри в оба – сейчас Бегемот настроен решительно, стрелять будет только на убой.

– Это мы ещё посмотрим, кто кого... У него там за рулём наверняка Кочерга – а тот у нас не великий гонщик... Он год назад как-то раз гонял по тундре – в валун врезался и ногу сломал – с той поры она у него как та кочерга... Так что вряд ли он тут будет выкрутасы устраивать... – проговорил Серый Пёс. – Да и ему сейчас на нас клювом щёлкать себе дороже – у нас трое аэросаней в погоне участвуют, никуда не денется!

– Посмотрим... – Елена накинула капюшон «Айзека», очки, маску и выглянула из аэросаней.

Затем подняла «Вьюгу» и прижала к глазу оптический прицел, выцеливая им аэросани Бегемота.

У Бегемота было почти два часа форы – Варя рассказала Елене, что Бегемот оставил её поджечь фитили у взрывного устройства – преступники наделись, что взрыв и пожар неслабо отвлекут внимание и позволят им скрыться.

Варя-же попросту не смогла, этого сделать, поскольку, в отличие от совершенно обезумевшего Бегемота, она хорошо понимала, что убежать ей, в общем-то, некуда. Куда, в самом деле, убежишь из «Плутонии»? Топлива не хватит, чтобы умчаться до обитаемых земель. Да и даже если топливо бы, каким-то чудом, нашлось – то с провиантом дело будет

туго. Да и вообще – пока аэросани будут гнать по тундре – Иннокентий и Елена, по радио, поднимут на ноги все силы правопорядка... Отсидеться в тундре без нужного оборудования не так то просто. Да и искать будут на совесть.

Поэтому Варя предпочла не устраивать диверсию в поселении, а просто спрятаться и прикинуться жертвой Бегемота и Алхимика.

Кто-ж знал, что Елена обратит внимание на отсутствие нагара на свече, связанные слишком длинными кусками верёвок руки и заклеенный рот?

Она была слишком внимательной и наблюдательной.

«Джейран» Бегемота хорошо был виден – он описал полудугу и зачем-то остановился.

– Что они делают?

Елена подкрутила колёсико оптического прицела, увеличив «Джейран» Бегемота до предела. Хорошо стало видно, что из машины кто-то выпрыгнул и побежал в сторону гор.

Затем аэросани выпустили огромное облако жирного, черного дыма – видимо слизь келе попала даже в топливный бак, толкающий винт раскрутился «Джейран» «прыгнул» вперёд, как та антилопа в честь, которой получил своё название. Развернувшись, он помчался прямо на машину Елены и Серого Пса.

Что было ещё удивительнее – дверь аэросаней открылась, и на крыло аэросаней вылез кто-то из пассажиров, с каким-то оружием в руках.

– Ого! – крикнул Серый Пёс. – Он чо, спятил?!

– Как говорилось в одной книге «держите пенсне крепче,

Киса, кажется сейчас начнётся...» – проговорила Елена. –

Он идёт на таран, думает вас напугать.

– Ха!

– Я его пугну, а вы попробуйте остановить сани! Как хотите.

– Да ты бедовая баба...

Елена вскинула «Вьюгу» и прижала к плечу.

Банг!

У правого плеча девушки в кабине появилось отверстие – стрелок палил точно по Елене. Хорошо что хоть стрельба по мишени с бешено мчащегося «Джейрана» далеко не так точна, как кажется... Особенно если стрелять по движущейся мишени – тут даже снайпер с боевым опытом Великой Отечественной не сразу попадёт. Разве что по случайности.

Банг!

Вторая пуля выбила краску и металл из кабины – уже в полуметре от Елены.

Прикинув скорость, движения аэросаней, скорость полёта боезаряда и взяв поправку на ветер – Елена выстрелила.

«Егерь» просвистел в каких-то двух метрах от кабины «Джейрана», но, несмотря на это машина «испугано» дёрнулась – её водитель явно не стремился подставлять лоб под заряды ОКВ.

– Пёс! Постарайся промчаться от него в паре метров! –

крикнула Елена.

Бдзынь!

Пуля выбила стекло в кабине – осколки застучали по спине девушки – к счастью «Айзек» выдержал. Елена выстрелила в аэросани, больше полагаясь на удачу – и попала – «Егерь» вскрыл крышу кабины, вырвав чуть ли не полметра обшивки, что тут же упорхнула в тундру.

– Ого!!! – присвистнул Пёс.

– Что «ого»? Так то, я в двигатель целилась... вообще-то, – Елена спешно перезарядила «Вьюгу». – Жми!

Следующая пуля разбила ветровое стекло – Серый Пёс ухватился за плечо, аэросани дёрнулись, но водитель, будучи тертым и крепким, каким-то чудом ухитрился удержать аэросани на «ходу».

– Чёрт! – Елена выглянула в окно. – В сторону!

– Слушаюсь – Пёс резко повернул аэросани, и тут же Елена выпрыгнула из аэросаней.

Вслед её донеслась семиэтажная матерная рулада. Но девушка уже не обращала внимания.

Прыжок из бешено мчащейся машины опасен даже в состоянии «боевого шока» – скорость полёта и инерцию даже свехрефлексам отменить не под силу.

К счастью Елене было не привыкать – она, в полёте отбросила «Вьюгу» вперёд и, приземлившись на ноги, пробежала метров пять, перебирая ногами в невероятном для простого человека темпе... Она знала, что спустя пару часов ноги бу-

дуг дико болеть от микротравм – даже её мышцы в состоянии «боевого шока» не в состоянии выдержать такие перегрузки. Но – это после...

Кое-как остановившись, Елена вскинула руку и замахала – со стороны это выглядело так, словно она приказывает остановиться мощной машине, что несётся на огромной скорости. Второй рукой она торопливо вытягивала тонкую нить, которой была связана «Вьюга», подтягивая оружие к себе...

Сработало! Стрелок, тут же бросился в кабину и, выдрал руль из рук водителя, направил машину точно на Елену. Видимо она уже настолько довела его, что он решительно пошел на таран наглой девки, совершенно не думая ни о каких последствиях. Впрочем, такое поведение для многих преступников дело обычное – они всеми силами стремятся сорвать зло на тех, кто испортил им их планы...

Елена дёрнула рукой и рукоять «Вьюги» «прыгнула» в её пальцы. В следующий миг она вогнала себя в «боевой шок» – время замедлилось – она стала чётко видеть не только мчащийся на неё «Джейран», но и его водителя – искажившееся от страха и какой-то внутренней решимости лицо... Алхимика.

Именно он сидел за рулём машины!

В следующий миг Елена выстрелила – сразу из всех трёх стволов «Вьюги».

Три заряда «Подвальной Смерти». уникального боеприпаса созданного для зачистки подвалов и пещер от «подваль-

ников» вырвались из стволов мощным, свирепым как цунами, потоком.

Один выстрел «Подвальной смерти» вышибал металлические двери вместе с косяками, а деревянные – превращал в щепу. Три заряда этого боеприпаса по своей суммарной мощности не уступали танковому снаряду, что врезался в аэросани. И попросту перевернул их и швырнул на бок – «Джейран» треснулся о землю, подпрыгнул, увлекаемый инерцией – Елена в последний миг, прыгнула вперёд – успев проскочить под падающим Джейраном», который жутко закрипел, скользя по замороженной земле, и, врезавшись во что-то невидимое – полное впечатление, что в пустое место, остановился...

Жутко скрипнув тормозами, Серый Пёс остановил аэросани.

К месту короткого боя подлетели другие «Джейраны», что отстали от Елены и в итоге пропустили всё веселье.

– Чёрт побери! Что вы творите?! – рыкнул Иннокентий. – Почему не подождали нас!

Серафим бросился к Елене, что, лёжа на спине, судорожно перезаряжала «Вьюгу» и что-то пыталась сказать – но дыхание перехватило наглухо.

– А, помогите! – из пробитой в крыше дыры, появился окровавленный Алхимик. – Север!!! я тут... Помогите!

– Вытаскивайте его отсюда... – приказал Иннокентий.

В этот момент Серафим рассмотрел, какие именно бое-

припасы достаёт и вставляет в оружие Елена.

«Индра» – бронебойные боеприпасы...

– Чёрт-чёрт-чёрт!!! – Серафим развернулся и осмотрелся. – Всем заткнуться!!!

Замолчали все – даже Алхимик, которого, с очень странно вывернутой рукой, ухватив «за шкирятник», вытаскивали из аэросаней...

Затем все услышали переливчатый, жуткий звук.

Флейта.

– Всем заткнуться и отходить! – Елена, с искажённым от боли лицом, встала на дрожащие ноги и вскинула «Выюгу». – Вон он. Сзади вас...

Все повернулись.

И именно в этот момент келе по непонятной ни для кого причине, «отключил» свою уникальную маскировку и предстал перед глазами людей во всей своей мощи и силе.

До этого Елена видела келе очень смутно – через их «маскировку» или в темноте ночи. Теперь же она могла видеть келе – и очень хорошо

По своему виду он больше всего напоминал скелет морского ежа – круглый тёмной, усыпанной бесчисленными малиновыми точками – хроматорфами, клетками, отвечающими за уникальную маскировку у головоногих.

Из верхней и нижней части «шара» торчали щупальца – по десять штук сверху и десять – снизу. С их помощью келе и путешествовал по земле, игнорируя лютый холод.

Это существо было явно головоногим моллюском, только очень большим – вне сомнения оно сумело превратить свою раковину в подобие скелета, который «обтянуло кожей, создав совершенную систему маскировки.

Ему пришлось переделать свой организм для жизни на суше – отрастить два десятка щупалец, с помощью которых оно могло ходить по суше, создать в своём теле что-то вроде лёгких – иначе оно бы просто не могло дышать в этом климате и умерло бы при первой вылазке на здешний мороз. Так же оно создало уникальную систему пищеварения, что позволила ему отказаться от огромного количества органов, заменив или эволюционировав их...

Елена смотрела на келе полными интереса глазами, пытаясь понять – что за сила исказила эволюцию аммонитов, вымерших ещё до динозавров заставив немногих выживших уйти на сушу и превратиться в таких-то вот существ.

Существ, вооружённых не хуже танка – могучие щупальца, наркотическое дыхание, светящиеся чернила, которыми келе мог метко плевать на расстояние до полукилометра – и совершенная маскировка.

Эти создания были совершенными боевыми машинами Природы... Но по какой-то причине они ограничивались проживанием в этих ледяных пустынях, и не пытались уйти в более тёплые и богатые пищей края.

Это было странно.

Келе вёл себя вполне мирно, несмотря на то, что его при-

ложило аэросанями, он немного постоял на месте, Иннокентий и Плюс с Минусом успели даже вытащить из аэросаней останки Кочерги – тому повезло куда меньше чем Алхимику – его тело было жутко изуродовано.

Елена не сводила глаз и оружия с келе, готовясь открыть огонь в любую секунду, как этот северный монстр попробует напасть.

Однако келе не проявлял ни малейших признаков агрессии.

– Он не нападёт, – проговорил Серафим. – Ребята, если мы его не будем пугать или провоцировать, то он на нас не нападёт...

– Это мы его напугаем?! – удивился Иннокентий. – Товарищ Серафим вы ничего не попутали? Что бы напугать такое существо, нужно что-то более серьёзное, чем мы...

– Однако я согласна с Серафимом, – отрезала Елена. – Келе на нас не нападёт. Скорее всего, он уже наелся оленей так, что в него уже просто не лезет ничего. А эти существа не из тех что убивают ради развлечения... так т если мы не будет делать глупостей, то всё обойдётся... Надеюсь.

Точку в этом споре поставил сам келе – он пошевелил шупальцами и, стремительно, зашагал прочь – останки «Джейрана» попавшие под его тушу жалобно скрипнули и рассыпались на запчасти. Келе, не обращая внимания на людей, направился к Угодьям Келе.

– Это куда он поковылял?

– Чё, интересно знать? Догони и спроси.

– Боюсь, что нам бы тоже надо последовать его примеру... – Елена ткнула рукой в сторону далёкого горизонта...

Все посмотрели туда.

И спешно побежали к аэросаням.

Даже Алхимик впился зубами в свою рукавицу и всеми силами пытался помочь с транспортировкой его раненного тела.

Бегемот понимал, что он что-то делает неправильно... однако эта мысль, мелькавшая где-то на периферии его сознания, постоянно отгонялась другой мыслью..

Мыслью о золоте.

Пробираясь через тесный, тёмный тоннель, Бегемот иногда останавливался и смотрел в узкий потолок.

Где-то глубоко в его сознании билась какая-то непонятная мысль. Что-то тревожное... Непонятное и странное. Впрочем, Бегемот старательно отгонял эти глупые мысли – он понимал – чтобы он не делает, он делает это правильно. Золото... Золото Угодий Келе будет его. И только его. Никто не отберёт его. Никакая сила...

Посветив фонарём, Бегемот осмотрелся по сторонам. Тоннель был не очень большой, с отполированными стенками – словно через него протискивалось нечто огромное и

мощное, что обломало своей тушей все острые камни и сделало стены под «линеечку».

В глубине разума Бегемота что-то шевельнулось – на какой-то миг он вспомнил рассказы тех, кто отбивал атаку этих странных чудовищ – арктических демонов – келе. Отражавшие атаку келе рассказывали, что эти чудища пришли из Угодий Келе – и что в этих горах их жуткое логово.

Золото... золото было тут же. Оно было в этих горах...

Бегемот прошёл несколько метров и вышел на берег огромного подземного озера, что мерно плескало тягучие серые воды на камни.

Камни и золотые самородки.

Упав на колени, Бегемот схватил два самородка и прижал их к себе, безумно улыбаясь.

...Об Угодьях Келе он узнал ещё в Блокадном Ленинграде – однажды его с командой рабочих отправили собирать документы из разбитого артиллерией архива. В основном там были геологические отчёты, ещё времён Царской России. Бегемот и сам до конца не понял, что именно его толкнуло подобрать и спрятать несколько странных листков – вылетевших из старинной папки, «допотопных времён».

Чуть позже, сидя в своей квартире и попивая кофе с шоколадом, Бегемот прочитал эти документы и понял – судьба кинула ему в руки ШАНС. Невероятный и дикий по своей редкости шанс – только он знает об огромном месторождении самородного золота. Золота, что было найдено сто с

лишним лет назад. И забыто.

Это золото – бесчисленные тонны золота, лежат там, на севере, в краю, где не тает снег, и только Бегемот знает о них...

К делу следовало подходить с осторожностью. Бегемот всё продумал и рассчитал.

Сначала была та история с ленинградским бегемотом – вообще-то Бегемот не сомневался, что Красавицу надо убить и скормить детям. Он и сейчас не сомневался в правильности своих действий – но «не фаратануло».

Впрочем, так и так своего Бегемот добился – после ареста и небольшого (условного) тюремного срока, он отправился за золотом. Все кто знали его, не удивлялись выбору – после скандала с Красавицей искать тихого места для жизни и работы – вполне логично.

Никто не заподозрил Бегемота в том, что это преступление было лишь прикрытием для его более важного дела – добычи золота...

...Золотые слитки были тяжёлые. Они были **ОЧЕНЬ** тяжёлые – каждый из них весил не меньше десяти килограмм. Они холодили руки, даже через толстые варежки... Бегемот прижимал их к себе, поднимал, осматривал, выбиваясь из сил.

А сердце у него было радостно и спокойно. Поглаживая каждый золотой слиток, Бегемот ощущал странную теплоту в душе, от которой ему становилось спокойно и приятно.

Он словно вернулся домой, в тёплую, уютную квартиру, с открытым окном, из которого было видно красивый парк на Васильевском Острове.

Сняв с себя мешок, Бегемот расстелил его на песке и принялся складывать в него золотые слитки.

...С работой в «Плутонии» получилось очень даже хорошо – здесь всегда требовались рабочие руки и люди, имеющие хорошее образование, или, как минимум, умеющие быстро обучаться новому. Бегемот быстро стал подниматься по служебной лестнице – его карьера была быстрой и очень успешной. Он хорошо работал, не получая нареканий со стороны начальства, всегда был на хорошем счету и пользовался славой честного работяги, серьёзно относящегося к работе.

В этом была своя доля истины – в «Плутонии» Бегемот получал огромные зарплаты и мог себе позволить что хотел – отдых на лучших курортах СССР проживание в лучших гостиницах, самых красивых девушек – и даже очень зажиточную, безбедную пенсию.

Однако этого ему было мало – он бредил и мечтал о золоте... Золоте.

Золото.

Бегемот готовился к своему делу очень долго и очень аккуратно. Используя своё служебное положение, он сумел, не вызывая ни малейших подозрений, обследовать Угодья Келе и найти золото. Это он сделал только год назад.

Почти пятнадцать лет ушло у него на то что бы вжиться в

здешнюю жизнь, стать «своим» и подготовить всё...

Пятнадцать лет. Бегемот не жалел об этом времени – это было счастливое время.

Добыв первый слиток из Угодий Келе, и осознав, насколько документы преуменьшали количество золота, Бегемоту пришлось задуматься – столько золота ему было невозможно ни вывезти, ни продать. Объемы золота были фантастическими.

...Набив мешок, Бегемот с трудом поволок его по песку и каменной крошке. Мешок тревожно затрещал – его сшили из прочнейшего брезента, но даже для него количество золотых самородков было огромно...

Несколько секунд Бегемот смотрел на мешок, а затем снял с себя тёплую куртку и подложил её под мешок.

На краю сознания затрепетала, пытаясь пробиться через фантазии о золоте, какая-то тревожная мысль. Бегемот даже головой помотал, отгоняя всё, что не касалось золота. По его прикидкам он волок за собой почти сто с лишним кило золотых самородков – огромные сумасшедшие деньги... Золото было не просто деньгами – оно было властью... Оно было всем и вся!

Что-то плеснуло в озере. Бегемот отстраненно, механическим движением, повернулся и посмотрел в сторону озера. Ему было наплевать на всё, что не касалось золота.

Он механически смотрел, как из водяной толщи выглядывает огромная размером почти с грузовой железнодорож-

ный вагон, голова – длинная морда, похожая на морду сколопендры, только с коротким, толстым рогом, что торчал у нее из головы.

Это существо начало подниматься на толстом, членистом теле, покрытом огромными пластинами брони. Странный рога существа раскрылся, как цветок – это оказались плотно стиснутые жвала – из них полилась вода, смешанная с серыми микроорганизмами, что жили в озере...

Бегемот посмотрел на исполинское чудовище совершенно отстранённо, ему до него не было никакого дела – он сейчас думал только о том, какую сумму ему отваяют за золото и о том, как он будет жить на эти деньги...

Где он будет жить, Бегемот толком не знал – его мысли не распространялись так далеко.

Чудовище с хрустом сомкнуло жвала в один, монолитный рог и выползло на берег – крупнейшая сколопендра, размером с поезд метрополитена. Правда зоологи сразу заметили бы, что эта сколопендра очень странная и больше напоминает плотоядного червя в бронированном панцире, чем членистоногое. Её лапы, окованные панцирем из непонятного вещества, напоминающего хитин, только в странных разводах и царапинах – со стороны можно было принять это за мех, выростали из боков тела. А не из брюшка, как у сколопендр.

Бегемот совершенно безучастно потащил мешок с самородками к выходу...

Ослепительная вспышка осветила пещеру.

На морде исполинского чудовища вспыхнуло яркое пятно – Елена и Старый Чёрт с Серафимом мигом бы опознали светящиеся чернила келе. Чудовищное существо замотало головой – и тут ему в морду ударила ещё одна капля светящегося вещества, что совершенно ослепила его.

Однако жуткое существо успело заметить, откуда в неё влетел светящийся удар – и атаковала со скоростью молнии!

Одна из лап – толщиной с тело человека, с грохотом ударилась в песок в метре от Бегемота – удар был такой силы, что заместителя Иннокентия отшвырнуло – он упал на песок и больно стукнулся локтем о торчащий из песка слиток золота.

Гигантское чудовище – Индрик-Зверь из мифов славян, снова раскрыл свои жвала, которые в сжатом виде принимались теми, кто его видел – за рог и вскинул голову, держа в них келе, который пролез в пещеру по тоннелю, который использовался ими для путешествий наверх, за свежей дичью в виде оленей и медведей (а иногда и людей). Пролез для того, чтобы попасться в жвала более свирепого и хищного создания.

Однако сдаваться просто так келе не собирался – Индрик-зверь вскинул его на высоту почти в десять метров, когда келе применил своё оружие – выпустил все свои чернила, которые залили пещеру ослепительным светом.

Индрик выпустил келе. А тот тут же примени ещё одно

своё оружие – выпустил облако наркотического вещества – алкалоидного яда, что ударило Индрику в морду, отбив ему, на время, обоняние и зрение.

Индрик тут же нырнул в озеро – промыть глаза и вычистить организм от наркотиков, а израненный келе пополз прочь по берегу, дабы подобраться к воде подальше от своего врага и потом тоже нырнуть в воду и уплыть в подземное озеро – в те глубины, где келе обычно жили...

Бегемот перевернулся и встал на ноги. Сняв шапку, он потрогал свой затылок, а затем улыбнулся и, связав у шапки «уши» надел шапку на шею и положил в неё ещё один слиток. После чего потащил мешок со слитками прочь, медленно, но неостановимо, таща золотые самородки наружу, к солнцу и холодному ветру...

...Маркиза Помидора Бегемот знал давно – в определённых кругах этот человек пользовался весьма весомой репутацией обладателя хороших знакомств. К нему обращались тогда, когда ситуация требовала щекотливых решений. Именно такая ситуация была у Бегемота – ему требовался тот, кто сможет продать золото и поделиться с ним выручкой.

Маркиз Помидор не подкачал – он свёл Бегемота с некими людьми, что могли оказать ему помощь в продаже товара. Бегемот, через Маркиза, передал пару золотых самородков этим людям и те реши помочь ему.

Вся организаторская работа лежала на Бегемоте. Он сумел обеспечить людей Маркиза Помидора всем необходи-

мым – инструментами и оборудованием. Так же Бегемот, при помощи своих помощников, которых успел завести за пятнадцать лет, обеспечил полную блокаду поселения от КГБ и прочих силовых служб. Не так уж это сложно было.

Планировалось, что Маркиз Помидор и его ребята наберут как можно больше золота и вывезут его. Затем повторят эту операцию несколько раз – Бегемот, благодаря своему положению, сможет контролировать всё и предупредить «трясунов», если что-то не так пойдёт... Всё было продумано и учтено.

Но кто мог учесть этих страшных тварей? Кто мог подумать, что из глубин Угодий Келе появится то, что сам Бегемот считал мифами необразованных аборигенов?!

Никто не мог и подумать такого...

Когда Маркиз Помидор и его люди погибли, то Бегемот растерялся. Он не ожидал, что всё кончится так жутко... От страха он сделал кучу ошибок – самой главной была попытка отрезать поселение от связи с Большой Землёй – Иннокентий оказался немного удачливее и вызвал помощь пользуясь своими неофициальными знакомствами.

Елена в первое время не вызвала у Бегемота никаких опасений – взбалмошная юная девчонка – да она знает, чему обучена? Так думал Бегемот.

Он никак не ожидал, что Елена пойдёт в «любовую» атаку и буквально за несколько часов без труда распутает несколько дел. Она поняла, что экспедиция была шайкой «трясу-

нов». Она узнала, что ими командовал Маркиз Помидор. Не так много времени нужно было установить, что Маркиз Помидор встречался именно с Бегемотом.

Да и все связи со странной экспедицией шли через Бегемота. Тот, конечно не только этого не скрывал, но и всячески подчёркивал, что бы отвести от себя подозрения.

Некоторое время это срабатывало – некоторое время, но не всегда. Ранно или поздно Елена бы поняла, что к чему.

Попытка связаться с помощниками покойного маркиза Помидора ничего не дала – эта проклятая девка оказалась смелее и сильнее – она была дьяволом в женском облике...

Оставалось одно – бежать... Бежать с золотом... С золотом!

Бегемот и сам не заметил, как он выбрался из пещеры, с натугой таща за собой мешок с золотыми самородками. Холодный ветер тундры алчно лизнул его одежду – промокшую от пота насквозь. Но Бегемот не обратил на это внимания, он тянул мешок с золотом, глядя на него совершенно обезумевшими глазами...

Какие-то мысли в глубине его рассудка отчаянно забились, указывая на что-то странное и опасное... Бегемот решительно отогнал их и продолжил медленно двигаться в сторону горизонта, таща за собой мешок.

Воздух вокруг него зазвенел – затем он наполнился хрустящими хрусталиками льда...

Бегемот повернул голову и увидел, что на него, неумоли-

мо, надвигается «ледяная морось».

Опустив голову, мужчина дёрнул мешок, всматриваясь в золотые самородки, любуясь их красотой и цветом...

«Ледяная морось» налетела на него, скрыв внутри ужасающего вихря холода...

«А? О ком поговорить? О Лихо что ли? Господи ты-ж бо-же мой, да он то вам на кой понадобился? Тоже мне, нашли о ком спрашивать. Чего это ваш Биоинститут каким то ур-кой заинтересоваться-то изволил? Да ещё его приятелями. Вы что, никак решил в наш уголовный розыск податься? Не ожидал, красавчики...

Ну ладно, ладно... Давайте перейдём «от тела к делу»... вы уж простите мой жаргон – пообщаешься с ворами да всякими типами. Так немного обычный язык забываешь... Да и поведение тож изменяется – с этой публикой надо ухо держать как самурайский меч – всегда наготове.

Ладно, давайте вам начну от эпохи динозавров: наш преступный мир вовсе не такой примитивный, как вам кажется. Есть там своя градация, свои ранги и своя социальная лестница. Есть там, среди воров и такие, что пользуются очень большим авторитетом среди своих же приятелей. К ним бегают всякие проблемы, решать, с которыми в милицию не побежишь. Сами же знаете, что эти преступники миром друг

с друг другом живут плохо, и часто у них всякие «непонятки» и глупости встречаются – приходится это решать у более авторитетных «воров». А у тех всё просто – как он решил, так и будет. Не нравится – уже тебя порешат, так как для вора такого – вожака, как я их кличу, самое важное это авторитет.

До смешного доходит – такой вор может жить в какой-нибудь коммуналке, где до туалета полчаса на велосипеде, питаться в столовой, и выглядеть как нищий. А его слово – оно комунибудь жизни стоить будет... Вот так всё у нашего воря поставлено.

Дорогие вещи, хорошая еда, девушки и всё такое? Не. Это ерунда.

Важно только одно – власть и уважение.

Ну так вот... За вашим Маркизом Помидором мы следили сразу, как он с курорта крымского вернулся. Там он, как бы странно не звучало – изволил отдыхать. Весь день на пляже валялся, да свой ток томатный попивал. К чему мы за ним слежку ставили? Да больно мутный тип этот Маркиз был – мы за ним давненько следили, что бы знать, чем он там дышит и живёт.

И вот представьте-ка, что нам рассказали мои «наседки» – оказывается Маркиз Помидор «снюхался» с каким то чинушей северным, имени его, уж прости, не знаю. И этот чинуша передал ему золотишко, в виде самородков, размером «вот шоб мне сдохнуть – если оно меньше сисек моей любимой жены» – это я вам дословно слова своего «наседки» передаю.

А золото – это штука специфическая. Особенно если оно имеет вид самородков, а не ювелирных украшений. С самородным золотом наше ворьё связываться не спешит – боится. Это всё же тебе не кольца с серёжками продавать из-под полы... Государство природное золото считает своим и за его кражу может и «носом стенку припереть». (Расстрелять. Примечание автора). Так что с ним особый подход нужен... Маркиз видимо это знал, так что стаскал золотишко к кое каким вора́м – из тех, уважаемых, чьё слово и решение за закон идёт. Ну там воры посидели, за чаем с малиновым вареньем, порешали, да и решили отправить к своему ювелиру это золото. Пусть тот его проверит, да и вынесет вердикт – хорошее оно иль нет.

Ювелиров прикормленных у этих «блатных» тьма-тьмушная. Да только «чесанул» курьер к знаменитому – ну конечно среди нас, ювелиру по прозвищу Дуремар. Имени и фамилии я его не скажу – уж прощевайте, слишком личность известная. Да вы и сами найдёте – сводки пошарите за то время и опа – вон он голубчик...

Дуремара мы звали так за то, что он был лютым фанатом лечения пиявками, даже не поленился выучиться на мастера по лечению этими мерзкими тварями. У него дома эти пиявки в аквариуме жили... Бр!

В общем, отправили к нему «шныря» – ну это такой мелкий... вроде слуги что ли? Даже не знаю, как сказать. Короче – «агент по выполнению мелких задач» – во! Ему дали это

золото, и велели стаскать его к Дуремару и потом вернуться – с золотом и заключением ювелира.

И вот так получилось, что мы и мои парни «хлопнули ягодицами», как в Одессе говорят, и пропустили «шныря» – думали, что золото кто-то рангом повыше потащит. Даже подумать не могли, что сиё золото какая-то мелочь уголовная, нар не нюхавшая, понесёт.

Это-ж пойми... ну... это всё равно как если бы вы в министерство Внутренних Дел с важным сообщением, отправили бы не курьера из специальной службы, со всеми документами и разрешениями, а слесаря-сантехника. Заценили разницу-то?

Во! Я тоже такого «финта» от этого ворья никак не ждал. А как сиё до меня всё же доскакало, то я всё бросил, и помчался – вот не совру, как после килограмма селёдки, да под простоквашу, за этим шнырём...

Прилетели к дому Дуремара – смотрим а «шнырь» этот, как сумасшедший, на машине вылетает со двора. Ну, я своим оперативникам крикнул «фас!» и погнал их за «шнырём», а сам с другой группой – влетели в подъезд и, снося всё на своём пути, влетели в квартиру Дуремара – благо дверь была открыта. Влетаем в квартиру – а хозяин валяется на ковре, как шкура того медведя. Голова разбита. В общем «не ре, ни мя». На столе, смотрим, стоит всякая ерунда ювелирная – пила какая-то, склянки с кислотами и пр. Мне потом парни сказали, что это для проверки чистоты золота – отпили-

ваешь кусок золота и кидаешь в кислоту – золото то обычной кислоте противостоит отлично, а вот всякие инородные примеси в нём – распадаются...

Ну ладно – в общем, лежит Дуремар, за свои рога отшибленные держится и стонет и матерно маму требует. Ну я его давай трясти, мол, говори, пиявочный корм, кто тебя по рогам отоварил. А не то, всех твоих пиявок тебе на лысину наклею...

Жалко стало Дуремару пиявок своих, ну и раскрыл тайну Золотого Ключика – оказывается «шнырь» этот ему золото принёс. Два самородка, размером с сиськи жены моего «наседки» – да такие яркие, что глаз не отодрать. Ну пока Дуремар готовил инструмент для пробы – «шнырь» вдруг вскочил, да как треснет сумкой с этими самородками его по черепушке!

Ладно хоть, благодаря жене Дуремара, у ювелира такие рожищи были, что в них не то что сумка с золотом – танковый снаряд запутается. Упал Дуремар и накрылся своими отбитыми рогами, да так и лежал до моего прихода.

Ну я бегом на улицу, а тут мне мои «орлы» летят – мол ехал «шнырь» быстро, весело – но недолго. На повороте под бензовоз попал и вместе с бензовозом улетел на берег реки – прям на пляж где, к счастью, никто не купался.

Там и сгорел, с богом. Водила бензовоза, и экспедитор выскочить успели. А вот этот «шнырь»... не очень.

В общем, потом Дуремар, как в больнице побывал, всю

память потерять попытался. Лежал в палате и всем говорил, что не помнит ничегошеньки...

Но я его там навестил... с апельсинами...

После пятого апельсина Дуремар признался, что «шнырь» этот был в приближённых у знаменитого Лихо – «старого пахана» – уголовного-рецидивиста, что сиживал кучу сроков за грабежи и мошенничества.

Лихо он, скажем так, он не тот вор, к кому прислушиваются – по-простому он «пахан» – что-то вроде «правой руки» при воре, которому доверяют самую грязную и тяжелую работу. В общем – «исполнитель»... От Лихо этот «шнырь» и притопал.

Знаешь, я столько лет в уголовном розыске работаю, навидался всякого... но это вот меня впечатлило – это ж что за мощь у золота такая, раз, какой то мелкий клоун, который перед Лихом никто и ничто – в открытую решился грабануть золото, кое ему поручили воры ювелиру передать?».

Протокол расспроса майора уголовного розыска Новоградска Владислава Корншнепа, по прозвищу «Пересмешник».

Елена посмотрела на Лихо, что мрачно потирал руки, пытаясь приспособиться к новым ощущениям.

– Чё ты мне вколола, шмара? – поинтересовался уголовник, мрачно посматривая на Елену своими странными глазами.

– За языком следи, не с «шнырями» на «шконке» «булькаешь», – отрезала Елена, и постучала по рукоятке кресла на колёсиках, которые толкал услужливый Серафим. – Я вколола вам в руки и ноги немного морфина из своих личных запасов... сделала местную анестезию. Между прочим, ради вас самого, что бы вы тут руками не махали.

– Прямо умираю от умиления, – фыркнул Лихо.

Однако только фыркать ему, и оставалось – чтобы не вколола ему Елена, это вещество практически не позволяло быстро шевелить руками и ногами. Зрение тоже было немного рассеянным, как и реакция. Драться или пытаться «отколлоть» глупость, не стоило и мечтать.

В общем, драться или махать руками было проблематично. А ещё Лихо чувствовал странную тягу к болтливости, которую подавлял всеми силами.

Сама Елена выглядела весьма мило, с тщательно закрученным хвостом светлых волос, в длинном халате, и пледе, которым накрыла колени. При этом она сидела в кресле на колёсах, так как передвигаться на ногах практически не могла.

Плюс и Минус подкатали каталку с телом Бегемота, которое нашли, подъезжая к месту, где его высадили Кочерга и Алхимик. Заместитель Иннокентия вульгарно замёрз от «ледяной мороси», и Серафиму с Серым Псом понадобилось много сил, что бы оторвать его от мешка с золотыми слитками. Как успел установить Серафим, Бегемот вытащил из пе-

щер почти сто пятьдесят килограмм золотых слитков. Елена на это сказала, что она уже сталкивалась с таким феноменом – экстремальный прилив сил, во время умственного помешательства.

Тело Бегемота и мешок доставили в поселение. Там Елена провела разговор с Иннокентием, в ходе которого убедила его, что скрывать золото келе от жителей поселения, а особенно от Лихо, нельзя.

Да и не зачем.

Лихо всмотрелся в тело Бегемота, а затем кое-как поднял руку и пощупал его лицо, осторожно надавив на глаза – только Елена знала, что уголовник, таким образом, проверяет – не притворяется ли Бегемот мёртвым. Глаза – нежный орган – организм защищает их вне зависимости от того – в сознании человек или нет.

– Сдох. Жил как «перхоть», и помер так же... Можешь высечь эти слова на его надгробье.

– Отлично. А теперь покатили в столовую.

– Зачем?

– Так вы с момента вашего ареста некормленный, – пожалала плечами Елена. – И я чегонибудь перекусила. Да и поговорить надо.

Лихо к такому странному отношению к себе отнёсся философски, решив, что: «чем бы кум не тешился – лишь бы чужие грехи не вешал». Да и есть тоже хотелось, как ни крути. Ещё неизвестно как судьба повернёт – чего голодным то

ходить?

...Столовая была битком набита народом. Почти все кто пострадал от отравления чернилами келе пришли в себя и теперь наверстывали время вынужденной диеты.

Были там и Бобров, пришедший в себя, с Костлявцем, что о чём-то опрашивали Валентину. Был там и Старый Чёрт, что сидел за столом и что-то рассказывал остальным. Были там и Плюс с Минусом. А также завхоз, что неторопливо попивал компот, и наслаждался повышением на службе – Иннокентий его временно (читай – постоянно) поставил на место своего заместителя.

В общем, тут были те люди, которых Елена успела хорошо узнать за время, проведённое в этом месте.

– Товарищи, минуточку внимания! – Елена подняла руку. – Прошу прощения, что я с вами общаюсь не стоя – ноги немного не ходят.

– Ещё бы, – буркнул откуда-то Серый Пёс. – Она с аэро-саней спрыгнула на полном ходу чтоб я сдох, если вру – тут никакие ноги не выдержат.

– Благодарю за добрые слова... Вези меня, Серафим, вон к тому столу... – Елена указала на сто в углу – пусть он стоял неудобно, но зато увидеть его могли все без исключения. – Итак, товарищи, нам кое-что нужно прояснить вам и объяснить...

Иннокентий, лично, вкатил тачку, на которую побросал золотые самородки, и прикрыли многострадальной шубой

Бегемота.

– Как вы все знаете, некоторое время назад, в вашем поселении произошли определенные события... – Елена посмотрела на Лихо. – Садитесь, что будете пить? Чифирь, компот? Водки тут не держат. Да садитесь вы – когда сотрудник КГБ вам говорит «садитесь» то упираться – невежливо.

– Тащи компот. Чифиря я всегда напиться успею, – отрезал Лихо, гадая, зачем его сюда притащили, и что задумала Елена.

Вера и Каря, поставили на стол перед Еленой спиртовку и странную конструкцию – треугольную подставку из проволоки, которую скрутили в инструментальном цехе по личной просьбе самого Иннокентия.

– Попрошу тишины, товарищи. И так... всё началось с того что вашему заместителю главного инженера, которого вы знаете как Бегемот, во время войны, в Ленинграде в руки попали документы о том, что в вашем миллом краю есть огромные запасы золота. Огромные. Просто тонны и сотни тонн. И самое интересное в том, что отчасти, это оказалось правдой. Серафим...

Серафим, молча, сдёрнул с тачки шубу. Все уставились на сверкающую кучу самородков и замолчали уже по настоящему – стало даже слышно, как под полом столовой мыши дожирают украденную хлебную корку. Даже Лихо уставился на золото с каким-то лихорадочным огоньком в глазах. Разве что слюни не пустил. Затем Серафим, с усилием, поднял

один самородок и положил его на треугольную подставку. Та скрипнула, но вес самородка выдержала.

– Итак... найдя это золото келе, будем называть его так, Бегемот решил что неплохо бы его продать. Для этого он связался с представителями уголовного мира – конкретно говоря, «вором в законе» по кличке Сатир и его приятелями, рангом поменьше. Сидящий тут гражданин Лихов является «правой рукой» упомянутого Сатира и был назначен им следить и контролировать это дело, – Елена вытянула ноги и положила их на подставленную Серафимом табуретку. – Спасибо, товарищ Серафим... Так о чём я? Ага... Сразу хочу кое что объяснить – Бегемот передал «ворам в законе» два золотых самородка, которые достал из пещер Угодий Келе. И с ними произошла интересная история, которая многим из вас покажется забавной... Гражданин Лихо, поскольку вам со мной разговаривать на эти темы неприятно, да и ваши «законы» не одобряют подобного – то вы молчите. Я сама всё расскажу. Думаю поправлять меня, вам смысла не будет...

Лихо принял от кого-то картонный стаканчик с компотом и, держа его двумя руками, сделал небольшой глоток. Строго говоря, он уже заинтересовался тем, что говорит Елена и не полез-бы «мочить рога» даже если бы была возможность напасть на окружающих.

– «Воры в законе» передали самородки, полученные от Бегемота в руки одного из своих «прикормленных» ювелиров – что бы тот установил их чистоту и качество. Это впол-

не нормальное дело – как говорят сами «воры»: «рыжьё надо куснуть на вшивость». Однако во время этого дела произошла неприятность – отправленный с самородками к ювелиру человек не удержался от соблазна. Его одолел золотой дьявол». Человек сей не сдержал алчности, ударил ювелира по голове самородками и убежал с ними из его лаборатории. Запрыгнул в машину помчался прочь, куда глаза глядели... А глядели он вдаль, но никак не по сторонам – в общем – попав под бензовоз, сгорел, бедняга, до косточек...

– Крыса поганая, – проговорил Лихо не сдержав эмоций. – «Шнырь» чёртов... Не сдержался при виде «рыжьё», «шкура»... «Золотой дьявол» говоришь? Это ты, верно, заметила, товарищ начальник... Это проклятое золото ему конкретно «шифер вспенило», раз он против нашего приказа пошёл, на чужое руки наложил... Повезло этому уроду что он сгорел.

– Золото действует на людей гипнотически... – усмехнулась Елена и указала на тачку с самородками. – Редкие люди способны выстоять против такого увлекательного зрелища. Так что не обижайтесь на то, что ваш «шнырь» не выдержал «проверки золотым блеском». Ладно, дальше... К счастью для себя уголовники не стали особо интересоваться – сгорел так сгорел – фиг с ним, нового найдём. А заведение, которое представляю тут я, заинтересовалось тем, что в останках машины не было найдено золота. Даже если бы оно расплавилось, то почти десять килограмм золота, в каком-бы виде оно ни было, проглядеть трудно – вы согласны? Кроме того

экспертов насторожило то, что тело неудачливого «шныря» обгорело до костей, хотя при горении бензина такого вряд ли получилось бы – уж поверьте, я видела трупы людей что попадали в ДТП и знаю что говорю.

Елена подняла стакан с компотом и, сделав глоток, прожевала и проглотила персик. Затем усмехнулась и продолжила:

– Так или иначе, но воры получили косвенное доказательство того, что золото есть. И помогли Бегемоту и небезызвестному вам Маркизу Помидору организовать экспедицию по «изыманию золотишка». Они планировали отправлять к Угодью Келе экспедиции по поиску некоей «полой земли». Бегемот, чья репутация была безупречна – он работал тут почти пятнадцать лет и зарекомендовал себя как человек исключительной честности, должен был «прикрывать» их и помогать чем можно. – Елена указала на золотой самородок, что лежал на странной треноге и бросал блики всем в глаза. – Маркиз Помидор, в отличие от своих людей был мужиком хватким и умным. Он и его люди добыли первое золото келе. И полагаю, что Маркиз сразу понял кое-что и бросился предупреждать поселение, точнее Бегемота о том, что он обнаружил. Но, к сожалению, по независящим от него причинам, передать важные сведенья он просто не успел. На него и его экспедицию напал келе и убил их всех.

По столовой прокатился шепоток – нападение келе все помнили.

– Бегемот оказался в патовой ситуации. Маркиз Помидор

и его люди – погибли. Попытка удержать главного инженера в неведение – тоже провалилась – тот вызвал меня, а я очень быстро установила личность Маркиза Помидора, по его глупой привычке везде и всюду употреблять томатный сок с сухариками. Кроме того мне прислали его стоматологическую карту и я опознала Маркиза по его пломбам, зубам и прикусу в одном из черепов. – Елена осмотрелась по сторонам. – Как вы понимаете, для КГБ не составляло никакого труда установить, с кем контактировал Маркиз Помидор и «выбрать» всю цепочку...

Отпив ещё компота, Елена потёрла шею. Ей пришлось вколоть себе кучу обезболивающего – из аптечки Биоинститута, что бы иметь возможность просто говорить. По уму надо было лечь спать – на пару суток, но, увы, такой роскоши допускать было нельзя. Она должна была рассказать дозированную дозу правды этим людям. Должна была навсегда уничтожить «золотого дьявола», что уже вползал в души зрителей...

Иначе будет ещё много смертей.

– С перепугу Бегемот и его люди наделали кучу ошибок. Например радист Гаврила попытался убить меня, когда понял, что я постоянно нахожусь на связи с Свердловском и уже успела установить кучу интересной информации... Самое смешное, что на тот момент я ещё не подозревала Бегемота и считала что он-то как раз используется преступниками «втёмную» сам не зная, что им служит... Впрочем Гав-

риле от этого легче не было, за ним шёл слишком вонючий след и на снисхождение надеяться он не мог. Потом на нас покушался Вилка – видимо он сумел проследить за тем как я Серафим и Иннокентий взорвали тоннель, и решил проверить – живы и мы. А когда выяснил, что мы живы – то решил это исправить.

– Но неудачно, – вставил Серафим.

– Когда мы выбрались из тоннеля, я уже знала что глава всего – Бегемот. Только он работал с архивами в Ленинграде. Остальные начальники поселения не обладали доступом к архивам... Так же в тоннеле, благодаря Вилке, я установила одно очень интересное обстоятельство, о котором расскажу позже...

Елена указала на Лихо, что сидел и мрачно дожёвывал выуженный из компота персик.

– Что до наших уголовников... Бегемот связался с ними, и они решили пойти на «рыск», как говорят наши предки. А именно: переоделись в офицеров КГБ, покрасили один из самолётов, что видимо, служил для перевозки спирта и шкур в стойбищах в свеженький и прилетели сюда для того, что бы «арестовать» меня и прихватить с собой Бегемота. Но им не «фартануло не прошёл «фарт», – Лихо сплюнул персиковую косточку в ближайшую кадку с пальмой. – Дальше думаю всё понятно – Бегемот потерял голову от паники... Причём окончательно – узнав о том что я сумела повязать Лихо и его команду, ваш заместитель главного инженера спятил и

попытался убежать. Однако перед тем как убежать он захотел набрать золота келе. Набрал. В мешок. Который волок по тундре, пока его не настигла «ледяная морось». Конец истории. А теперь – начало новой.

Елена пододвинула к себе спиртовку.

Серафим, молча, поджёг её, а затем притащил пепельницу, набитую окурками и тюбик зубной пасты. Елена, брезгливо вытащила из пепельницы окурки и, выдавив часть пасты в пепельницу, перемещала её с пеплом от сигарет.

В столовой вновь повисло могильное молчание. Все, даже Лихо, не сводили глаз, с Елены глядя на её странные движения. А та деловито намазала перемешанной с табачным пеплом зубной пастой самородок и поместила под него спиртовку.

По столовой поплыл сладковатый запах обугленной зубной пасты.

– Итак. Теперь приступим к последней части нашего весёлого балета... Как я упоминала Бегемот попался сразу, как только мы нашли останки экспедиции, отправленной ещё графом Аракчеевым Я ни на секунду не сомневалась, что сведения о этой экспедиции где-то валяются в архивах Ленинграда. По моему запросу эксперты КГБ перерыли весь архив и нашли то, что я искала – а именно – недостающую часть документов. Бегемот, да будет вам известно, украл только часть документов. Но не окончание. Если бы он получил полный документ, то, конечно же, никогда бы не затеял

свою дурацкую авантюру. – Елена подкрутила спиртовку. – Он бы понял то, что понял Марких Помидор...

– Да что ты там томишь? – прорычал Лихо, прищурив свои разноцветные глаза. – Что ты утаиваешь началь...

Пуф!!!

Золотой самородок окутало пламя.

Золото келе загорелось ровным, чистым, почти прозрачным пламенем, словно пропитанный спиртом ком из ваты. Елена отодвинула спиртовку и уставилась на горящее золото келе.

Тишина на сей раз рухнула такая, что гул огня, пожирающего самородок, стал очень отчётливо слышен. Огонь прибавил в своей силе и яркости – и на стол посыпался белесый пепел, что осыпался с золота келе – причём самородок не коптился и не чернел – внешняя оболочка сыпалась с него пеплом на стол, без остановки обнажая новые сверкающие слои, что тут же охватывались пламенем.

По столовой пополз странный, сладковатый и приторный запах. Какая-то вонь, от которой к горлу подступал комок. Странно знакомая почти всем... Елена знала что это за вонь, и только улыбалась, глядя как остальные принюхиваются.

– Хы-ы-ы-ы-ы... – Лихо, с хрустом смял в кулаке стаканчик из-под компота. – Ы-ы-ы-ы-ы-ы!!!! Ахыф!!!! Р-р-р-р-р-р!!!

Лицо уголовника перекосило от дикой ярости, а гнев и злоба мешали нормально говорить.

– Да-да, гражданин Лихо... Вы правильно поняли. Суть золота келе в том, что это никакое не золото. – Елена улыбнулась и указала на горящий самородок. – Бегемоту не повело... Он не получил второй части документов которой был отчёт из одной лаборатории из Санкт-Петербурга. Там описывалось, что несмотря на густой золотистый цвет и феноменальную плотность, присущую металлам типа свинца или золота – вещество, привезённое из Угодий келе является – копролитом. (окаменевший или минерализовавшийся помёт животных. Примечание автора)

Лица у зрителей стали, на миг копиями лица Лихо, который судорожно втягивал в себя воздух, держась за грудь.

– Копролиты?! – крикнул Василий. – То есть... Это золото чё – навоз этих келе?

– Да.

Все уставились на тачку, набитую золотом келе. Теперь, когда стало ясно что это – просто минерализованный помёт, то его странная форма уже не вызывала никаких вопросов – тут скорее опросы вызывало то, что бывалые, опытные люди этого сразу не поняли, забыли поговорку «не всё золото что блестит» и позволили обмануть себя...

Все до единого «клюнули» на густой, золотой цвет золота келе...

– Само собой, что любой лабораторный анализ, да что анализ – простой ювелир или даже опытный вор, мигом бы определили что это не металл, а биологическое вещество

повышенной плотности... Но по иронии судьбы это золото ни разу не подвергалось такому исследованию. Алхимик, уж простите за откровенность, был человеком недалёким... Более того он даже не имел лабораторного образования – в Ленинграде он занимался скупкой драгоценностей у горожан в годы Блокады. А так же тем, что наводил шайки грабителей на квартиры тех, у кого это золото ещё было. У него не было образования и опыта в определении золота – у вас поселении он всю такую работу перекладывал на плечи персонала, а сам занимался бумажной волокитой. Золото, которое я привезла из посёлка Маркиза Помидора, он не исследовал. Закинул в сейф и дело с концом. Ну для старшего инженера и меня он накатал фальшивый отчёт. Этот отчёт выдал его с головой – к тому времени я уже знала, что золото келе никакой не благородный металл, а обычный навоз подземных привидений. И понятно, что зная это, у меня возникли вопросы к вашему начальнику лаборатории. Зачем он лгал?

– Чем вы подожгли это, с позволения сказать, золото?

– Так это обычный трюк – натираете кусок сахара табачным пеплом и поджигаете. В табачном пепле содержатся соли лития, они поджигают сахар. В том отчете, что я читала, тоже было указано, золото келе удалось поджечь смесью табака и масла. Зубная паста служила чисто для связующего вещества, помогавшего пеплу держаться на самородке. Видимо в этом веществе есть какие-то органические соединения, что остро реагируют с литием. Горит это вещество

очень сильно и ровно, разве что воняет – вот почему его не нашли в машине погибшего «шныря» воров – самородки просто сгорели. Впрочем, думаю если эту штуку просто как следует нагреть, то она тоже сгорит, – усмехнулась Елена. – Товарищи, так что можете разобрать эти самородки и поджечь, если есть желание. Глядишь, будете использовать их вместо топлива в холода.

– Вот только сушёным навозом мы ещё обогреться не стали – проворчал Серый Пёс, поднимая один кусок «золота келе». – Но как так вышло, что у него такой цвет?

– Увы, это одна из тайн Природы, которую нам удастся разгадать не сразу... – Елена откинулась на спинку кресла и посмотрела на немного успокоившегося, но по прежнему грозно что-то ворчащего себе под нос Лихо. – Как вам моё расследование, гражданин Лихо?

– Скажу одно – далеко пойдёшь, девочка... далеко... Только учитывай – тот кто высоко забирается, упав – большее ударяется, – прорычал уголовник, уже живо представивший, во что превратится его репутация, когда станет известно, что представляло из себя это «золото келе». Ради которого он и его люди пошли на сложнейшую комбинацию. – Вот попомни мои слова.

– Попомню, гражданин Лихо... Но и вы тоже помните мои слова – какими бы крутыми вы себя не считали – но есть вещи, против которых бессильны ваши законы и понятия. Полагаю что ваш вожак – Сатир, вполне может вам рассказать

о том, что и на его дорожке может появиться... монстр, против которого у вас не хватит ни сил, ни хитрости. Помните старинные стихи?

И путник, бросив взгляд назад,

Быстрее, быстрее идёт...

Ведь знает он – среди тьмы за ним...

Чудовище идёт...

Скажите спасибо что вы не окунулись в тот жуткий мир кошмаров, самый краешек коего мы видели – вы б не пережили и десятой доли того ужаса, что таится в глубинах Угодий Келе... Передайте своим приятелям по нарам, что в Угодьях Келе скрыты тайны, которые не по плечу ни одному воору и уголовнику. Силам что живут там совершенно безразлично кто вы... Они этого просто не знают.

Всю ночь в поселении там и сям полыхали огни – народ жёг «золото келе».

Было установлено, что копролиты имели очень долгий «момент воспламенения» (время проходящее между помещением вещества в огонь и его воспламенением. Примечание автора), однако, потом начинают пылать, до тех пор, пока не прогорят в пепел. Причём до самого последнего момента сохраняя свой золотой цвет.

Сам пепел был мельчайшей пудрой, что легко и просто

раздувалась даже легчайшим дуновением ветра. Никакого отношения к металлам «золото келе» не имело. Это было чисто биологическое вещество – продукт метаболизма этих странных созданий, который они оставляли на берегах подводного озера. Оно легко и жарко горело, источая аромат перегревшегося на солнце навоза.

Вместе с ним сгорал и «золотой дьявол» в душах людей.

Народ в поселении был очень смелый и отчаянный – их не испугали бы келе, если нужно было добыть золото. Но... рисковать собой просто из-за какого то навоза?

Как говорится «дураков у нас нема – ищите там, где дурней – тьма».

Иннокентий помог Каре и Серафиму доставить Елену, что абсолютно выбилась из сил в её комнату, где Каре опять пришлось поставить старшему лейтенанту капельницу со «Связью». Когда Каря справилась со своей задачей, то Иннокентий, выпроводив всех из комнаты, сел рядом с кроватью и посмотрел на Елену.

– Вы удивительный человек, – проговорил он. – Просто потрясающий. Скажу даже больше – вряд ли кто-то смог сделать то, что с такой лёгкостью сделали вы.

– Я бы не сказала, что это было так просто, – прохрипела Елена, ощущая, как от действия «Связи» её тело окутывает приятная истома, а чудовищное напряжение в мышцах постепенно «отпускает». – Видите, как я выгляжу? Сущая развалина, под капельницами и таблетками.

– Не несите ерунды, товарищ старший лейтенант – вы так выглядите потому, что вам пришлось пережить такое, что свалило бы с ног даже более крепкого мужика, чем я или Серафим. Вы много сделали и я вам благодарен. Особо благодарен за то, что вы так ловко развенчали в глазах парней сказку о золоте этих келе – я очень опасался, что все начнут охотиться за этим золотом. Сами понимаете, что келе бы просто перебили этих бедняг. Но лезть в пещеры ради навоза, который выглядит как золото? Таких дурней нет. Полагаю, что вскоре эту историю забудут или переведут в разряд страшилок.

– Всё равно кто-то найдётся, кто полезет туда, искать, смотреть исследовать – просто ради любопытства. Я постараюсь внушить своему начальству, что Угодья Келе надо закрыть. Изолировать. Создать военную базу или что-то вроде полигона, что бы исключить перемещение там людей. Полагаю, что тогда келе нас не потревожат. Хотя я думаю, что без той американской взрывчатки, чей запах привлекает их они так и так не доставят проблем, – Елена улыбнулась. – С другой стороны есть и иная проблема... Думаю Серафим уже догадался, но вам не рассказал.

– Что за проблема?

– Эти келе... огромные головоногие моллюски, покрытые бронёй, которая выдерживает попадание из противотанковых ружей... Обладающие ядовитым дыханием, совершенно уникальной маскировкой и умением выплёвывать светящи-

еся чернила... Вы так ничего и не поняли?

– Прошу прощения, но я слабо разбираюсь в биологии. Особенно тех существ, которых сроду не видел и считал глупыми сказками, – проговорил Иннокентий.

– Тот тоннель в горе, через который мы завезли взрывчатку в пещеры келе – он был прорыт существом, что охотилось на келе. Хищным животным, что ело келе. Оно убило как минимум двоих келе. Одного прямо на наших глазах – вы сами управляли трактором, когда это чудовище напало на келе и утащило, а скорее всего просто съело на месте... Так что сами понимаете – стоит ли тревожить места, где живут существа, способные в один присест убить и съесть другое существо – размером с танк? – Елена посмотрела в потолок и сделала глубокий вдох. – Знаете...знаете в чём правда нашего мира? В нём полно того, о чём людям страшно знать. Мы и понятия не имеем, что за чудовища скрываются в лесах, горах, пустынях и даже в наших городах. Мы не понимаем того, что рядом с нами живут настоящие монстры... И мы не понимаем того – что этим монстрам глубоко плевать на нас. Они даже не обращают на нас никакого внимания. Мы, люди, для них никто. Просто часть их мира... И задача таких как мы не бороться с ними, а делать всё, чтобы мы и они жили своими жизнями. Никогда, слышите, никогда не пытайтесь довести до крайности того, чьих сил вы не знаете. Вот и всё что я вам могу сказать...

Затем Елена закрыла глаза, и её тело обмякло на кровати

– дыхание выровнялось, а лицо расслабилось – на нём появилась слабая усмешка, словно она увидела во снах что-то необычное. Красивое и приятное.

– Приму ваши слова на веру, – проговорил Иннокентий и, встав, вышел из комнаты.

Разговор с Еленой убедил его только в том, что у Ильи может, служат и хорошие люди, но всё же немного сумасшедшие...

...Елена пребывала в крепком сне больше суток – за это время в «Плутонию» прилетела тьма-тьмущая проверяющих из Свердловска. От КГБ, до простых милиционеров. К счастью для Иннокентия, больше всего они интересовались Лихо и покойными Бегемотом и Маркизом Помидором. Предположение о причинах гибели отряда Маркиза Помидора выдвинутое Бобровым, было принято на «ура». Причём очень охотно, что заставило Иннокентия крепко заподозрить, что не все из прибывших представителей особых служб были, в самом деле, из КГБ.

Подозрение это усиливалось тем, что никто даже не поинтересовался состоянием Елены, которая, сладким сном, отсыпалась больше суток, не ведая ничего о том, что творилось в поселении. Никто не спрашивал о ней, не требовал разбудить и доставить под свои гневные очи и всё такое. Словно не было никакой Елены Сиротиной от слова «совсем».

Судя по всему, Биоинститут очень хорошо включился в урегулирование этого вопроса.

В скором времени появилось заключение о том, что группа Маркиза Помидора погибла в ходе неумеренного употребления алкоголя и кокаина, а Лихо и его люди просто хотели, под видом сотрудников КГБ, воспользоваться случаем и ограбить кассу поселения, куда должны были привести зарплату для рабочих и геологов.

Золото келе, прямо таки по «щучьему велению», превратилось в обычный пирит – «золото дураков», а келе – в простые атмосферные явления, типа вихрей...

В общем, историю с таинственными головоногими моллюсками, что могли жить на просторах Севера, тихо, мирно, «укрывали» от лишних глаз, превращая в обычный случай обычного мошенничества...

...Елена проследила за тем, как разобранный и упакованный в ящики «Оранг» грузят в самолёт. Самолёт, к её удивлению, был очень здоровенный – тяжёлый транспортник, которым иногда закидывали в поселение трактора и аэросани. Собственно говоря, именно аэросани и пару тракторов этот самолёт и привёз – и теперь забирал, обратным рейсом, Елену.

– Ну... Будете у нас ещё – в гостях, забегайте к Илье в гости – он вас снова на охоту свозит.

– Благодарю, я ещё за ту испорченную шубу никак забыть нагоняй не могу, – покачал головой Иннокентий, придерживая шапку – ветер разгулялся не на шутку.

– Послушайте, Иннокентий... вопрос есть. Личный.

– Даже так? – Иннокентий посмотрел на Елену. – Спрашивайте.

– Из какого зверя у вас свитер сшит? Никак не могу определить.

– Хм... – Иннокентий усмехнулся. – Пять лет назад меня высадили в тундре, вдали отсюда. Нужно было проверить местность и сделать там замеры кое какие. Разлив реки выбросил на берег целого мамонта.

– Мамонта?!

– Ну да. Индрика-Зверя. Правда он был в жутком виде, и потом его унесло водой, но я успел надрать с него шерсти. Тут уже мне и связали этот свитер... Свитер из мамонта. – Иннокентий посмотрел в небо. – Послушайте, вы сделали для нас много хорошего. А вот мы для вас – ничего. Это как то не по справедливости.

– Я сделала то, что сделала.

– И всё же просто так я вас отпустить с пустыми руками не могу...

Иннокентий и Серафим повернулись к небольшому трактору, что тянул за собой громадный, сколоченный из досок контейнер.

Елена подошла к контейнеру и прикоснулась к нему пальцами.

И повернула голову к Иннокентию. Её глаза сверкнули.

– Пожалуй... пожалуй этот подарок я могу принять! Но откуда...

– Вообще-то это ваши трофеи. Серафим вычислил силу взрыва, то, где находился келе в момент взрыва взрывчатки в лагере «трясунов» и отправил команды на поиски его туши – мы его нашли. Так же там обгорелые останки второго келе – того что вы завалили из своей чудо-пушки, – Иннокентий указал на ОКВ «Вьюга», что висел на плече Елены. – Ну и... в общем ваши слова насчёт того, что кто-то охотился на келе, оказались правдой. Мы нашли обглоданные останки двух келе. Всё что нашли – упаковали и передаём вам. Для вас и это кое-что значит. Надеюсь пригодится.

Елена улыбнулась и протянула руку Иннокентию. Тот пожал её. Серафим шагнул вперёд, обнял Елену и хлопнул её по спине.

– Мы ещё увидимся.

Помахав рукой, Елена накинула капюшон «Айзека» и направилась к самолёту.

Эпилог.

В кабинете Ильи у окна стоял высокий, плечистый мужчина, жутко похожий на Капитана Америку из комиксов. Он отхлёбывал чай, и посматривал в окно, любуясь пейзажем тайги.

– Красота-то какая, клянусь Святым Дональдом Даком. – проворчал он и, отхлебнув чая, посмотрел на Елену. – КХЫХ!!!

Елена удивлённо посмотрела на этого странного типа – он бы одет в обычный пиджак, брюки и – почему-то клетчатую фермерскую рубашку. Кашляя и давясь, чаем, он смотрел на Елену как безумный.

Илья, что сидел за столом, только посмеивался.

– Как видишь. Громокряк, я доверяю тебе. Никому как тебе не доверяю.

– Да, кхы! Но это что... кх!

– Да, ты всё правильно понял. Познакомься – Елена Сиротина. Товарищ-Молния. Елена – этого человека все называют Громокряк. Попрошу тебя обращаться к нему именно так и никак иначе. Ни к чему нам светить тут своими именами.

– Здравствуйте, товарищ Громокряк, – Елена поджала губы, заметив, как Громокряк осматривает её с ног до головы. – Раздеваться не буду, так что не простите.

– Да это, зачем... – Громокряк взял себя в руки и сел прямо на подоконник. – Вот ведь задница Божья... удивил, Богатырь... удивил... Здравствуйте, миссис...

– Не миссис, а мисс, – поправил Громокряка Илья.

– Да? – Громокряк счастливо улыбнулся. – Рад приветствовать – мисс Елена. (В Англии и США мисс – перед именем женщины означает её социальный статус. Мисс – это незамужняя девушка. Миссис – замужняя женщина. Примечание автора).

– Елена... Громокряк является представителем Отдела Биологической Обороны из США.

– Разве ОБО не было распущено в 1947?

– Было. Но неделю назад его восстановили под тем же именем из-за кое каких событий... – Илья растянул губы в кривой усмешке.

– Одна из бед демократического правительства в том, что наши сраные Президенты и стукнутый о пень секвойи головами Сенат, не способны заглядывать в будущее дальше своего Президентского срока. Для них главное отсидеть своё срок в Белом Доме, а там хот трава не расти... – вздохнул Громокряк. – Сейчас у нас в США есть свои защитники – например, молодой Кеннеди. Его пророчат в приемники «пердуна Эйза» (прозвище Президента Эйзенхауэра во время его правления. Примечание автора). Он поспособствовал нашему восстановлению... Хотя это не значит, что мы ему доверяем. Мы никому не доверяем. Нас уже несколько раз разгоняли, и всегда это делали те, кто незадолго до этого оказывал нам всяческое доверие.

– Думаю, Елене пока не очень интересны повествования о том, что там у тебя за проблемы с правительством США, – проговорил Илья. – Елена – Громокряк получил копию твоего досье о келе. Полную. Ты там ничего не упустила?

– Нет. Всё как было – всё рассказала. Хотя, товарищ Илья, не могу понять, почему вы посвятили в эту информацию представителя США?

– А вот почему, – Громокряк слез с подоконника и выложил на стол папку, из которой достал несколько жёлтых

листов бумаги, закатанных в тонкий стеклянный корпус, наполненный явно инертным газом – Елена уже видела такие приспособления, для защиты редких документов. – Перед вами отрывочные документы, что мы успели спасти из дома некоего Эйнджела Снарка-Младшего. Эти рисунки он привёз из Мидвеста. Штат Техас.

– Мидвест? – Елена подняла один лист. – Но ведь там же произвели эту взрывчатку...

С листа бумаги на неё глядел келе... точнее не совсем келе – если келе был крепким и сильным – неукротимая мощь и ярость, то с листа пожелтевшей от времени бумаги на Елену смотрело что-то полное, аморфное... В общем всё равно что сравнивать расплывшегося от мирной жизни домашнего толстячка с атлетом-тяжеловесом.

Однако это был келе. Пусть и другого вида.

– Эти существа, что... они живут в США?

– В мифах индейцев США эти чудища называются баксбакуаланксивахикеле – это можно перевести как «многорукые людоеды». Мы их называем «уэтли», в честь героев одного ужастика... – Громокряк вздохнул. – В общем, они тоже могут маскироваться так, что увидеть в лесу их невозможно. Живут они преимущественно в горных лесах. Та самая взрывчатка, о которой вы писали, добывается из уникальных горных пород, что встречаются только там. Полагаю, что ваши – арктические келе, чуя запах этого минерального вещества, приходят в ярость и крушат всё на своём пути, в стрем-

лении до неё добраться.

– Похоже, у этих головоногих есть слабость к запахам определённых веществ. Учувяв тот или иной запах, они просто теряют голову и безо всякой осторожности ищут его источник, – пояснил Илья. – В том случае, о котором пишет Доктор Акула – у «уэтли» развилась форма агрессии к тем, кто благоухал кое каким запахом особым.

– А в 1939 году какие-то умники из «Крест и Бог» (полурелигиозная политическая организация, существовавшая в США. Примечание автора) решили использовать этих существ в войне. Науськивать на противника при помощи этих веществ. В общем, испытания провалились с таким треском, что просто вспомнить приятно, – усмехнулся Громокряк. – Однако сама понимаешь, что против твоих арктических привидений ни одна армия не выстоит. наших, американских «уэтли» можно хоть простым оружием уделать, а вот твоих келе – уже фиг. Тут пушку надо.

– Так вот, Елена, «Крест и Бог» не в последнюю очередь планировали применять «уэтли» против СССР. До Перл-Харбора тогда было несколько лет и все были убеждены, что главный враг США – СССР. После испытаний «уэтли», их планировалось отдать в японскую армию – для действий против СССР – представляешь, что могли натворить плотоядные головоногие, умеющие маскироваться идеальнейшим образом?

Илья потянул Громокряку чашку с чаем.

– Таким образом, надеюсь, ты поймешь, почему Биоинституту и ОБО, надо действовать в теснейшей связке, несмотря на «хотелки» наших правителей. Только так мы сможем вовремя отреагировать на удары судьбы, – проговорил Директор Биоинститута. – Американские «уэтли» были страшными существами, но по сравнению с нашими русскими келе – они просто болонки, против волкодава. Представь что будет, если их получат в свои руки какие нибудь люди типа тех, кто решит, что натравить на людей таких существ – весьма хорошо для «идей демократии», так ведь говорят, да, Громокряк?

– «Демократических ценностей», – Громокряк отпил чаю. – Поймите правильно, мисс Елена – если мы не будем готовы к тому, что какой нибудь сумасшедший фанатик, тайком. Провезёт в нашу страну что-то нехорошее... то мы имеем все шансы проиграть. Уж вы то должны понять, что люди любят баловаться силами, которых не понимают, так как верят, что им по плечу эти силы обуздать.

Елене стало немного не по себе, но затем она вспомнила о том, как вела расследование в 1952 году, в городе Новаградске, где она и приданный ей в помощники Олег, столкнулись с очень необычным веществом, которое происходило аж из США и было волею судеб занесено в СССР «ветрами» Великой Отечественной. Тогда только консультации Ильи с ОБО помогли разобраться в этом непростом деле. Трудно было бы представить, что могло быть, не имей Биоинститут хоть

какого-то мало-мальски нормального общения с американцами.

– Твою добычу я отправил в Новаградск, – проговорил Илья. – Потом, когда исследуем это гигантское головоногое, то передадим всё что знаем – Громокряку. Пусть он и его люди «держат на пульсе» руку и присматривают за биологическими лабораториями США.

– Как скажете.

– И приготовься, тебе придётся лететь на Кубу.

– Опять? – удивилась Елена. – Зачем?

– Что-то случилось у одного из островов, около Кубы... Говорят, что там на дне океана видели странную штуку... Нечто вроде подводной лодки...

– А что такого в затонувшей подводной лодке?

Илья посмотрел на Елену и растянул губы в кривой усмешке.

– Она большая. **ОЧЕНЬ** большая. Вполне возможно, что это – «Икар»...